

НАТАЛЬЯ МОЛОВЦЕВА

*Дни золотых
одуванчиков*

АО «Воронежская областная типография»

Воронеж

2025

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2=411.2)6-44
М 75

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Министерства культуры Воронежской области*

М 75 Моловцева Наталья.

Дни золотых одуванчиков. Рассказы и повести.
– Воронеж: АО «Воронежская областная типография», 2025. – 262 с.

Повести и рассказы Натальи Моловцевой отличают задушевность и любовь к своим героям. Эту прозу по внешним признакам можно назвать «женской», однако вопросы и проблемы, которые в ней поднимаются, нельзя вписать в подобное снисходительное определение. Перед нами художник, обладающий замечательной внутренней свободой, но не отрекающийся от своего женского сердца.

У Моловцевой конкретный человек как-то исподволь соединяется со своим «душевым эфиром», перетекающим из тайного состояния в наглядное, тем самым придавая человеку удивительную полноту – во многом изначальную, Божественную, о которой цивилизация сохранила лишь смутное воспоминание. Сказано было прежде, что Русь будет такой, какою станет русская женщина. У Моловцевой в характере героини на редкость естественно присутствуют уступчивость и забота, способность понять родного человека и помочь, если он оказался в беде. Притом это всегда душевная затаенность, скрывающаяся от поверхностного взгляда и слуха много больше, чем можно увидеть и услышать. Тем внимательнее и неторопливее эту книгу стоит читать.

ОТ АВТОРА

Первую повесть я советую прочитать всем. Почему? Потому что очень люблю ее невыдуманных героев. В повести нет даже одной выдуманной строки – все из жизни. Скажете: тогда это просто публицистика? А вот и нет. Потому что характеры героев настолько колоритны, сложны и непредсказуемы, что они в пух и прах ломают рамки газетного или журнального жанра. Им даже художественная форма кажется мала. А впрочем, делайте выводы сами.

Вторую повесть всем, наверное, читать необязательно. Ее героев я люблю не меньше, но если первая часть повести – это, по большей части, действительно дни золотых одуванчиков, то вторая... Будет больно. Но если вы боли не боитесь, если вам интересна история своего народа во всех ее проявлениях и красках – как светлых, так и трагических – тогда не пожалейте своего времени и души. Повесть однажды уже была опубликована под книжной обложкой, но этот ее вариант дополнен новыми, опять же, невыдуманными фактами. Их изложила одна из героинь на страницах обыкновенной школьной тетради в клеточку. И передала автору этой книги из рук в руки.

А рассказы... Это тоже наша жизнь. Во всех ее проявлениях. И все-таки сдается мне, что дни золотых одуванчиков в ней преобладают. Ах, как бы хотелось, чтобы вы согласились со мной!..

Наталья МОЛОВЦЕВА

КОНЦЕРТ ДЛЯ ВЕТЕРАНА

Повесть-воспоминание

Начало начал

Как давно мне не приходилось читать ничего подобного...

Разве могла я предположить, принимая в свои руки три общих тетради, исписанные плотным почерком, что между их цветастыми обложками (как же без цветов, если авторы тетрадей – женщины) окажется столько любви и света?!

«Нашли чем удивить, – скажет иной недоверчивый читатель. – Да про любовь сейчас пишут все, кому не лень».

Согласна. С небольшой поправкой: вам не кажется, что зачастую она бывает странная, эта любовь? То душевнобольная, то ущербная, а то и просто как известного рода юмор, ниже пояса. Особенно преуспел в такого рода «творчества» телевизор. Если бы вдруг случилось чудо, и ожила моя покойная бабушка, и присела перед нашим голубым экраном поглядеть нынешнее кино... о-о-о... я думаю, она с превеликой охотой запросилась бы обратно в гроб...

«Ну знаете, – предвижу новые возражения. – Ваша бабушка когда жила? То-то... Жизнь не стоит на месте, все меняется, в одну реку нельзя войти дважды. Государство – уж на что монолитное сооружение – и то меняло свое название, устои и приоритеты. А что говорить про такую хрупкую материю, как любовь!»

Позволю себе встречный вопрос: а может, оно потонуло и ушло в небытие, прежнее государство, что мы разучились любить? Что мы в погоне за так называемыми

благами жизни (материальный достаток, общественный престиж, успешное продвижение по карьерной лестнице) стали забывать, что такое настоящая, подлинная, а не выморочная или искусственно взращенная любовь?

В тетрадах же, попавших в мои руки, я обнаружила как раз ее – любовь, пронизанную светом. И, наверное, достаточно общих рассуждений. Пора уже сказать, чьиими руками исписаны страницы в клеточку.

Это руки моих двоюродных сестер.

Наши отцы – родные братья, но, как ни странно, до сей поры я с ними, сестрами, не встречалась и ничего-ничегошеньки об их жизни мне не было известно. Нет, я знала, конечно, что папкин брат дядя Миша живет в совхозе «Красный Узел» (это километров пятнадцать от моей родной Константиновки), что у дяди Миши много детей (если точно – то семеро), что они, в отличие от меня, родились, выросли, учились, а затем и работали на своей родине, в Мордовии, но подробности этой жизни долетали до меня нечасто и крохотными эпизодами, из которых нельзя было составить полной картины. Потому что как раз меня-то ветром судьбы занесло в очень далекие края, и на родину я приезжала только на время отпуска, а много ли узнаешь за его недолгое время? Вот почему жизнь дяди Миши и его семьи была для меня, что называется, *terra inkognita*. Вот почему я так обрадовалась попавшим в мои руки тетрадам: может быть, как раз они и помогут нам, родственникам, наконец, познакомиться друг с другом и, возможно, даже сблизиться, узнать друг о друге то, что было закрыто расстояниями и невстречами. Впрочем, я, кажется, опять говорю общие слова, в то время как пора открывать тетради моих сестреноч – Тани и Тони.

Нет, все-таки еще несколько слов от себя. Имена моих сестреноч, как нетрудно заметить, похожи, всего-то в одной букве вся разница. Мало того, они похожи и внешне, что для двойняшек совсем не редкость.

Моя родная сестра Валентина говорит по этому поводу простодушно: «Я их не различаю, какая Таня, какая Тоня». Поначалу и я не различала, но даже одной встречи оказалось достаточно, чтобы вскоре понять: Таня – это бушующий и вечно действующий вулкан, а Тоня – тише воды, ниже травы. Таня – это та, которой трудно усидеть на месте, которая постоянно порывается что-то сказать и сделать. А та, что сидит молча, да еще и приопустив при этом голову, – Тоня.

С какой же тетради начнем? Конечно, с Таниной. Почему? Да потому что она и тут умудрилась быть первой – ее тетрадка сама юркнула в мои руки. А когда я увидела, что она пишет о родителях... Разве не с них, родителей, все и начинается – и сама наша жизнь, и повествование о ней?

И все же еще несколько слов... Попытаюсь нарисовать словесный портрет дяди Миши – отца Тани и Тони, и, как я уже сказала, родного брата моего отца. Высокий. Широкоплечий. Красивый. В этом они с моим папкой похожи. Да они все были красивые – дети нашей бабушки Федоры, что дядя Миша, что дядя Леня, что мой папка Николай. Разница в том, что мой папка смеялся редко, а дядя Миша часто и охотно, и как засмеется – в глазах словно искорки зажигаются. Вот только не надо думать, что это был человек легкомысленный. За свою жизнь он окончил не одно учебное заведение, начав с ремеслухи (перед самым началом войны), продолжив школой по подготовке руководителей сельского хозяйства (в Саранске, после Великой Отечественной), и потом еще обзавелся экономическим образованием, да не где-нибудь, а в самой Москве. Отсюда и должности: сначала заместитель председателя колхоза в родной Константиновке, а потом в селе Сумаруково, и многие годы затем – главный экономист совхоза «Красный Узел» в Ромодановском районе. Когда же ушел на пенсию – не погнушался и стадо пасти, тем паче что к тому времени дороже цифр

и отчетов стали для него лес, поле, луга и коровки, которых он считал едва ли не умнее людей.

Но это потом, а тогда, в молодости – высок, широкоплеч, красив. И народ, конечно, недоумевал: чего же он Райку-то в спутницы жизни выбрал? Росточку та Райка – от горшка два вершка, на личико так себе, а уж одета... цветастое летнее платье носит с осенними туфлями-утюгами. Утюги же в ту пору были чугунные, угольями из печки нагреваемые.

И вот теперь, наверное, самое время заглянуть в дочкину тетрадь...

Из Таниной тетради. Как же нам повезло родиться у таких родителей, как наши! Скажу больше: родиться у таких родителей, как наши – счастье.

Помню из детства: «Дочка, пошли в поле, отдохнуть хочу. Цветы давно не видела, вольным воздухом не дышала. Возьми с собой одеяло». Я что ж: мама сказала – не повторять. В поле мама походит, цветы погладит, скажет: какая благодать, аж душу сводит. Я ей: «Мам, да ты ложись на одеяло-то, отдохни, я тебя караулить буду». – «А чего меня караулить? Ты, дочка, лучше песни попой да потанцуй, а я на тебя погляжу». Я и рада: пою, танцую, рву цветы, венки плету...

Еще помню: дома у меня был закуток-тайник в бане – с книжками, с куклами из кукурузы. Заберусь в него – читаю, играю, мечтаю. Опять мамин голос: «Тань, ты здесь? Можно, и я к тебе? Отдохну маленько...»

Кому-то может показаться, что мама только и делала, что отдыхала. Но я-то знала, что это не так. Нас у отца с матерью, как в той пословице, – семеро. И потому коров у нас во дворе не одна, а две, а то и три. И встает мама до света, чуть позже отца, чтобы их подоить, молоко через сепаратор пропустить, нас накормить. А мы – каждый со своим вкусом: один кашу любит, второму картошку подавай, а третий и вовсе с утра просит тушеную капусту с салом. И как она, такая хрупкая, росточком малая, все успевала? Наверное, потому, что очень нас любила.

А еще потому, что все они с отцом делали вместе: и во дворе, и на лугу, и в огороде. Мы хоть и помогали, но основная-то нагрузка все равно на них. И все-то они делали молчком: если столько забот, когда тут ласы точить? А еще ведь и колхозная, у нас – совхозная работа ждет. И вот что удивительно: когда отец с работы приходил, непременно приносил маме цветочек – то василек, то ромашку: «Это тебе, мать, приветик с поля». За стол без нее не садился. Придет на обед: а мать где? «Пап, да я тебе щи разогрела, а мама (она тогда работала кладовщиком) пошла на пилораму лес принимать. Велела мне тебя покормить». Отец у окна встанет, смотрит и ждет. А, не дождавшись, уходит не евши. Мама приходит: «Поел?» – «Нет, не стал без тебя». – «Ну, грей щи опять, а я пойду за ним в контору». И вот приходят, сидят вдвоем, обедают; отец что-то говорит, а мама молчит, только головой согласно кивает, – такая вот всегда была эта обеденная сцена. Отец ест и говорит, мама молчит, а то оба начнут над чем-то смеяться, а мы, дети, занимаемся своими делами в другой комнате и к ним не заходим. Почему? Так мама постановила. Наверное, понимала, что надо им хоть малое время побыть вдвоем, наедине друг с другом.

А теперь – без лишних слов – открываем другую тетрадь.

Из Тониной тетради. Но когда отец, пообедав, вставал из-за стола, мы спрыгивали с печки и бежали к нему. Это были счастливые минуты! Чаще всех на коленьях у отца первой оказывалась – она всегда и везде успевала быть первой – Татьяна. Чаще всех отец брал ее с собой на работу. Не знаю уж, что она там делала, только характер со временем у нее выработался командирский. И пока мы росли, ух и доставалось нам всем от сестренки! Помню такой случай. Братья наши – Володя и Миша – работать начали рано, с шестого класса. Летом – в мастерской, осенью – помощниками на тракторе, комбайне. Домой приходили грязные, в саже, в мазуте.

Быстренько умывались и за стол, обедать. На столе всегда кастрюля щей литров на десять, пироги (их всегда пекли так: кончились – и тут же новая партия в печку отправляется). Если мама на работе – кормит Таня. И вот сидим мы, едим. Татьяна – маминым голосом: «Ешьте не спеша. И перестаньте чмокать». А Миша пододвинул тарелку к себе поближе и ест как раз торопливо, на работу спешит. И что ж вы думаете? Татьяна смотрела-смотрела на него, потом взяла тарелку и – хлоп щипом на его голову! И убежала, спряталась... Я ожидала, что достанется сестре от родителей, за такое и высечь бы не мешало, наверное. Но наши отец и мама никогда этого не делали. И на этот раз только долго о чем-то с ней говорили. Может быть, и сами братья попросили не наказывать сестру. Но если вы думаете, что они постоянно ей потакали – ой, нет! Скоро досталось и «командиру».

В этот день Володя и Миша мыли пол. Почему мальчишки, а не мы, сестры? Потому что они были старше нас и уже понимали, что дети в такой большой семье, как наша, родителям должны помогать. И вот мою братья пол, а Татьяна лежит на печке, со скуки колупает от стены штукатурку и бросает на пол. Володька (он у нас самый старший из детей) ей говорит: не балуй, не сори, видишь – пол еще сырой. А Таня своего развлечения бросать не хочет. Я не знаю, как поступили бы на их месте другие братья, а наши сделали так. Володя подошел к Мише и говорит: «Ну что, пора сестренку учить мыть полы». – «Пора», – соглашается Миша. Сели они на диван, понимая, что силой Таню с печки не стащишь, дождались, пока она сама оттуда слезет. И вот тут уже крепенько схватили ее за руки, сунули в них тряпку и – в ведро ее, в ведро! А потом, также держа за руки (знали, отпусти – мигом убежит!), стали возить тряпкой по полу. Сестра, уже вся мокрая, силится понять: что это с ней делают, как смеют учить «командира»? А Володя спокойно так говорит: «С сегодняшнего дня тоже будешь мыть полы, поняла?» Что ответила Татьяна?

Взяла полено, и – бух брата по голове! И бегом к маме на заправку (мама тогда заправщицей работала... ой, кем она только не работала...). Бежит сестра и ревет: поняла уже, что перешла границу, да и брата жалко...

И опять никто из родителей пальцем ее не тронул. Опять обошлись словами. Но однажды...

Да, сестра стала после «урока», учиненного братьями, мыть и полы, и посуду, но неумная ее натура не давала ей покоя. Не получилось командовать братьями – зато есть друзья. Сколоченная ей команда, например, регулярно чистила местные сады и огороды; однажды огород оказался очищенным от всякой овощей и у нас. Стали допытываться у Татьяны, кто это сделал, она и отнекиваться не стала: «У всех побывали, а как же к себе не повести?»

Помню, придя с работы, отец часто спрашивал маму:

– Ну как: Татьяна ничего не натворила?

– Да вроде ничего, – успокаивала его мама.

Папка задумчиво молчал, а потом говорил:

– Так ведь и день-то еще не кончился...

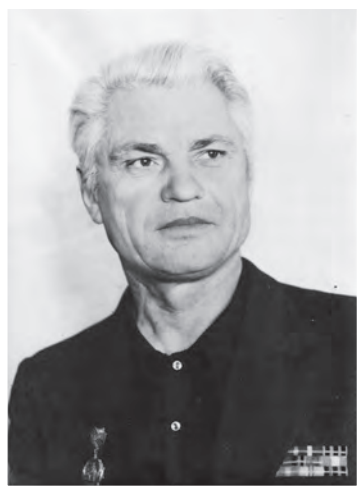
И эти опасения были не напрасными...

Сейчас едешь летом по лугу и видишь большущие кругляши спрессованного с помощью техники сена, а во времена нашего детства сено складывалось в стога вручную, с помощью граблей и вил. И это был очень тяжелый труд, особенно если стог образовывался большой. Так вот, однажды на совхозном лугу был сложен как раз такой стог – громадный, под небо. И что же устроила наша «командирша», когда усталые взрослые разошлись по домам? Позвала своих друзей и подружек, и они устроили на стогу грандиозные игры: прыгали, как на батуте, скатывались с него, как с горки, в результате чего и разметали его вконец, до основания...

В тот вечер отец пришел домой строгий-престрогий. Мама стала, как обычно, хлопотать у стола, а отец: «Погоди, мать». И нам: «А ну-ка, слезайте с печки». Мама насторожилась: «Отец, что случилось?» А отец – дочери:

«Таня, сейчас ты пойдешь, соберешь всех, кто был с тобой на сене. И чтобы все были с вилами и граблями». Таню как ветром сдуло – поняла, что на этот раз легко не отделается. Так же быстро она созвала своих друзей (уж они-то слушались ее беспрекословно). Когда собрались у нашего двора, отец велел привести Таниной команде своих родителей. И потом повел всех на луг – складывать сено. Причем работали – сначала и до конца – не взрослые, а те, кто разрушил стог своими играми.

**Ветеран Великой
Отечественной войны
Михаил Еремеевич Рыжов**

С той поры стогов Татьяна не рушила...

Ну как, уважаемый читатель – вам уже стало интересно? Интересно – не сомневаюсь. Потому что у всех нас свои дети. И все мы хотим, чтобы они выросли хорошими. И перед каждым родителем стоит вопрос: как этого добиться?

Как? А никак. Чем больше я читала тетради своих двоюродных сестер, тем больше убеждалась: единственное, что должны делать родители, пока их дети маленькие – это жить с ними одной жизнью. И чтобы все-все – и труд, и отдых – были у них вместе. И тут опять надо открывать Тонину тетрадь.

Из Тониной тетради. Сена нашим коровкам на зиму требовалось много, и мы старались, заготавливали его всей семьей. Отец скажет: «Сегодня косить сено». И мы все, не исключая Сережки, берем в руки косы.

Почему «не исключая Сережки»? Сережа наш родился с диагнозом ДЦП. Пока был маленький, ползал, это было не очень заметно. А когда встал на ножки... Идет-идет – упал. Коленки всегда в ссадинах и разбиты. Но мы не сразу поняли, что он у нас, как теперь говорят, «особенный». Потому что он всегда делал все, что и мы, в том числе и на сенокосе. На лугу выстраивались, как велел отец, по старшинству: Володя, Миша, Сергей, Татьяна, Антонина и самые младшие – Николай и Евгений. Не ставили в строй только маму: она приносила нам в поле хлеб, молоко и воду. Ох, и счастливое было время! Косим, шутим, смеемся – и усталости не чувствуем. А устали – упали на траву, отдыхаем. Небушко высоко, мама с отцом рядом (они всегда были с нами рядом!), от травы медом пахнет – разве это не счастье?!

Картошки мы тоже всегда сажали много – на нашу-то большую семью. И работали, опять же, всей семьей: вместе сажали, вместе мотыжили, вместе копали. Одну уборку помню особенно хорошо. Чем запомнилась? Пятьдесят соток – это многовато даже для большой семьи. Но наша неунывающая и неутомимая Татьяна что придумала: стала рассказывать нам разные истории, причем одна история оказывалась интересней другой. Вот ведро полнехонько, надо нести высыпать картошку в кучу, а я не могу отойти от сестры: интересно, что дальше в ее рассказе будет? Не только я – все так и ходили целый день за ней по пятам, а она все говорила и говорила. И вдруг замолчала. Мама: «Таня, чем же все закончилось? Нам хочется знать конец». Мы остановились в работе (тем более что и работы уже почти не оставалось), все смотрим на нее, а она: «Мам, я конец еще не придумала». – «Так ты что – сама все сочинила?» Мама с отцом принялись дружно, как это частенько у них бывало, смеяться, а нам, детям, вся эта история показалась обидной. «Врушка, врушка!» – закричали мы на сестру и погнались за ней. Да где же было догнать нашу Татьяну! Мы, дураки,

обиделись, а отец сказал: «Как вы не понимаете, это не вранье, у Тани – талант сочинителя».

Сейчас понимаю, и вы со временем в этом убедитесь тоже – талантов у нашей Тани, как и разного рода проделок, было много. Пусть про одну из них она расскажет сама. Тем более что это поможет нам поближе познакомиться с третьим братом сестер – Сергеем.

Из Таниной тетради. Весна. Мы, дети, все на пруду – катаемся на льдинах. Опасно, конечно, но кто тогда об этом думал? Тем более что мы с Тоней – ах, ах! – в новых шубах. Нам купили их на вырост – мол, к следующей зиме как раз будут, да разве хочется ждать будущей зимы?! И вот натешились, накатались, старшие братья домой ушли, а мы с сестрой и Сережей все еще развлекаемся. Причем Сережа с Тоней стоят на берегу, а я плаваю на льдине. И мне не страшно, мне весело! Но вдруг льдина наклонилась, и я... оказалась в воде. Намокшая шуба потянула ко дну... Я бы, конечно, утонула, если бы не Сергей: брат как прыгнет в воду – и ко мне, схватил меня за ворот и – к берегу... Вот на берегу-то мне и стало страшно: как же так, я и сама плавать умею, и вдруг чуть не утонула – шуба стала такой тяжелой, что куда уж тут плыть? И если бы не Сережа – меня бы уже и в живых не было...

Домой пришли – шубу повесила на забор, сама на печь, отогреваюсь и реву: что родители скажут? Сережка рядом. «Чего сейчас-то плакать? Радуйся, что живая...»

И вот вернулся с работы отец.

– Что за одежда на заборе висит?

– Да вот Танька чуть не утонула.

– А чего реवेशь? – это уже ко мне.

– Да шубу-то теперь выкидывать придется.

– Бог с ней, с шубой. В фуфайке походишь.

Заходит мама.

– Отец, что за пальто на заборе висит?

– Да вот дочь чуть не утонула.

– А зачем ты шубу-то надела, Тань? Красивой хотела быть?

С минутку мама осваивается с ситуацией, потом говорит:

– Да Бог с ней, с шубой, – пальтишко разогнем, в нем и будешь ходить.

И ходила я еще три зимы в старом пальто...

Ну и как вам все это, дорогие читатели? Что Сережа оказался молодцом и героем – это само собой. А вот как мы-то, нынешние родители, поступили бы в такой ситуации? Думаю, так: от души отругали бы дитя, а то и отшлепали для закрепления «науки», а потом... снова купили бы шубу. И даже нашли бы в этом себе утешение и оправдание: жалко дитятю, да и как оно будет выглядеть в стареньком среди друзей и подруг? Нельзя ж, чтобы хуже. А что этого дитятю ждет в жизни потом, научится ли оно беречь одежду-обувку и все другое, без чего в домашнем обиходе не обойтись, узнает ли цену копейке, которая, как известно, рубль бережет – думать об этом большинству из нас и в голову бы не пришло.

А мудрые воспитатели как раз об этом прежде всего и думают. Вот слова одного из них, странные, на наш, современный, взгляд, слова – их произнес Василий Васильевич Розанов, русский (еще дореволюционный) философ, публицист, писатель и педагог. Давайте прочитаем их не спеша: «Нужда и бодрый труд... вот лучшая атмосфера для воспитания».

Нужда? Да мы только и делаем, что стараемся избавить от нее наших любимых чад. Нам кажется, что именно так и должна проявляться наша любовь к ним: «Сами жили в нужде, так пусть хоть они...» Бодрый труд? «Не для того мы их рожали, чтобы они так же, как мы, горбатились...»

Папа Миша и мама Рая педвузов не кончали, трудов Розанова, скорее всего, не читали (хотя вообще-то относились к книге с почтением, о чем речь еще пойдет),

а вот, поди ж ты – поступили аккурат по совету мудрого человека.

Не потому ли, что у них самих в свое время в воспитателях были нужда и труд?..

Остался в живых

И не только нужда и труд – хотя и их было достаточно: у матери дяди Миши тоже было семеро детей. При чем растила она их одна, без мужа – тот не захотел вступать в колхоз, проживал на стороне и дома практически не появлялся.

В те далекие теперь предвоенные, а потом и военные годы нелегкой проблемой было само проживание, пребывание на белом свете.

Из Тониной тетради. Еще до войны отец начал учиться в ФЗО, а когда война началась, ребят направили на один из уральских заводов лить стволы для танков. Кормили работничков плохо, и сил у них хватало только на то, чтобы отлить один ствол в день. А отец уже тогда, в ранней юности, ростом был под два метра, – что ему миска жиденьких, почти прозрачных щей да тарелка перловки? Работа-то тяжелая. От постоянного голода у него стали трястись руки, ослабли ноги. Да разве у него одного? Начальство и само понимало, что люди недоедают, и многого от них ждать не приходится. А сверху требуют как раз много. Оно и понятно: идет война... Выход из ситуации нашелся такой: однажды приходит бригадир и говорит: «Ребята, буду выдавать вам по две пачки махорки в день, на базаре ее можно обменять на еду». Все сразу повеселели, когда к скудному рациону добавились хлеб, молоко, яйца. И дело пошло. Рабочие построили еще несколько печей для литья стволов и стали изготавливать их сначала по три, а потом и по пять штук в день. Бригадир тоже повеселел: «Ребята, буду выдавать вам по три пачки махорки, но норма будет восемь стволов». Стали лить и по восемь,

но... махорка в конце концов закончилась. Махорка закончилась, а норма осталась прежней – 8 стволов в день. Люди опять стали голодать. Опять дрожат ноги, трясутся руки. Дошло до того, что однажды утром у отца не хватило сил встать. И он понял: надо бежать домой, на материну картошку. Иначе – смерть...

Стало это понятно, наверно, и начальству – доходягу отпустили домой. Едва живой, сел он, наконец, в поезд, и вид у пассажира был такой, что кто-то не выдерживал, давал ему половину картошечки или полкусочка яблочка. Так он и доехал до своей станции. А от станции надо еще как-то пройти семь километров до Константиновки, до дома...

Силы закончились, когда отец добрался до своего усада. Тут и упал в картошку, потеряв сознание. Сколько так пролежал – не помнит. На счастье, вышла в огород одна из сестер, видит – валяется среди картофельных кустов парень: худой – кожа да кости, заросший диким волосом, рвет морковь и ест ее немытую, прямо с землей. Не узнав брата, побежала домой: «Мам, там на нашем усаде какой-то мужик лежит – такой уж страшный!» Мать Федора – на огород, и вот уже бежит назад: «Да это Мишка наш, Мишка!» На ноги сын встать не мог; собрала бабушка Федора людей, принесли Мишку домой. Вымыли, потихоньку стали кормить из ложки – сам он ложку держать не мог, даже на это сил не хватало. Несколько ложечек козьего молока, половиночка сырого яичка... Мать рядом плакала да молилась.

На ноги отец встал только через месяц.

Кто-то, возможно, скажет: а-а, так он убежал с трудового фронта, ваш дядя Миша! А где же его патриотизм? Где желание отдать все силы...

А вы не заметили, уважаемый читатель, что эти силы как раз и закончились? Лично я осуждать дядю Мишу не собираюсь. Не хочу. Я вместе с ним плачу...

Что – было бы лучше, если бы он умер от голода? А он не только не умер, но потом еще три года воевал на фронтах Великой Отечественной. Как и многие участники той войны, он не любил вспоминать и рассказывать о том страшном времени. Вот почему сведения о боевом пути отца дети найдут много позже, воспользовавшись сайтом в интернете «Подвиг во имя Победы». Там есть такие строки: «Михаил Еремеевич Рыжов находился на фронтах ВОВ с 1942 года; 1942-1945 гг. – командир орудия дивизии бронепоездов 3-го Украинского фронта; 1945-1947 гг. – командир орудия дивизии бронепоездов г. Брянска». Воевал наш дядя Миша в звании сержанта и является кавалером целого ряда боевых наград; после войны к ним прибавились еще награды юбилейные. Носить такой груз на пиджаке в дни празднования Великой Победы с каждым годом становилось все тяжелее, вот почему дядя Миша обзавелся орденской планкой: прикрепил к пиджачку – и никаких тебе проблем.

А тогда, сразу после войны, фронтовик вернулся, конечно, на родину, в родное село Константиновку. Два года проработал в колхозе на должности «бери больше, кидай дальше». И тогда же решил: надо учиться! Не потому, что презирал лопату и вилы как средства труда, тем более что теперь они были ему под силу, а потому, что хотел как можно больше сделать для достижения вот этой цели: чтобы никто никогда больше не голодал! Наверно, поэтому он и выбрал в школе для руководителей сельского хозяйства профессию агронома, а потом выучился на зоотехника, а потом еще и на экономиста. Вот послужной список нашего дяди Миши: 1952-1953 гг. – заместитель председателя колхоза «Заветы Ильича» (с. Константиновка); 1953-1957 гг. – председатель колхоза «Парижская коммуна» (с. Сумаруково); с 1957 года до конца девяностых – житель совхоза «Красный Узел», занимающий ответственные и хлопотные должности бригадира ОТФ, зоотехника-селекционера, главного

зоотехника хозяйства, управляющего центральным отделением, а затем главного плановика-экономиста совхоза.

Почти полвека напряженного труда в одной из самых сложных отраслей народного хозяйства – ради этого стоило остаться в живых?!

Как Дюймовочка вышла замуж за великана

И все-таки один раз в доме у дяди Миши и тети Раи я была! Он сам пригласил: приезжай к нам в гости (семья жила уже в «Красном Узле»).

Я приехала – а он ушел на работу. И принимала гостью супруга. Тетя Рая кормила меня щами и пирогами, разбирала почту (на тот момент она работала почтальонкой) и попутно рассказывала, как они с дядей Мишей познакомились. Произошло это в Саранске, куда они как раз и приехали учиться в школу для руководителей колхозов.

– Миша приехал из Константиновки, я из Судосева. Время послевоенное, бедность. У меня, помню, была чернильница с чернилами, и не было ручки, а у него как раз ручка была. Вот они-то нас и объединили, сначала для учебы, а потом, как оказалось, и для жизни. Без разрешения родителей раньше семьи не создавались. Повезла я будущего мужа домой, в родное Судосево, познакомить с отцом и матерью. Отец как увидел его – так и в панику. Миша – ростом под потолок, а я в него, в родителя, пошла, а он у нас росту был невеликого. Вот и растерялся: «Раечка, да как же ты с ним жить будешь? Да он... да ты...»

Жених решил прибегнуть к веками испробованному средству: вынул из кармана поллитровку беленькой со словами:

– Отец, а может, мы сначала... по стопочке?

Папа перевел дух:

– Вот с этого и надо было начинать.

По мере того, как поллитровка освобождалась, а беседа продолжалась, понимания между собеседниками становилось все больше и больше. Наконец, папка сказал:

– Бери, Михаил! Отдаю! Больше в тебе не сомневаюсь...

Да и в райкоме, видно, тоже ни в чем не сомневались: сразу после учебы мужу стали доверять руководящие должности. А я за должностями не гналась. Потому что пошли ребятишки, и мы с мужем дружно решили, что работа меня не должна сильно отвлекать от семьи. И вот детишек уже полон дом, а муж не только работает, но и знай себе учится. Уедет на сессию, время вернуться, а его все нет и нет. Наконец, дома. «Ты что так долго?» – «Рай, да пока всем написал отчеты да рефераты...» Он всегда учился лучше всех, а у кого-то так не получалось. Ну и пристают к нему: Миш, помоги. Он и рад стараться...

А потом тетя Рая повела меня во двор, и я удивилась, увидев такое количество скота во дворе; коровы паслись в стаде, но и без них здесь всего хватало: телята, овцы, куры-гуси... Признаюсь честно: мне это изобилие показалось избыточным. Я в те годы заканчивала школу, писала стихи, и все мои мысли были устремлены в заоблачные выси, подальше от земных забот. Многодетная семья – мне и в голову не приходило задуматься о том, как и за счет чего здесь едят, пьют, одеваются-обуваются... Вполне серьезно я обдумывала вопрос: военное поколение – да, оно обязано было во всем ограничивать себя; но мы-то, родившиеся и выросшие после войны – имеем право жить более свободно, а еще лучше – так, как захотим? Вот если я хочу писать – то имею право работать за письменным столом, а не на колхозном дворе и в поле?..

Теперь вы понимаете, почему я смотрела на тети-Раиных овец, кур и гусей без симпатии и одобрения?

Думаю, понимаете и то, что слово свое дядя Миша сдержал: и образованием обзавелся, и сделал так, что никто и никогда рядом с ним не голодал. И как-то само

с собой получилось так, что подростки его дети к учебе тоже тянулись. Впрочем, я, наверное, поспешила, употребив выражение «само собой». Потому что было, как всегда в жизни, по-всякому...

Преимущества многодетной семьи

Из Таниной тетради.

– ...Мам, они задачу мне не решают.

Ну кому я еще пожалуюсь, как не маме? Она тут же просит старшего брата:

– Володь, да реши ты ей задачу.

Мои старшие братья учатся на сплошные пятерки. Ну что стоит им мне, младшей, решить легкую для них задачу? Однако Володя упрямо отвечает:

– Не буду. Сколько можно за нее решать? Пора самой начинать учиться.

Мама – к Мише:

– Миш, ну а ты?

– И я не буду. Володя прав.

– Сергей, ну хоть ты тогда...

В ответ короткое «нет». Полная солидарность со старшими братьями... Но разве я могу обижаться на Сережку, который мне жизнь спас?..

Пока мы дебатировали – в коридоре уже слышны шаги отца. Сейчас переоденется, управит скотину и начнется проверка уроков – по старшинству. У Володи и Миши, как всегда, все в порядке, им разрешено смотреть телевизор. Сережа... «Да что ты дневник мне суешь? И так знаю, что у тебя там одни пятерки». – «Нет, пап, ты посмотри. Там запись для тебя от учительницы по математике».

Отец читает с недоумением.

– Да, брат, дела... Зачем ты задачу в пяти вариантах решил?

– Но ведь ты сам говорил, что решать задачи можно по-разному.

Тут вмешивается мама (она это делает в самые критические моменты, когда надо срочно найти выход из сложной ситуации).

– Отец, разве не ты притащил домой целую библиотеку? Девчонки романы да стихи читают, а он разыскал учебники по высшей математике и задачи решает так, как никто из учителей и не сообразит. И в школу тебя вызывают, чтобы ты сына приструнил.

Отец в замешательстве. Да, он забрал домой библиотеку из «Парижской коммуны», когда ее решили «сократить», но ведь он не думал, что дело обернется таким вот неожиданным образом... Ладно, с этим разберемся потом, сейчас – уроки. К телевизору разрешается идти и Тоне, доходит очередь до меня.

– Тань, а ты чего приуныла?

– Да они мне задачу сегодня не решают.

– А что – всегда решали?

– Да. А сегодня бастуют.

– А что же ты сама?

– Не умею.

– А как же было до сих пор?

– Да всегда они решали. А в школе я у Тони списывала.

Отец в ступоре. На помощь, как всегда, приходит мама:

– Ну и что тут такого? Мне вот тоже задачи никогда не давались. Ты же помнишь: ты своей ручкой конспекты по математике писал, а я – по литературе. А если ты умеешь решать, так и научи ее.

Все кончается тем, что нас с братом Николаем (у него тоже в этот день что-то не ладилось) отправляют в заднюю комнату на «доучку». Николая отец тоже вскоре отпускает к телику, а потом целых три часа бьется со мной. Толку – ноль. Спать охота...

Тут в комнату опять заглядывает мама:

– Отец, ну не дано нам решать эти задачи – ни ей, ни мне. Что же теперь – не спать? Иди, дочка, на печку.

Михаил Еремеевич с супругой Раисой Степановной

На печку я взлетаю турманом и слышу, как отец говорит:
– Вот если бы Сергей научил ее играть в шашки и шахматы – она бы и математику поняла.

Я – с печи:

– Не может такого быть!

– А ты проверь!

Эх, знал бы дядя Миша, что будет дальше...

Уже на другой день Татьяна не могла дождаться, когда кончатся уроки и брат начнет учить играть ее в шашки. Поначалу дело шло туго, но вскоре Таня уже обыгрывала не только братьев, но и всех одноклассников. Дошло до того, что стала играть на равных с Сергеем – покорителем высшей математики. А однажды вечером...

Однажды вечером заявила:

– Ну что, – садимся на большую игру? Володя, прошу к барьеру!

Все хохочут, а она – бац, выиграла партию у старшего брата. А потом и у Миши – тоже. Мало того – самому

учителю по шашкам – Сергею – пришлось признать свое поражение. Сестру и двух младших братьев – Николая и Женю – обыграла «одной левой». Тут и пришел с работы отец.

– Пап, Танька тут всех нас мочит. Теперь вся надежда на тебя.

И если до сей поры в доме звучали гогот и смех, то когда Татьяна села играть с отцом – стало слышно, как муха где-то под потолком летает.

– Ага, притихли! – ликует покорительница шашек. Все опять загомонили: что-то небывалое творится – дочь вот-вот обыграет отца... В замешательстве и сам глава семьи: оказаться в проигрыше – это же удар по родительскому авторитету! Тихонько просит дочку: «Тань, поддайся, а то как-то не так получается...» – «Нет», – решительно рубит дочь. И смотрит на маму – что та подскажет? «Дочь, поддержи отцову репутацию», – ловит ее тихий шепот... И только после этого Таня сдает шашку отцу. Сергей недоумевает: как же так – буквально два хода назад у сестры практически уже была победа?!.

Закончив игру, Таня встала. Пошла в сени. Следом вышел отец. Вытирая брызнувшие из глаз слезы, дочь попросила: «Пап, не садись больше играть со мной. Ладно? Я проигрывать не хочу и не умею...»

Как видим, шашками, а затем и шахматами, Татьяна овладела в совершенстве. Но... математика подружкой ей так и не стала. Пожалуй, в первый раз отцова придумка не дала нужного результата (да и репутация при этом едва не пострадала...). Но есть у многодетной семьи большое преимущество перед семьей малочисленной: дети здесь воспитывают сами себя и друг друга тоже. Вы уже знаете, как братья учили Таню мыть пол. Вот и теперь: старший брат, Володя, не давал сестре покоя, постоянно попрекая ее: неуч, семью позоришь...

Сами братья – и Володя, и Миша, и Сергей – уже учились в университете, Тоня – в Казанском институте на ветврача, а Таня...

Из Тониной тетради. Таня приняла решение выучиться на агронома – заочно.

– А вступительные экзамены за меня будешь сдавать ты, – заявила она мне.

Я – в панику: да как же это возможно?! И получаю инструкцию:

– Мы с тобой похожи? Похожи. К тому же здесь нас никто не знает. Вон группа – заходи и сдавай...

Я по жизни трус: иду, трясусь, но попробуй не послушай нашу Таню...

Слава Богу – все у нас получилось. Самое главное – училась потом Таня очень хорошо. Может, потому, что ей хотелось доказать старшему брату, что она тоже может работать мозгами. Конечно, и тут без приключений не обошлось: однажды Таня опоздала на экзамен. Председатель экзаменационной комиссии вспылал: «Это что за отношение к учебе? С какими знаниями вы потом поедете работать в село?» – «С какими? – переспросила наша Таня. – А вы дайте мне билет». Билет Тане дали, и она без подготовки ответила на него. А потом, уже сама, взяла еще один, и еще... и опять отвечала без подготовки! Кончилось все тем, что нашей студентке экстерном выставили отличные отметки по растениеводству за три курса вперед! Когда же она, наконец, получила диплом о высшем образовании, мы по этому поводу устроили дома, как говорят теперь, вечеринку. И тут наша строптивая командирша услышала от брата: «Молодец, Татьяна, теперь мне за тебя не стыдно. Теперь я тобой горжусь!»

А уж как наша сестренка взялась работать! Распределение она получила на сортоиспытательный участок в Ромодановском плодопитомнике. Свекла, ячмень, пшеница, вика, соя – семена всех этих культур надо было районировать, проще говоря – приспособливать

к произрастанию в нашей местности. Наблюдение за каждым таким подопытным семечком – большая работа, уход – что за малым дитем: вовремя напои, накорми, содержи в чистоте (от сорняков), следи за ростом... И поскольку отчеты об этой кропотливой работе – для Москвы! – поручено было писать молодому агроному Татьяне Михайловне, то и ушла она в эту работу с головой. Да так, что некоторым другим головам при этом не поздоровилось. О чем речь?

Приезжает однажды утром Таня на делянку и видит такую картину: пьяный тракторист на дизельном тракторе колесит по молоденьким, едва зазеленевшим всходам. У агрономши от такого разгильдяйства аж дух занялся... Что сделала наша Таня? Угадайте с трех раз... Да нет, не ошибетесь уже с первого: остановила трактор, вытащила тракториста из кабины и ну лупить его своими крепенькими кулачками по морде, по башке – да куда получалось! «Ты что, одурел, скотина?!» Может, не больно ласковые слова она употребляла, но понять ее можно: на участке было сорок делянок, на каждой свой сорт зерновых высажен, и каждый из них всходит в свои сроки, и – как их теперь определить, эти сроки? В общем, когда тракторист пришел в себя, они с Таней пересеивали участок вместе. А потом агрономша уже в одиночку снова наблюдала и фиксировала, как прорастали, набирали силу и проявляли свои качества эти многострадальные семена.

Кончилось все тем, что за выполненную работу Таня получила медаль «За лучшее внедрение сорта ячменя в Республике Мордовия». И в придачу – дом, построенный в питомнике за государственный счет с разрешения Москвы. Медаль в домашнем кругу обмывали по-фронтовому: Таня опустила ее в стакан с вином и преподнесла старшему брату, от которого в свое время ей доставалось много упреков. А на этот раз услышала от Володи такие слова: «Сестренка, я тобой не просто горжусь – я тобой восхищаюсь! Прости за прошлые слова...»

Таня и любовь

Прощай, детство... Да и юность, прощай. У наших героев, как видим, началась взрослая жизнь. Мы еще не раз вернемся туда – и в детство, и в юность, а сейчас надо вести повествование дальше. У старших братьев уже свои семьи, и Володя, и Михаил работают руководителями сельских хозяйств. А девчонки переживают первую любовь.

Из Тониной тетради. Сестра разбудила меня в четыре утра. Говорит: «Тонь, я сегодня в первый раз с парнем поцеловалась». Спросонья ничего не могу понять, только утром спрашиваю: «Как это – целоваться?» И слышу: «Это рассказать невозможно. Сходи на индийское кино и поймешь». В то время в клубе часто показывали индийское кино, смотреть его ходило все село. Смотрели на экран с замиранием сердца: вот где красота, чувства, настоящая любовь...

Свою индийскую любовь выдумала себе и Татьяна. Она очень сильно полюбила Лешку (фамилию называть не буду). Два года они дружили, а потом еще два она ждала его из армии. Ох, и наплакалась тогда мама... Ей-то было понятно, что любовь была только с одной стороны – Таниной. «Танечка, на коленях тебя прошу – не ходи за него». Но вы же знаете характер Тани: «Не будет свадьбы – так уйду к нему». Сыграли свадьбу...

И вот пришла я однажды к ней в гости – уже замужней, уже дочка бегает бегом. Сидим, чай пьем, разговариваем. И вдруг: «Ой, трактор гудит, Лешка едет». Она торопится разогреть щи, дочка несет на стол хлеб... Заходит хозяин. Сестра поливает ему на руки воду, чтобы умылся, подает полотенце, чтобы утерся. «Садись, Леш, ешь...» Смотрю, слушаю и не верю: куда девался наш «командир»? Тут только одни подчиненные... Все, кроме хозяина. Я, как гостя, слышу его недовольное: «Что, дел дома нету, по людям ходишь?» Поел, полежал на диване, уехал. Таня, видя мое настроение, грустно роняет:

«Муж есть муж... семья». Да какая там семья, если он не каждый день дома ночует?..

А потом муженек и вовсе ушел к другой. Как сестренка плакала, как страдала!.. За неделю высохла, как былиночка. Просит меня: «Пошли, сходим к нему». – «Да ведь мы уж ходили». – «В последний раз...»

Подходим к дому. Выходит на крыльцо Лешка. Таня: «Леш, пойдем домой. У нас ведь дочка. Да и я... люблю тебя!» Знаете, что он сделал? Крыльцо было высокое, он на верхней ступеньке стоит, Таня внизу. И он как толкнет ее ногой в грудь! Татьяна упала. А сверху голос: «Я полюбил другую женщину, а тебя никогда не любил и не полюблю». Таня медленно встала, стряхнула пыль с разбитых коленок. И тихо так, словно самой себе, говорит: «Ну, все. Теперь все. Больше ты в наш дом не войдешь». И пошли мы назад. Шли молча, без слез. А дома Таня скинула матрац с кровати на пол, легла на него и сказала всего три слова: «Как я устала...»

На полу она пролежала не помню уж сколько дней. Не двигалась, не ела, не пила. Вот тебе и индийское кино. Это уж, наверно, любовь по-русски...

Наконец, однажды сестра встала и произнесла: «Все, иду на работу».

Работа ее и спасла. Как раз тогда она и выводила районированный сорт ячменя, писала отчеты о проделанной работе в Москву. А супруг через какое-то время осознал, чего он лишился: жена по уши была в работе, но все его команды в доме выполнялись беспрекословно, все подавалось ему на блюдечке с голубой каемочкой. Захотел вернуться, но сестра решения не поменяла: «Я же сказала: порога дома больше не переступишь...»

Вот такая она, твердая характером, наша Таня: как решила, так и будет. Даже не верится, что когда-то братья учили ее мыть полы в доме. Теперь она выстраивала нас в поход за чистотой! Один случай не забуду никогда. Сестра сообщила, что едет навестить нас. Нас – это меня, сына Максима и брата Сергея – он тогда жил

в моем доме. Ну, а мы уже знали: если сестра едет – в доме должен быть порядок. А у нас... В комнате у Сергея повсюду книги, тетради (в них он, между прочим, и стихи собственного сочинения писал), да еще собачку завели. У Максима, прямо сказать, бардачок. Про меня и говорить нечего: газеты, журналы, книжки – и на столе, и на полу. Больше на полу, конечно... Я говорила про это: люблю, чтобы все было под рукой. А Таня называла это: чтобы валялось, где попало. И вот вижу в окно: сестра идет. Кричу: приехала! Сергей к себе – кровать заправить, на столе прибраться; Максим, смотрю, все в кучу побросал и одеялом накрыл. Я – на кухню... И вот заходит Таня:

– Так, у вас опять бардак.

Хочет пройти к Максиму – а он в дверях встал, не пускает. Потом прошла к Сергею: «Ничего, ничего, только пыль надо протереть». Сергей на коляске (он к тому времени уже не ходил), сразу за тряпку. Пошла в мою комнату... «Сестра, когда начнешь убираться?» Гляжу – а глаза у нашей «грозы» смеются! И вот уже все вместе садимся обедать, разговариваем, смеемся... Хорошо!

Сейчас я про сестру могу сказать так: она – моя защитница, моя спасительница, моя палочка-выручалочка во всех ситуациях. А еще артистка. Да вот хоть этот случай взять: решили мы с ней сходить на кладбище, а по дороге (жили уже в Ромоданове) заглянули в Пенсионный фонд, насчет пенсии мне узнать. Заходим в помещение, на строение у нас хорошее, разговариваем о чем-то. И вдруг Таня захромала, рукой за стену держится. Народу много, охранник понял, что надо человеку помочь: «Дайте инвалиду пройти...» Ведет ее в нужный кабинет. У меня слезы на глазах: что же случилось с сестрой?! А она уже дверь из кабинета открывает: «Заходи». Захожу, дрожащим голосом излагаю свою просьбу. «Вам надо в соседний кабинет». Идем и туда. Пять минут – и все проблемы решены. Выходим в коридор, Татьяна мне шепчет: «Сопли вытри, возьми себя в руки». В коридоре бабушки сидят, человек

тридцать. Сестра достает пакет и всем раздает конфеты: «Простите нас. Сегодня родители, нам надо еще на кладбище успеть. Пожалуйста, простите...» Бабушки и давай хохотать! «Бог тебе судья, дочка, как у тебя здорово все получилось!» Охранник рот было разинул, а она и ему на стол конфет насыпала. И – никто не в обиде, все угощаются конфетами и наших родных поминают...

А что она учинила однажды в еще более серьезном учреждении! Отец, как участник войны, должен был получить от государства машину. Собрали мы все необходимые документы, и отправились Таня с отцом в кабинет, где комиссия по распределению машин заседала. Предъявили документы, все оказалось в порядке. И тут прозвучало: «Ну, а денежки-то вы принесли?» – «Какие денежки?» – «А разве не надо нас отблагодарить?..» Таня и дослушивать не стала: выскочила в коридор, просунула в ручки дверей кабинета ножку от стула и – бегом в прокуратуру. Через полчаса члены комиссии уже приносили отцу свои извинения...

Нет, недаром наш папка любил Таню больше всех своих детей! Всех любил, но ее все-таки больше. Говорю это без ревности, потому что она этого заслуживала. Про сестру можно рассказывать бесконечно...

Что ж, согласимся с Тоней, но... не слишком ли мы увлеклись женской частью дяди Мишиной семьи? Не пора ли вспомнить о мужчинах? И прежде всего – о старшем из сыновей, Владимире Михайловиче Рыжове.

Вот с кем из детей дядя Миши мне все-таки повезло повидаться до того, как в мои руки попали тетради сестер, так это с ним, с Володей. В первый раз – в Голицино, в Подмоскovie – здесь, в одной из военных частей, двоюродный брат проходил срочную службу, а я как раз училась в Москве. Вот его родители и написали мне письмо, попросили навестить скучающего по родному дому сыночка. Я накупила, сколько позволяла студенческая стипендия, гостинцев, и поехала. На проходную

из казармы вышел среднего роста, крепенький такой парнишка в военной форме. Узнаю в нем тети-Раины черты. «Володь, ты?» – «Наташ, ты?» Вот и встретились. И пообщались...

А второй раз я поехала в гости к нему, уже женатому и имеющему взрослых детей. Всю жизнь проработав председателем колхозов в Ромодановском районе, теперь мой брат был не у дел, занимался домашним хозяйством. И хозяйство это было, как когда-то у родителей, не маленькое. Я гостила у родителей, и к Володе мы поехали, чтобы прикупить хорошего мяса. То, что выращивается сейчас в наших новомодных животноводческих комплексах – не мясо, а натуральное мыло. А вот когда мы привезли домой и стали варить оковалочек привезенного от Володи поросенка, по дому поплыл такой дух и аромат, что наш собственный дух замирал от наслаждения...

И все-таки главным моим воспоминанием стало не это. А то, как гостеприимно встретили нас в доме брата, как и заботливо, и быстро накрыла стол жена Люба, какими вкусными оказались на том столе закуски и наливочки домашнего приготовления. А какие хорошие разговоры были у нас! Про жизнь, про наши нечастые встречи, про удивительное чувство родства, которое не дает нам друг друга забыть и греет душу даже на расстоянии. Ну и, конечно, про то, почему Володя, Владимир Михайлович, в свои далеко еще не старые годы оказался вдруг на пенсии...

Что ж удивительного в том, что после того визита к родственникам я написала про них рассказ? Не ко всем своим писаниям отношусь с одинаковым чувством, но этот рассказ люблю до сих пор. Может быть, полюбите его и вы, дорогой читатель? Сдается мне, что будет вполне уместно и даже необходимо привести его здесь и сейчас – художественное слово (если оно, конечно, художественное, на что я очень надеюсь...) способно короче и яснее сказать о том, что даже не сказано, а только подумано. Итак...

ЛЮБА, РАВНАЯ ВСЕЛЕННОЙ

...Так жизнь и идет: встань в четыре, убери за скотиной, накорми, напои, подои. Съезди на базар, продай мясо... Грядки для нее – после всего этого – уже почти что не работа, а удовольствие. Дышишь свежестью зелени, видишь, как лучок да морковка из земли лезут-стаются. Правда, к этому времени, ко второй половине дня, начинают болеть ноги. И если начинается прополку Люба как все бабы – кормой кверху, то продолжает так: становится прямо на колени, да и продвигается вперед, с корнем вырывая осот, лебеду, молочай. А когда и на коленях становится неважно – бросает на землю старенькую безрукавку, да и падает на землю между грядок, лицом вверх, чтобы передохнуть. Глядит на застывшие в знойном мареве облака, каждый раз удивляясь тому, как быстро они меняют свои очертания. Вот только над тобой было гигантское лицо молодого мужчины, но за какие-то немногие минуты оно успело постареть, а потом и вовсе распалось. Зато на его месте возникло чудное видение – женская головка в шляпке. В шляпке, которую Люба сроду не носила. Тем интересней: шляпка, оказывается, женщину здорово украшает. Но вот и шляпка стала вытягиваться, утончаться, менять очертания... Господи, уж не Царевна ли Лебедь теперь по небу плывет?..

Хорошо... Хорошо в такую вот минутку, когда никуда не надо торопиться. Лежи себе, думай про все сразу...

Вспомни, например, свою свадьбу. Да что свадьбу, свадьба – дело обычное, заранее во всех своих главных моментах запланированное. А вот до свадьбы...

Жила Люба в своей Рожновке и ни о каких романтических (так теперь молодежь говорит) встречах думать не думала – некогда было. Отец пил, сестренки и братишки младше ее – кто матери помогать будет? Она, Люба. Она и помогала – и по дому, и со скотиной.

Походы в райцентр за покупками были для нее как сейчас прополка – одно удовольствие. Иди да гляди вокруг, сорви попутно полевой цветочек, удивись его невычурной, но греющей душу красоте...

Вот так шла она однажды и шла; пять километров – не расстояние, но уж больно сумка тяжелой на этот раз оказалась. И потому она обрадовалась, когда рядом остановилась машина. «Садись, подвезу», – говорит водитель. Она и села, чего не сесть? Шофер оказался молодой, но все же ее постарше и такой... такой... Как артист Джигарханян в молодости: роста невысокого, кости некрупной, а мужского обаяния – через край. И глаза – умные и смешливые сразу. Спрашивает: «Как зовут?» – «Ну, Люба». – «А я Вовка». Люба засмеялась: поняла уже, что не водитель он этой машины, а, наоборот, из тех, кого возят. Ради баловства за руль сел, или настоящий шофер заболел.

Так потом и оказалось: председатель соседнего колхоза он – Вовка, Владимир Константинович...

В общем, пока ехали, Люба голову потеряла. И так-то в ней было не больно много, в ее голове, а тут совсем опустела. Одни только глаза его да голос – такой уж приятный, смешинками начиненный...

Про остальное она от самого мужа знает. Когда Вовка убедился, что обид держать она не умеет (все обиды входят в нее, как нож в воду – вынул, и вода снова сомкнулась, и уже не помнит его, ножа), так вот, когда Вовка убедился, что обидам она не разрешает задерживаться ни в голове, ни в сердце, рассказал, как все было.

...Когда он заявил матери, что собирается жениться на ней, Любе, будущая ее свекровь заявила, сурово поджав и без того тонкие губы:

– Да уж догадывалась... Но не одобряю. Девка-то без образования.

Вовка помолчал. Потом поглядел на потолок, на стены. В стол. И – так же немногословно:

– Женюсь, мам. Ты уж как хочешь, а я женюсь.

– Не о такой жене для тебя я мечтала, – скажет еще свекровь, понимая, что все слова бесполезны: раз сын решил, значит, так оно и будет.

Но на свадьбе Люба все же сидела ни жива ни мертва: ну, как все как-нибудь не так еще повернется? Мало ли... Это она голову потеряла, а он? Мог ведь и вправду с высшим образованием выбрать, а не ее, Любу, у которой всех достоинств – телом крепка. Так сейчас в моде как раз-то совсем другие – бестелесные...

Но все шло своим путем: гости кричали «Горько!», пели и плясали...

Свекровушка глядела на нее не сказать что ласково, но задумчиво. И вдруг, улучив момент, к ней подседа. И вышел у них откровенный разговор. Свекровь сказала так:

– Я ведь тоже без высшего образования. А у мужа таких образований аж два. И вот вышла я замуж, а поделаться с собой ничего не могу. Мы с ним как жили: ложится он рядом, а во мне ни одна жилочка не дрогнет. Бревно и бревно привалилось... Это уж потом стало по-другому. Пусть у вас по-другому будет сразу – за это и выпью.

Люба сначала опешила. Потом застеснялась...

Она стеснялась этого долго. Стыдно сказать: когда Вовка ложится рядом, в ней все петь начинает. Все начинает петь! Но она виду не подает, прячет глаза под одеяло. И дожидается, когда Вовка положит на нее руку. Прямо на грудь. И тогда все тело вмиг становится легким, как облачко... Так было в молодости. Так было после того, как двух детей родила. Так и сейчас. Кладет Вовка руку на грудь, и она сразу и на земле, и на небе... А уж в самый сладкий момент, в самый-самый, происходит что-то совсем непонятное: Люба чувствует, что стала равна Вселенной...

Как это возможно, чтобы обычный человек сравнился с необъятной Вселенной? Да откуда ей про это знать, Любке без образования? Она только именно что чувствует: Вселенная и она – одно и то же. У Вселенной и у нее – одни жилочки, одна кровь. Одна душа...

И причина такому ее необыкновенному чувству – он, муж...

Колхоз был для Вовки всей его жизнью. Вставал он так же, как и она, в четыре, съедал два куска мяса с картошкой и ехал в поле, на фермы («Ты думаешь, чего я на тебе женился? Знал, что мясом с утра накормишь...»). Домой возвращался затемно. Люба одна управлялась и с хозяйством, и с детьми, а образованный муж крутился на колхозной работе, как белка в колесе, и почитал это за счастье. Люба его работу уважала: она что – только по дому да возле дома, а у него забот полон рот...

И вдруг в одном из высоких кабинетов прозвучала команда: колхоз банкротить.

Три дня Вовка ходил как током ударенный. То ли будет жить, то ли нет...

Через три дня в том же высоком кабинете он заявил: – Я в этом участвовать не буду. Это уж без меня.

Без тебя, так без тебя. Не будешь? Ну и сиди дома, – примерно так разъяснили Вовке его дальнейшую жизнь.

Люба сдуру обрадовалась: теперь у нее помощник будет! Дети выросли, к городу прибились, так что – в самый раз...

Но помощник приходить на помощь не торопился. Люба, как всегда, вставала в четыре и шла к скотине: убирала, кормила, доила... Часа через два подходила к кровати: помощник лежал, как поверженный воин, – раскинув руки и ноги, в лице – отрешенность, и только из горла то ли хрип, то ли всхлип, то ли стон... Солнце уж высоко стояло, когда он разлеплял глаза: «Люб, рассолу». – «Вов, может, хватит?» – «Горит, Люб. Вот тут горит...»

И прикладывал руку к груди. «Ну так не водкой же заливать. Водкой-то этот пожар не потушишь».

Поставив у кровати рассол, уходила в огород; приходила, а он опять – как поверженный воин.

Однажды она легла рядом и лежала до тех пор, пока он не очнулся.

Дети супругов Рыжовых на свадьбе младшего брата

– Люб, ты чего?

– А ничего. Или встаем вместе, или пусть вся скотина с голоду передохнет.

– Ну, Люб... Дай рассолу...

Долго пил. Долго молчал. Потом повернулся к ней и положил руку на грудь...

И живут они теперь так: если Вовка утром встает – идут на скотный двор вместе. Если не встает – идет она одна. Скотине не скажешь: хозяин нынче не в форме. Скотину надо обихаживать каждый день. Ноги в такие дни болят сильнее обычного, ну дак куда деваться...

Зато как рада Люба, когда в дом наезжают гости! Сидеть за столом – это тебе не навоз в узенькое окошко кидать. К опальному Вовке, Владимиру Константиновичу, кто только не приезжает! Но чаще всего – прежние друзья-товарищи.

Стол Люба накрывает быстро, поскольку готовит его по одному и тому же сценарию: яичница-глазунья, красная рыба в кляре, сыры-колбасы. Под маринованные синенькие да соленые грибочки все это идет за милую

душу, тем паче что запивается домашними наливками и настойками на терне, сливе, вишнях, смородине. На боярышнике – это, считай, уже лечебный напиток. Мужики выпивают, закусывают, изливают Вовке душу. «Сверху, как всегда, прессуют. Местных инвесторы выжидают. Мать-перемать... извини, Люб...»

Люба слушает, особо в разговор не вступая. Ну чего она, Любка без образования, может подсказать тертым-перетертым мужикам? Хотя иногда ее подмывает обронить: мужики, ну, а где же вы были раньше-то, пока можно было упереться рогом? Вовка-то вон уперся. А если бы вы все?..

А недавно... недавно в их доме оказался вдруг гость из области, как выяснилось, самый настоящий писатель. По годам он был им с мужем ровесником, но в селе никогда не жил, и потому сначала обстоятельно беседовал с хозяином, а потом переключился на нее, Любу. Так и закидал вопросами: а вот смогла бы она жить в городе? И неужто сельская глушь совсем ей не надоела? И сельская работа – это же с утра до ночи, без всяких тебе выходных...

Больше всего его удивил рассказ о том, как она быка резала.

– Что – сама? – не верил писатель.

– Ну, а чего же... раз надо...

– Но ведь – бык! Громадное животное! Курицу – это я еще понимаю.

– Так курицу тяжелее, – втолковывала ему Люба. – Ты ее, заразу, сначала поймай – набегаясь до упаду. А этот великан, как накинешь ему петлю на шею, сам ложится на землю. Только глядит... ох, как глядит!

Но и писатель уже смотрел на нее не отрываясь, а когда Вовка вышел за очередной порцией наливки, вдруг произнес:

– Люба, вы – образ самой России.

И – бац – руку ей на коленку. Она ту руку, как муху, моментом смахнула – знала, чем может кончиться, если Вовка заметит...

Лежит Люба, смотрит в небо. И нехорошая, непривычная мысль приходит ей в голову: вот если бы она ту руку не смахнула... Что дальше-то? Дальше-то могло бы что быть?

В последнее время Люба себя уже стесняться стала. Располнела. Пальцы на руках, как сосиски. Волосы на солнце повыгорели. Вовка теперь и в глаза, и за глаза «баушкой» ее зовет. А как не баушка, если у взрослых детей внуки уже пошли?

И ноги вот разнылись так, что вставать неохота. Но вечернее солнце жарит, надо перебираться под навес. Под навесом у сарая солома накинута, можно отдохнуть, не опасаясь, что подскочит давление.

Что там супруг? Неужто опять...

– Лю-ю-б, ты где?

Легок на помине...

– Лю-ю-б!

– Да здесь я, здесь!

Муж возник в проеме – улыбающийся и трезвый.

– Вот она где скрылась. А я ищу ее, ищу.

– Что, соскучился?

– А то.

– Соску-у-чился... а сам баушкой зовешь.

– А ты что, в моем голосе шутки не слышишь? Всегда вроде слышала...

Вовка повел плутовскими глазами по сторонам, проговорил внезапно захрипшим голосом:

– Ты у меня не баушка. Ты – молодка.

– Вот теперь точно слышу. Шутку.

– Ну все... допекла.

И упал рядом. Она попробовала увернуться:

– Ну чего ты, чего... От меня навозом пахнет.

– Не чую, Люб. Молоком – чую, сеном – чую. А навозом...

Вот и весь рассказ. Практически ничего здесь не выдуманно. Разве что отчество у Володи другое, так его лег-

ко заменить на настоящее. Надо ли что-либо добавлять к сказанному? Надо. Брата моего Володи не стало в мае 2019 года, и любимая его Люба живет теперь воспоминаниями о своем незабвенном супруге и заботах о детях и внуках. Не забывают его сестры и братья. Заглянем еще раз в Тонину тетрадь.

Из Тониной тетради. Как-то раз приходит Володя и говорит: «Пошли, сестра, на охоту сходим, а то все дома и дома». Заходит вечером. Собрались: взяли шубы, воды, хлеба с помидорами и пошли. Идем, а я вдруг спохватываюсь: ружье-то забыли. А он серьезно так отвечает: потом сбегает. Дошли до пруда, залегли под берегом. Брат говорит: лежи и наблюдай, сейчас прилетит разведчик, и если увидит, что все тихо – прилетит вся стая. Так пролежали мы на шубах целый час. И вот показался разведчик. Покружил-покружил и улетел. Брат тихонько: «Сейчас всю стаю приведет». И вот видим – летят уточки одна за другой, штук семь или больше. Сели на воду и потихоньку посвистывают. Мы наблюдаем, любимся. Вдруг я спохватываюсь: «А ружье-то? Надо за ним бежать». И тут брат говорит: «Не надо, сестра. Не могу я больше в них стрелять, пусть живут-поживают». А я знай ворчу. А он: «У тебя что – поесть нечего? Ты смотри, какая красота вокруг, душа радуется, петух охота. А ты – ружье». Так вот мы и поохотились... На другой день приходит: пойдем порыбачим. Я ему: «Что, тоже пойдем без удочек?» А он смеется: «Нет, сети на этот раз возьмем!»

В школе – отличник. В университете – отличник. В армии – тоже отличник. Работать начал – всего себя работе отдавал. Почему же стране такие люди вдруг стали не нужны? Некоторые из друзей брата оказались в такой же ситуации. А у всех – золотые головы, талант и душа, болеющая за родную землю. Зачем случилась эта перестройка?! Неужто нельзя было улучшать нашу жизнь как-то по-другому?..

Ой, хорошо, ой, хорошо...

Можно ли жить с пьяницей и быть счастливой? Если бы меня спросили об этом до того, как я взяла в руки Тонину тетрадь, я бы однозначно и безапелляционно ответила: нет. А когда в эту тетрадь заглянула...

Первый брак у Тони, как и у сестры Тани, тоже оказался неудачным. И развод с мужем она переживала также тяжело – долгое время от всего пережитого ходила с температурой под сорок. А кому понесешь свою беду? Конечно, маме. Вот пошли они с ней как-то на пруд. На дворе поздняя осень, кромки у пруда уже заледенели.

– Мам, я в воду хочу.

– Ну и иди. Делай, что тебе хочется.

Разделась Тоня, одежду ей отдала. И – бух в воду! Поплыла. Долго плавала. Вышла на берег, чует – легче. Мама ей говорит:

– Полегчало? Ну, и слава Богу.

– Мам, а чего мне теперь делать?

Тетя Рая не больно разговорчивая была и говорила тихо. Но вот что удивительно – все всегда ее слышали. Что у мужа в конторе, что в гостях, а уж дети... На этот раз мама сказала дочери так:

– Решай сама, дочка. Как решишь, так твоя жизнь и сложится. Мы бы с отцом и рады все ваши тяготы на себя взять, только вашу жизнь за вас прожить не можем.

Из Тониной тетради. Долго я жила одна. Много глупостей натворила. И, в конце концов, поняла: нет ничего хуже одиночества. Что же делать, новую семью заводить? Да ведь я некрасивая, замужем уже была, кто же ко мне с серьезными намерениями подойдет? До перестройки была на серьезной работе – ветеринаром в плодопитомнике, а тут, как и брат, осталась вдруг без работы.

Пришлось пойти на сахарный завод гасильщицей. Кто знает, тому известно, что спутники этой работы – пыль, известь, дышать нечем... После смены бухнешься на сиденье в автобусе – слава Богу, отдохнуть можно.

Натяну на глаза капюшон и делаю вид, что меня и на свете нет. Но на самом деле кругом себя гляжу и думаю. Вот стоит рядом пара: она тоже, типа меня – ничего особенного, а он слушает ее и улыбается. Почему со мной такого не происходит?!

На другой день в том же автобусе опять вижу этого мужчину. Сидит напротив и смотрит... прямо на меня! И – Боже – какие красивые у него глаза! Синие-синие... Скоро остановка. Понимаю: сейчас встанет и уйдет... А я не хочу, чтобы он уходил! Что же делать? Вспоминаю мамины слова: «Как решишь, так твоя жизнь и сложится». И вот говорю подружке погромче: «Кать, поможешь мне донести вещи до дома?» Она: «Да у меня самой полно». И тут Володя (услышал! А я уже знала, что зовут его Володей) говорит: «Давайте я вам помогу». Приехали мы с сахзавода в питомник, Володька, как и обещал, несет мои вещи. И опять я решаюсь на несвойственный мне поступок – зову его домой. Познакомила с братом Сергеем, сыном Максимом. Пили чай, разговаривали...

И потом еще несколько раз в автобусе с ним встречались. Придет время, и он мне скажет, что из-за меня на том автобусе катался. Кататься-то катался, а ко мне не подходил... Придет время, и я скажу себе: наверно, это судьба. А если судьба... Словом, решилась я на совсем уж отчаянное. Попросила подружку, у которой была машина: «Отвези меня в Каменку». (Володя жил в Каменке – это село недалеко от сахзавода.) Приехала, а где он живет, не знаю. Захожу в один дом: «Где тут живет Володя Сергеев?» – «Да вон – первый дом. А вы к нему зачем?» Молчу, не знаю, что сказать. А хозяйка вдруг молча собралась и повела меня к нему. Оказалось – это его мать. Открываем дверь. Как у него хорошо в доме! Топится печка, тепло, вкусно пахнет щами. Вот только хозяин спит и никак на нас не реагирует. «Загулял. Теперь это на две недели, – привычно объясняет мать. – Садись, дочка, рассказывай, зачем к нему пришла». И проговорили мы до четырех утра... Тут я спохватилась:

ой, домой надо. «Да куда ты ночью пойдешь? Ложись на другую кровать и спи...» А мне, честно говоря, и не хочется уходить...

Утром хозяин дома просыпается: «А это тут кто еще?» А мать уже на пороге, горячего супчика принесла.

– Чудеса, да и только: уснул один, а проснулся...

– Вот ведь, сынок, как пить – ничего не помнишь.

Завтракали вместе. А потом я ушла домой. Проходит неделя – Володька не показывается. Ну, думаю, не понравилась, как и всегда было. А через две недели....

День был как сказка: шел снег, все белое, чистое, пушистое... Кто-то постучал в дверь. Открываю – он, Володька! И опять поражаюсь его глазам: синие-синие...

Опять пили чай – с братом, с сыном. Потом пошла его провожать. Дошли до перекрестка. Чувствую, ему уходить неохота. А мне как неохота, чтобы он уходил! И губы мои, помимо моей воли (а может, выполняя мою волю?) выговаривают: «А может, останешься?» Он подошел ко мне, обхватил ручищами да как закружит!

И остался! На целую жизнь, на десять лет счастья!

Больше мы с ним не расставались. На работу, с работы (он работал на сахзаводе в столярке) – вместе, в огород, в лес – вместе, на рыбалку – вместе, банки закручивать – вместе. Как мои родители. Да, пить он не перестал – на две недели регулярно уходил в запой. Не знаю как, но как-то я это время переживала. Потому что потом было счастье! Оказалось, Володька – хороший строитель. Приехала к нам как-то его мать: «Сынок, что это у вас туалет такой плохой? Тонь, а ведь он хороший строитель». К следующему мамину приезду такой скворечник у нас во дворе стоял – залюбуешься! Спрашиваю: «А чего ж ты раньше не строил?» – «Не знаю...» Потом он в Константиновке часовню строил на роднике и другую – на кладбище. Много работы и в самом храме сделал. Помогали ему его товарищ и я. Батюшка спросил однажды: «Ты чего жену-то с собой таскаешь? Пусть дома сидит». А он: «Нет, пусть всегда со мной будет.

Мне так лучше». Вообще Володька без дела, пока не пил, не сидел, всегда что-нибудь мастерил, то себе, то людям. Когда с зарплатой стало плохо, взялись махорку сажать. Канители с ней! Но вместе справлялись.

Как-то летом шли мы по ивановскому мосту – из Ивановки в Каменку, и мой Володька начал вдруг петь и плясать. Я говорю: «Что с тобой? Вроде не пьяный». А он: «Это мое сердце поет – так тебя любит». Вот когда дождалась я признания в любви...

Взялась вязать для него носки, а он их друзьям раздал. Зато потом купил мне кучу носков в магазине и еще валенки в придачу, и, примеряя их на меня, поцеловал мне ноги. И сказал: «Какая ты красивая, и ножки у тебя маленькие и красивые...» Господи, часто ли жены слышат от мужей такие слова?.. Мне – привелось.

Сын мой Максим к Володе не просто быстро привык – полюбил его как родного.

А потом пришла беда. У меня обнаружили рак молочной железы. Больница, операция, химиотерапия... Вернулась домой без волос и без бровей. Ну, думаю, бросит – зачем я ему такая? Говорю: уйдешь – не обижусь. А он: да зачем мне твои волосы, мне только чтобы ты рядом была и живая...

Максим мне рассказывал: «Мам, пока ты была в больнице, он каждый вечер вставал перед иконами на колени и молился. Каких-то оптинских старцев просил тебе помочь. А днем солнце об этом просил».

И пошла наша счастливая жизнь дальше. У меня появилась привычка: делаю дела, да и пою вслух: «Ой, хорошо, ой, хорошо». Однажды слышу, что и он вторит: ой, хорошо, ой, хорошо...

Тоня, гуси и Султан

Предвижу опаску ревнителей православия: ишь, вечером святым молится, а днем солнышку поклоняется... Это уже язычество какое-то.

А может быть, это не язычество, а просто – жизнь? А в ней чего только не намешано, чего только не бывает. Вы обратили внимание на то, как мы озаглавили следующую часть нашего повествования? Иной строгий читатель и тут вправе спросить: «И что же это получился за винегрет? Все в кучу свалили: человека, птицу, какого-то непонятного Султана...» Сейчас будем объясняться, чтобы все-все стало понятно.

Хотя, честно признаться, я и сама долго не могла понять хотя бы вот этого: не слишком ли просто складываются отношения у наших героев? Две недели Тоня терпит пьяного мужа, две следующие у них сплошная любовь и взаимопонимание. Так разве бывает?

Оказывается, бывает и так. На вопрос: отчего и почему, мы постараемся ответить чуть позже, а пока...

Из Тониной тетради. Мы прожили вместе уже шесть лет, когда однажды поссорились. Пришли с работы, я собираю на стол еду, а Володька поглядывает в мою сторону и объясняет своему другу (он забрел к нам на огонек), что вот любит он свою жену и все. Я решила пошутить: «Ага, любит, а сам то на одну заглядывается, то на другую». Володька вдруг встал из-за стола, подошел ко мне и спрашивает: «Ты это серьезно говоришь?» – «Да видела, видела», – продолжаю я шутить, хотя уже поняла, что сказала все это зря. Он оделся и вышел из дома. И быстро-быстро пошел по дороге в свою Каменку. Я – за ним. Бегу и кричу, что пошутила, что зря все сказала, что больше ни разу, ни разу... Как же я испугалась тогда, что от меня уйдет!

У него шаг широкий, я приотстала...

Но вот подхожу к его двери, стучу: «Можно к тебе войти?» – «Уже вошла, чего спрашивать?» Лежит на кровати. И я понимаю вдруг, как он устал – целый день работал на крыше. Да и я устала, пока бежала за ним. Легла на другую койку: «Я тоже отдохну. А потом, если ты скажешь «уйди», то и уйду». Взяла его шубняк, накрылась, только сна нет как нет...

Минут через двадцать мой Володька (мой, мой!) подошел, лег рядом, обнял меня и говорит: «Дура ты, дура. Только тебя одну и люблю». Мои руки тоже потянулись к нему... Мы обнялись и уснули. А утром, в пять часов, уже шли обратно, счастливые. Как молоденькие шли, держась за руки...

Через год я привезла от сына (он жил уже самостоятельно и отдельно) собачонку. Назвали Султаном. Володька мой обрадовался ей как маленький, принялся учить выполнять всякие команды. К осени Султан подрос, но все-таки, когда мы поехали копать картошку в Каменку, ее с собой не взяли. Весь день работали, и к вечеру я так устала, что думала только об одном: как бы помыть ноги и лечь спать. А Володька вдруг говорит: «Я пока ужин приготовлю, а ты езжай домой, проверь, как там Султан. Да и покормить его тоже надо». Посылал он меня потому, что я ездила на скутере, и мне это было сделать быстрее. Но стою на своем: не могу, устала. И тут Володька первый раз за все годы нашей жизни грубо так сказал: «Собака преданнее человека, а у вас, баб, не знаешь, что на уме». Тут уж я взорвалась, села на свой скутер...

Отъехала немного, вижу – Султан бежит мне навстречу. Повернули с ним к Каменке – и Володька наш едет нам навстречу на велосипеде. Я остановилась, подвела к нему собаку, отдала в руки поводок. Села опять на скутер и – домой. Не смогла обиду преодолеть. Пожевала хлеба, легла. Думаю: ну, вот и все... этого он мне уже не простит...

А утром чуть свет раздается стук в дверь. Открываю – стоят мой Володька и Султан. И слышу я такие слова: «Раз завели собаку – мы за нее в ответе. Я ее уже люблю... как тебя...» И стоит, смотрит, ждет, что скажу я. А чего мне говорить? Поняла уж, что права не я, а он. Обняла его и говорю: «Пошли, поедим чего-нибудь, да опять картошку копать». Сидим, едим, и у меня в голове одна только мысль: какое счастье быть вместе!

Давайте переведем дух, читатель. Вам не кажется, что именно сейчас нам есть над чем подумать, о чем порассуждать? Как часто мы произносим в нашей повседневной жизни слово «любовь». Как много говорим о смирении. А то еще беремся толковать библейское понятие «нищие духом». И многие понимают его так: нищие – значит, бедные, обделенные, не имеющие за душой никаких духовных ценностей. Признаюсь честно: я и сама так долго думала. Пока не попала в мои руки книга о святителе Луке, пока не познакомилась с его рассуждением: «Вот там, в притворе, стоят бедные нищие... Они питаются той милостыней, которую им подаете вы, одеваются теми обносками, которые получают от вас. Это телесно нищие.

И вот такими должны быть и нищие духом. Они себя сознают совершенно нищими в добродетелях... Они смиренно сознают себя ниже всех...»

Не сомневаюсь ни на минуточку, сколь многим такое толкование смирения придется не по душе. Как? Почему я должен сознавать себя ниже всех, если вон мой сосед... или соседка... или кто там еще позволяют себе и то, и это, и – ничего, живут себе, вполне себя уважая.

Да Бог с ними, другими. Каждый из нас должен заботиться прежде всего о своей собственной душе, разве не так? Ну вот что сделали бы вы, когда вам говорят, имея в виду собаку: «Люблю ее, как тебя»? И неважно, кто говорит: мужчина женщине или женщина мужчине. Реакция чаще всего будет такой: «Я для тебя то же самое, что и собака? Ну, спасибо, вот уж не думал (не думала), что ты меня со скотиной будешь равнять...»

Умница Тоня не дала волю гордыне и потому уловила (сердцем почувствовала?) в словах своего мужчины главное: он никогда не сделает больно никому: ни ей, ни даже собаке. Так за что же на него обижаться?!

Ну, а гуси? – вспомнит внимательный читатель. – Куда делись ваши гуси, заявленные в заголовке? Не переживайте: с гусями все в порядке. Более того – они будут апофеозом этой главы.

В общем, дело было так: Тоня с Володей купили этих самых гусей. Пятьдесят штук – чего уж там мелочиться? Купили и стали выращивать. В Каменке травы – завались, да и комбикормом хозяева запаслись, но Володя, выходя к птице, обязательно прихватывал еще и буханку хлеба – побаловать птицу. Верный Султан всегда был рядом. Собака умная, он быстренько сообразил, что при гусях ему придется служить охранником. И службу свою исполнял ревностно: попробовал бы кто подойти к тем гусям! Так было все лето. Гуси до того привыкли к собаке и, главное, к хозяину, что как завидят его – так вся стая на крыло и за ним, куда бы он ни шел. Тоня смотрела на эту идиллию и думала: как же он будет их резать?..

Незаметно пришла осень. Выпал первый снег. Однажды выходит она из дома, а Володька, пьяный, лежит на фуфайке, дрыхнет, а гуси облепили его со всех сторон – греют. Тоня гусей накормила, вынесла шубу, накрыла хозяина, а гуси опять и на нем, и сбоку – греют... Проспался хозяин, зашел домой. Тоня спрашивает:

– Когда же гусей будем резать?

– Каких гусей?

– Наших, каких же еще?

Минута молчания. Потом:

– Резать гусей не дам.

– Для чего же мы их растили? – снова спрашивает жена.

Опять молчание. Потом:

– Не дам резать – и точка.

Тоня перечить не стала, а взялась потихоньку гусей раздавать: родным – в качестве подарка, чужим – на продажу. Так сами ни одного гуся и не зарезали.

«Он жизнь любил и все стремился в завтра...»

Эта поэтическая строчка посвящена второму брату моих двоюродных сестер – Михаилу. Другие строки мы приведем чуть позже, а пока...

Из Тониной тетради. Миша, брат, рос как-то незаметно. Друзья, рыбалка; как и брат Володя, с шестого класса летом работал в мастерской, осенью на комбайне и тракторе. Все как у всех, без особых происшествий. Хотя...

До конца школы оставался всего месяц, когда пришла к нам в дом его классная руководительница:

– Раиса Степановна, а где ваш сын Михаил?

– Как где, в школе.

– Он не показывается там уже третью неделю.

Позвали Мишу. Мама:

– Миша, в чем дело?

– Рыбачу. А школа надоела.

И учительница, и больше всего мама в недоумении: всегда учился на отлично, занятий не пропускал – что за дурь напала на примерного ученика? Мама, конечно, взялась утрясать ситуацию: вы уж спрашивайте там его, если что – пусть дополнительно позанимается...

Дополнительно заниматься не пришлось – брат по всем предметам продемонстрировал отличные знания. Видно, ему действительно в школе стало скучновато. Зато в университете потом, как и Володя, учился с увлечением.

Что меня всегда удивляло в Мише – так это его походка: ходил вразвалочку, но быстро. Он и жил быстро. Все и везде ему нужно было успеть, не тратя при этом лишних слов. Вспомнить хотя бы то время, когда я попала в больницу со своим страшным диагнозом. Миша в то время был главой сельской администрации – можно представить, насколько он был занят, но в больницу приехал первым. Быстрой своей походкой обошел всех врачей, со всеми поговорил, и вот уже в моей палате:

– Не беспокойся, сестра, все будет хорошо. Проходи обследование, сдавай анализы, а по результатам будем решать вопрос об операции.

И убежал. Я и не удивилась – наш Миша всегда спешил...

После операции он в тот же день отвез анализы в Пензу. Через несколько дней заходит, а точнее, как всегда, забегают в палату: «Собирайся быстро, я тебя отпросил на часик...» Выходим на улицу, отъехали от больницы. Он открывает дверцу: «Ну, выходи, слушай. Что слышишь?» – «Да, – говорю, – звон и гул какой-то. Будто колокола звонят». Оказалось – и впрямь звонили колокола: Миша объехал все церкви Саранска и заказал звонницу за мое здоровье. Говорит: «Сегодня во всех храмах будут молиться за тебя». Я расплакалась...

А потом благодаря Мише я в первый раз увидела море. Я была уже дома, когда он забежал однажды со словами: «Собирайся скорее, через два часа поезд». – «Какой поезд? Какое море? Сроду там не была, боюсь...» Но с Мишей разве поспоришь? И вот я уже в вагоне, поезд тронулся, Миша махнул рукой и – не медля – побегал по своим делам...

А я как приехала в Сочи да как увидела море – так и закричала от страха: «Боже, сколько воды! Как только ее земля держит?» А потом все дивилась и дивилась красоте южной природы...

И опять давайте переведем дух, читатель – за Мишей, Михаилом Михайловичем Рыжовым, успеть трудно. Но необходимо сказать, что лучшие, самые плодотворные годы своей жизни он провел в Рузаевском районе Мордовии, в селе Мордовская Пишля – здесь он работал сначала главным агрономом совхоза имени Байкузова, потом его директором, а затем жители избрали его главой сельского поселения. Однако сейчас мне хотелось бы остановить ваше внимание не на его трудовой и общественной деятельности, а на таких словах его сестры: «Брат объехал все церкви Саранска и заказал звонницу за мое здоровье». Михаил Михайлович отдал дань моде? Или здесь было что-то другое, другой, более серьезный мотив? Пожалуй, здесь самое время заглянуть в тетрадь постоянно действующего

«вулкана» и вспомнить кое-что из прежней жизни наших героев.

Из Таниной тетради.

– Тань, собирайся, поедem за иконой.

– За какой иконой, мам?

– За той, которой меня отец, а твой дед Степан в замужество благословил. Хочу ее для сына Сергея привезти, буду молиться за его здоровье.

До маминой родной деревни Судосево путь неблизкий, свозить туда нас мы просим брата Володю на его машине. Дорогой мама рассказывает, что икону, за которой мы едем, в годы обрушения веры отец прятал у себя дома. А я вспоминаю, как шла однажды с дедом Степаном по деревне (было мне тогда лет десять), и многие встречные люди кланялись деду до земли. Спрашиваю:

– Дед, а чего люди кланяются тебе?

– Было время, далекое, еще довоенное, когда людям голодно жилось. Дома семеро по лавкам, а у них последний хлеб забирают. Продразверстка... Вот тогда я и помогал многим.

– Да чем ты мог помочь? Мама про тебя говорит: сам гол как сокол.

– Я в ту пору сторожем на току работал, а рядом было кладбище. Вот я в свежую могилу десять мешков пшенички и зарыл. А по весне раскопал да относил тем, кому совсем уж есть нечего. Глядеть на мучение людей, особенно ребятишек, не было сил, вот и брал грех на душу.

– А какой тут грех?

– Ну, от властей зерно укрыв.

Помню, я шла и плакала. Дедушка росточком небольшой, а духом, получается, крепкий был...

И вот приехали мы к маминому родному дому. Дома никого – и дед, и бабка уже на том самом кладбище лежат, про которое дед рассказывал. Отпираем замок, открываем дверь, и... слышу мамин вскрик:

– Нету икон! Господи, где же они?..

Пошли по соседям. Те только руками развели. На божничке – полочке для икон – один рушник остался. Вот мама взяла его и проговорила: «За своим иду, иду, домой верну, верну». Три раза так проговорила, и пошли мы по селу. Много уж домов прошли, а у одного мама вдруг остановилась. Выходит бабка: «Ах, Рая, это ты пришла». Мама с ходу: «Я за своим пришла, верни иконы». Бабка молчит, в дверях застряла. Я не выдерживаю:

– Мам, чего стоим? Надо в дом идти и самим посмотреть.

Проходим в переднюю и узнаем бабушкины иконы. Мама:

– Таня, бери вот эту икону Божией Матери, аккуратно, рушником.

А сама молитву читает. Бабка:

– Не дам! Уходите из моего дома!

А мама:

– Не вашу икону забираю – своих отца-матери...

Вышли мы с ней на улицу, а вслед нам несется:

– Проклинаю! Чтобы вам и до дома не доехать!..

Мама знай молитву читает, а я бормочу:

– Вот вернусь сейчас и покажу ей, где раки зимуют.

А мама:

– Нельзя, дочка, к людям с добром надо...

Подходим к машине. А она не заводится! Брат вышел, в моторе покопался – едем! И опять встаем. Мама говорит:

– Да бабка-то эта не простая... А ну-ка выходите из машины.

Мы вышли и с иконою обошли ее три раза, причем мама постоянно читала молитвы. И поехала наша машина! Я еду и думаю: да и мама наша тоже, видно, не простая. Сколько раз заходили в наш дом странницы-богомолки, и мама всегда их привечала, кормила, оставляла ночевать. Папа, бывало, заворчит: «Рай, самим спать негде», а она негромко, но твердо: «Полезайте на

печь...» Она всегда так говорила: тихо, а слышали ее все. Слышали и – слушались...

В общем, привезли мы тогда икону домой, поместили, среди других, на божницу в передний угол, и с тех пор все больше на нее молились: кому экзамены сдавать, кому рожать, кому здоровье поправлять...

Теперь вы понимаете, дорогой мой читатель, почему Миша поехал по саранским храмам, когда его сестре понадобилась не только врачебная помощь? В семье Рыжовых даже в самое атеистическое время было принято: в трудную минуту просить помощи у сил небесных. И не только для себя. О чем я?

А о том, что в селе Мордовская Пишля, где Михаил являлся главой администрации, стоял, как и во многих других российских селах, полуразрушенный храм Рождества Пресвятой Богородицы. Точнее будет даже сказать – одни только стены от храма и остались: ни окон, ни крыши, ни куполов, ни звонницы, да и стены травой и кустарником заросли. Сколько забот у главы сельской администрации, вы, думаю, представляете. А если спросите об этом жителей Мордовской Пишли, то они приведут вам и конкретику: именно при Михаиле Михайловиче в селе закипела работа по газификации как жилья, так и объектов соцкультбыта, был проложен асфальт по центральным улицам, народ перестал таскать воду из колонок – если раньше этой привилегией пользовались только жители совхозных квартир, то теперь водопровод был проведен и в частные дома.

Сестра Тоня однажды поинтересовалась: «Миш, когда ты все успеваешь?» Вечно спешивший брат вдруг остановился на ходу, посмотрел на нее непривычно серьезно и ответил почти как мама Рая: «Так ведь просящему всегда будет дано. Я не устаю просить...» – и показал глазами на небо. Ну, а мужики, которые ездили вместе с ним в район за стройматериалами, дают еще и такое объяснение: «Так ведь Михаил Михалыч упор-

ный был! Он в одних кабинетах просил, в других требовал, а то действовал по пословице: его за дверь, а он – в окно...» В окно не в окно, а во вторую, а то и в третью дверь братушка наш просачивался точно.

Вот также смотрел-смотрел он на порушенный людьми и временем храм, да и пошел по кабинетам. В кабинетах его вразумляли: да ты знаешь, в какую сумму выльется восстановление храма? Нет у нас таких денег! А он думал свое: сельчане ему рассказывали, что строился храм ни много ни мало – более сорока лет. Стоит он на возвышении, виден со всех сторон; просыпаясь, люди первым делом вольно или невольно обращали свои мысли к небу, к Богу. С Богом в сердце живут пишлинцы и сейчас – разве не поэтому в селе есть молельный дом, куда регулярно приезжает для богослужений батюшка из районного центра? Надо, надо восстанавливать храм! И, видно, желание просящего оказалось столь велико и горячо, что было услышано в кабинете, выше которого уже нет: в один прекрасный день в районе появился серьезный спонсор – жительница Москвы Елена Валентиновна Сиволдаева. Оказалось, в роду у благотворительницы были священники, в сельском храме прислуживала ее прабабушка. В Мордовской Пишле родилась и выросла ее мама, остались другие родственники. Столичная гостя чувствовала, что ее долг – дать новую жизнь храму, в котором молились ее предки, где будут молиться новые поколения селян. На богоугодное дело было получено благословение митрополита Саранского и Мордовского Варсонофия; в Пишлю не один раз приезжали священнослужители, архитекторы, строители, в результате чего был составлен детальный план строительно-восстановительных работ. И вот, наконец, наступило время конкретных действий.

Вспоминает худрук местного клуба Татьяна Иванова Китаева:

– Раненько утром, управив домашние дела, захватив лопаты, носилки и что там еще требовалось, шли мы

работать к храму. Наш глава – в первых рядах. Мы-то знали, что утром Михаил Михайлович тоже доил корову, потому что жена в отъезде (она работала в то время проводницей), пропускал через сепаратор молоко, готовил творожок, а теперь вот – с лопатой наперевес – шел в общем строю. Сначала мы убрали скопившийся мусор – горы мусора! Потом пришло время кладки кирпича – и мы стали подсобными рабочими у строителей. Замуровывались прорехи в стенах, возводились купола и звонница. Пришел черед штукатурных работ – мы помогали и здесь, делали все с охотой и огоньком. Не могу умолчать и вот о чем: строительство храма ознаменовалось рядом чудес. Расскажу только об одном из них. На одной из внешних стен на куске ржавого железа, которым был закрыт один из проемов, стал проявляться образ Спасителя. Старожилы рассказывают, что когда-то, до разграбления церкви, на этом месте находилась деревянная икона с точно таким же образом. И вот – чудо: изумленные мордпишленцы стали замечать, что с началом восстановительных работ этот образ вдруг начал проявляться, приобретая с каждым днем все более явные черты.

Храм Рождества Пресвятой Богородицы был восстановлен в рекордно короткие сроки – за два года.

В сентябре 2012 года все работы были закончены. 21 сентября, в день празднования Рождества Пресвятой Богородицы, состоялось малое освящение восстановленного храма.

А 28 ноября в храме отпевали раба Божия Михаила...

Ему было всего пятьдесят восемь лет. И все эти годы – бегом, бегом. Скажет кто – вспомни о себе, займись своим здоровьем, ответ один: некогда, некогда.

Мои родственники, проживающие в Мордовии, на тех похоронах были. Вот их впечатления: «Народу было видимо-невидимо – видно, не только село, но и весь район приехал проститься с нашим Михаилом». После

панихиды, на поминальном обеде, люди вспоминали добрым словом усопшего и плакали. Чаще всего повторялись слова: «Такого руководителя у нас не было никогда. Он и ушел так рано потому, что не жалел ни сил, ни времени для того, чтобы сделать нашу жизнь лучше». Моей родной сестре Валентине запомнились слова, которые произнесла одна из Мишиных коллег: «Он один стоил и сделал столько, сколько мы все, вместе взятые». Одна из дачниц произнесла: «Он относился к людям так, будто все были ему родные».

С тех пор прошло десять лет. Жители села забыли нашего брата? Конечно, нет! Мало того, они устроили ему День памяти: прошлой осенью, 28 ноября, собрались в сельском клубе и вспоминали, какой он был, их любимый глава поселения. Какие же теплые, добрые слова произносились в его адрес! И просто нельзя не привести здесь частичку выступления той же Татьяны Ивановны Китаевой: «Михаила Михайловича уже не было с нами, а работы в селе еще долго велись по проектам, которые он составил, и добился их утверждения в районной администрации. Например, были отсыпаны щебенкой те улицы села, куда еще не пришел асфальт, был капитально отремонтирован наш сельский клуб. Мы проводим здесь концерты, мы и сегодня сидим в теплом, красиво оформленном помещении благодаря ему, Михаилу Михайловичу Рыжову...»

Вот там-то, на той встрече, и прозвучали стихи местного поэта Валентины Ивановны Осиповой:

*Склоните, люди, головы в печали –
Ушел из жизни славный человек.
С открытым сердцем, чистою душою
Он прожил с нами свой недолгий век.
Он жизнь любил и все стремился в завтра,
И никогда не думал о себе.
Скорбят сердца людские на селе...*

Три золотых стрелы

Но первой ушла из семьи она, мать – маленькая, но так много успевшая сделать за свою жизнь Раечка. Ушла – то есть сделала то, что им, детям, казалось невозможным. Потому что жизни без матери – сами уже семейные, сами родители – они не представляли. Володя, пока был жив, заходил в родительский дом каждый день. Часто навещал его и Миша. Про девчонок и говорить нечего – хоть и жили уже в питомнике и на станции, но дорожку к дому не забывали.

Из Таниной тетради.

– Тань, в больницу надо сходить.

– Мам, ты что, заболела?

– Спина огнем горит.

– Я давно заметила, что ты часто прислоняешься к бочке с холодной водой.

– Никак боль не могу унять. А так вроде легче.

И вот мы в Ромодановской больнице. Маму кладут на обследование. Здесь я ее по вечерам, после работы, и навещала. Через несколько дней врачи сказали: надо везти ее на обследование в Саранск, там аппаратура лучше, современнее. Я шла в тот вечер домой и думала: ну почему мы в космос летать научились, а человека вылечить не можем?! Ночь провела без сна. Утром, как в тумане, пришла на работу. Надо ехать в поле, убирать урожай на своих опытных делянках... И вдруг открывается дверь и заходит брат, Володя:

– Сестра, пошли, мать уже в Саранске. Ночью ей сделали операцию. Кому-то сейчас надо быть при ней.

Я встала – и тут же опять упала на стул: ноги не держали. Под руку брат довел меня до машины. Поехали. И вот больница в Саранске, второй этаж, палата, где лежит мама.

– Брат, ты чего встал?

– Тань, зайди одна. Я не могу.

Заплакал и побежал вниз... Мне тоже страшно, но... беру себя в руки, захожу. И вижу на огромной кровати

нашу такую маленькую, такую милую и родную маму. Непослушными губами произношу:

– Мамочка, я здесь.

– Да, я знала, что ты будешь рядом, как всегда.

Крепко взяла меня за руку и вдруг... уснула. А руку не отпускает. И вдруг опять слышу:

– Дочка, ты руку не отпускай. Как отпустишь – так и умру. А пока держишь – Бог нить жизни не оборвет...

День проходит. Проходит ночь. Я держу мамину руку...

Утром она мне говорит:

– Сейчас ко мне приходил старец и сказал: вот тебе три стрелы. Потом отдашь. Стрелы светятся, блестят, как золотые. Ты меня слышишь?

– Слышу, мам. Я никуда от тебя не уйду. На улице и папа, и Володя, и Миша, и сестра. Я схожу, позову их.

– Нет, пусть они придут сюда. Я хочу на них посмотреть. Я думаю, что стрелы – это жизнь.

И замолчала. Минуты тянулись как вечность. Что еще скажет моя мама?

– Три дня мне Бог определил. Потом – все...

– Ну что ты, мам, что ты, ты еще... – бормочу, что бормочут люди в таких случаях...

Зашли отец, братья, сестра. Мама смотрит на всех и улыбается.

– Ну, вот, отец... Страшно мне. Мне хотелось, чтобы ты первый, а я к тебе под бочок. Тогда бы я не боялась...

Зашел врач, гонит всех – слишком много народа...

И вот мы с мамой опять одни. Молюсь, как умею: Господи, если только Ты есть – спаси нашу маму, возьми взамен мою жизнь... Утром замечаю – на простыне, которой укрыта мама, появляется какая-то тень. Я крепче сжимаю ее руку: не дам, не отпущу, еще рано... И тут слышу:

– Дочка, опять старец пришел. И не один – со святыми. Ты видишь их? У головы моей смотри, там так светло!

– Мам, да это солнце, наверно, светит из окна, – говорю я. И тут до меня доходит, что окна-то в палате нет.

– Они мне молитвы поют. Не плачь, не надо...

И больше ничего не говорила мне мама. Весь день я опять держала ее руку, а вечером сестра с братом Мишей меня сменили. Тоне я наказала: «Смотри, руку мамину не отпускай...»

Пришла домой, думала – рухну от усталости, а ее вдруг как рукой сняло. Сажу на кровати, смотрю в пустоту, а ровно в 20.45 надо мной как шум какой пронесся. Я закричала:

– Нет больше мамочки!

Муж говорит:

– Ты что, с ума сошла от недосыпа?

А утром приехал Миша и сказал:

– Мама умерла. Вечером. Около девяти часов...

Я думала – небо рухнет от нашего горя. Папа почернел весь, мы, дети, семь крепких жизней, чувствовали себя слепыми котятками, не понимающими, куда дальше идти, как жить...

Утром, в день выноса мамы из дома, у нее из глаз вдруг потекли слезы. Мертвая, она плакала, прощаясь с нами. До этого как бы улыбалась, лаская нас своей улыбкой, а тут... Кто-то, возможно, не поверит в это, а мы все видели своими глазами...

И пошли дни без мамы. Боль прощания так и осталась с нами – не на дни, на года. На могилу каждый день бегали. Сколько слез было пролито...

Но вот через три года – во сне, наяву? – мама пришла ко мне. Пришла строгая такая, сердитая, какой при жизни никогда не была. И говорит:

– Тань, хватит плакать. Мне уходить надо, а вы не дадите. Зачем вы меня держите?

И пошла на меня... Я как закричу:

– Мам, я же знаю, что ты умерла, почему же сейчас тебя вижу?!

Она рукой как взмахнет – я и очнулась. Стою на кровати, кричу: «Мама, не подходи, я боюсь!», и дрожь меня пробирает до костей...

Сон это был или явь – наш с мамой разговор – не знаю, но много плакать я с тех пор перестала. Боялась. Поняла, что умерших надо отпускать. Что надо не плакать и реветь, а молиться за них.

Концерт для ветерана

На том концерте 9 мая 2004 года он был главным зрителем. И единственным – из оставшихся в живых ветеранов Великой Отечественной войны в совхозе «Красный Узел». Вот для него, единственного, совхозные самодельные артисты и решили сделать концерт.

Дядю Мишу усадили в первом ряду, среди детей и внуков. Глава сельского поселения произнес небольшую речь, а потом, как и положено на концерте, пошли стихи и песни.

Дядя Миша смотрел и слушал, и на его губах блуждала улыбка, но даже самые веселые песни уже не могли до конца разогнать прижившуюся в глазах печаль. Он смотрел и слушал, и вспоминал. Как угадать теперь, о чем он думал? Конечно, о любимой жене Раечке. А может...

Раечка-то ведь была не первой его женой! Первой была Шура – высокая, красивая и по сельским меркам богатая женщина, которую ему сосватали в юности. Возможно, она осталась бы и последней, если бы дядя Миша не приехал на курсы в Саранск и не увидел здесь Раечку – птичку-невеличку с косами до колен. И – все, пропал добрый молодец! Не надо ему сосватанной – дай ту, что выбрало сердце! Не надо ему ни стати, ни бровей взлет, ни богатства – дай ему Раечку, судьба!

И судьба расщедрилась...

Впрочем, все было не так просто. Миша просит у судьбы Раечку, а Раечка об этом знать ничего не хочет, макает

ручку в чернила (разжилась своей) да строчит конспекты; про любовь, а тем более про замужество думать не думает, а «добрые люди» уже донесли Шуре, что, мол, так и так, завелась у твоего благоверного на курсах зазноба. Шура – в Саранск, разыскала женское общежитие, где Раечка проживала, да и закатила сопернице грандиозный скандал. Рая сначала ничего понять не могла: нужен ей этот увалень, у нее и в мыслях не было никого ни от кого уводить. Но когда тебя в этом настойчиво обвиняют... Рассердилась кроткая Раечка: «А ну-к, пошли в мужское общежитие!» Очень она надеялась, что Михаил стушует-ся, возьмет жену за руку, а перед ней повинно склонит голову, да вышло наоборот: голову увалень повинно склонил перед Шурой: «Прости, Шура», а за руку взял ее. Она сделала последнюю попытку уйти от судьбы – потянула руку к себе, но он держал крепко. Так крепко, что куда было ей, птичке-невеличке, вырваться из его широкой ладони, крепкой ручищи. Да, честно сказать, уже и не хотелось почему-то...

И потекли годы счастья. Счастья, в котором, как мы уже знаем, было все: и работа сверх меры, и переживания за детей, да мало ли что еще, о чем не всегда и не всякому расскажешь. Ныла у ветерана заноза в душе, извлекать которую не под силу было даже Раечке. В первой, оказавшейся такой недолговечной семье, у него остался сын, Колька. Отец приглашал его в свою вторую семью, пытался породнить с новыми детьми, но... Колька сказал ему: «Не прощу!», и жил с этой обидой до конца своей недолговечной, несладко сложившейся жизни.

За это ему, отцу, отвечать перед Богом...

А вот другого своего Кольку он от беды и дури уберет! Да, когда родился у них с Раечкой шестой ребенок, мальчишка, они называли его Колькой. И рос тот Колька, как две капли воды похожий на того, первого его сына. Сначала – только внешне. А потом...

Приходят они однажды с Раечкой из гостей и видят: сын их Колька вместе со своим дружкой пьяные-пре-

пьяные. Дружок сидит-качается на стуле, а Колька собрался на печку лезть. И тут у отца выиграло ретивое... Выбежал в сени и вернулся с охотничьим ружьем. На-ставил его на сына и говорит: «Ну нет, я не дам себя позорить! Я никому не позволю с таких лет водку пить!» Жена молча стояла у печки, только слезы текли по щекам. А отец: «Считаю до трех. У тебя есть шанс убежать и подумать, как жить дальше. Раз...» Колька, кажется, мигом протрезвел и, не дожидаясь трех, убежал в темноту...

В ту ночь никто, кажется, не спал: ни родители, ни дети. И вот утро. Открылась дверь, и вошел Колька. Мать с отцом уже сидели – молча – за столом. Сын – тоже молча – встал перед ними на колени и вдруг заплакал навзрыд: «Отец, простите меня. Вы никогда больше не увидите меня пьяным...» Наш ветеран встал на некрепкие от всего пережитого ноги, но сына обнял крепко: «Верю, сынок...»

Николай не подвел родителей: и он, и самый младший из сыновей – Евгений, так же, как старшие братья, закончили в свое время вузы и работали потом также, как старшие братья, на руководящих должностях, были уважаемыми в своих коллективах людьми.

«Значит, все мы с тобой делали правильно, Раечка? – возможно, думал наш дядя Миша на том устроенном в его честь концерте. – Ну, а если я где ошибался... Может, ты отмолила мою вину перед Всевышним, моя дорогая Раечка?»

Раечка, которую он, при всей своей любви к ней, не всегда понимал. Вспомнить хотя бы визиты богомолки: «Рай, нам самим спать негде...» А она: «Ты разве не видишь, что они за детей наших молятся, чтобы они были хорошими людьми?» И потом еще добавляла: «Пока такие странники есть, по свету доброта ходит. А без них, может, и мира на земле не будет».

И вот... разве это и не случилось? Перестали заходить странники в наши дома – не потому ли, что мы перестали их привечать? – и мир действительно покач-

нулся в сторону новой войны. Откуда знала все это она, его маленькая любимая Раечка?! Может быть, как раз от них, людей Божиих?!

Они заходили в их дом и после ее кончины. На этот раз дядя Миша обрадовался: «Заходите, заходите. Раи уже три года как нет, но я вас накормлю. Ночевать оставайтесь». – «Нет, мы к Раисе Степановне пришли». И уже Тане: «Отведи нас к ее могиле, дочка».

Таня повела странниц на кладбище. Они окружили могилку тети Раи, встали на колени и начали молиться. Потом сказали, чтобы Таня шла домой, завернули в платочки по горсточке землицы, и пошли своей, только им ведомой дорогой. Таня вспоминает, что пока странницы молились, такая тишина образовалась вокруг могилы, и такая благодать лилась сверху, что ей стало даже жутковато. Побежала домой. Деревья обочь дороги шумели и шумели. Отчего же у маминой могилы стояла такая тишина?..

А концерт для единственного ветерана между тем продолжался. О чем дядя Миша задумался опять? Может, вспомнил, как зашла однажды дочь Таня в дом, где они с Сергеем после похорон остались одни. Стала прибираться, дошла очередь до шкафов. В одном из них Раины халаты висят. Дочка подумала: ветшают, пора снимать их с вешалок. Ну и сняла. И тут же услышала гневный (впервые в жизни!) окрик отца:

– Ты зачем халаты сняла? Повесь на место!

– Пап, да ведь мамы уже три года как нет.

– А халаты до сих пор пахнут ею... И неправда, что ее больше нет – она каждую ночь приходит к нам. Спроси Сергея.

Сын:

– Папка говорит, что мамка каждое утро будит его в четыре утра: «Отец, пора скотину выгонять». И потом он уже не спит: сидит на кровати, уткнувшись лицом в мамкины халаты, молчит и плачет.

...А концерт между тем все идет своим чередом, со сцены сельского клуба звучит песня за песней...

Они с Раей тоже любили петь. Особенно вот эту, старинную:

*Полетит кукушка да во лесок,
Совет кукушка да тепло гнездушко...*

Дети сидели, слушали, просили спеть еще. И они пели...

И вот – оборвалась песня. Одному не поется...

Дядя Миша умер 17 мая того же года. Через неделю после концерта...

Из Таниной тетради. Помню из детства: мы в тот день всей семьей мотыжили картошку. И вдруг небо потемнело, потом и вовсе почернело. Мама закричала: «Отец, бежим скорее домой!» Только отбежали немного – налетел такой сильный ветер, хлынул проливной дождь. И молнии, молнии – громадные, они хлестали по всему небу – я такого больше в жизни не видела! Наш отец скомандовал: «Всем лечь на землю!» Мы улеглись кучей друг на друга, а он нас закрыл собой сверху. Никто из нас не плакал, не кричал – было так страшно, словно конец света настал, и мы понимали, что ни слезы, ни крик здесь не помогут. Так продолжалось минут пять, может, десять. Ураган прекратился так же внезапно, как и начался. Мы поднялись на ноги. Смотрим на отца, а у него на лице не капли дождя, а слезы. Слезы радости от того, что все обошлось, закончилось благополучно. Боялся-то он не за себя – за нас...

Теперь про маму. Я часто узнаю ее во внучке Тахире. Сорвешь при нем цветок – он сразу: «Баб, цветы нельзя рвать, они живые». И – в слезы... А если бабочку при нем поймает – слышишь: «А вдруг у нее есть дети, они ее дома ждут. Отпусти». Я все жду, когда он повзрослеет, поглубже станет, а он до сих пор пойманную муху из избы на улицу выносит: «Вдруг у нее там семья, а она

ход из дома не найдет». Ему уже двенадцать лет, а мы цветы при нем пока так и не рвем, жалеем. Иногда думаю: вдруг в нем и вправду мамина душа живет?

Из Тониной тетради. Первым в нашей семье вставал утром отец. Вставал и шел убирать скотину. В четыре заходил домой: «Мать, пора вставать». Мама к этому времени уже и сама проснулась, но сидела в постели, потягивалась, вздыхала – отходила от сна. И вставать не спешила. Потому что ждала нас, маленьких еще детей. И мы по очереди ныряли в родительскую кровать, и каждого из нас мама обнимала, гладила по голове. Какие блаженные были эти минуты! Нам казалось, что у наших родителей самая мягкая, самая красивая, самая душистая постель – никуда бы из нее не уходил! Еще казалось, что так будет всегда – целую жизнь, а жизнь – она ведь вечная-бесконечная....

Но опять голос отца: «Мать, пора...»

БЕРЕГА ВЕЧНОСТИ

Повесть

Детство мое, постой...

Долго не могла понять, когда у меня появилось чувство (ощущение?) дороги. Что оно было – ... можно не сомневаться. Иначе как бы я, житель срединной России, оказалась на Колыме – не по принуждению (слава Богу – эти времена уже миновали), а по доброй волюшке, да еще хвастаясь в письмах самым дорогим адресатам: «Ваш друг уехал в Магадан – снимите шляпу...» Иначе как бы меня с Колымы занесло потом в Якутию, а потом опять на самый Дальний Восток – на Сахалин...

Что удивительно – все эти края я умудрилась полюбить. Хотя сначала...

Поначалу среди колымских сопок я задыхалась. О нет, не недавнее мрачное историческое прошлое края служило тому причиной (об этом тогда я думала, увы, меньше всего); причина была проста: привыкшая к среднерусской природе и ее спокойным ландшафтам, я натыкалась взглядом на сопки и, лишенная возможности скользнуть взглядом дальше, испытывала чувство несвободы, удушья. Пройдет немного времени, и я начну этими сопками восхищаться: какая непривычная красота, как стремительно – всего за пару недель – происходит здесь переход от зимы к весне, как упоителен запах молодой лиственницы, как сладки перезимовавшие под снегом брусника и голубика...

Якутия сначала покажется еще более холодной, чем Колыма; здесь у меня родится дочка, и когда я буду, завернув в одеяло, вывозить ее на прогулку, сосед по се-

мейному общежитию дядя Ваня каждый раз не преми-нет произнести вслед: «Хороший хозяин в такой мороз собаку на улицу не выгонит», а я везла коляску по центральной улице поселка алмазодобытчиков – Айхала – и было нам с дочкой хорошо, весело, бодро...

Но все-таки тянуло увидеть еще и новые края! Да и обстоятельства жизни сложились так, что из Якутии пришлось уехать на Сахалин. Первое чувство было: ну уж это я полюбить никак не смогу, сколько можно менять свои привязанности?! Еще одну любовь сердце просто не вместит...

Вместило! Сахалинские сопки оказалось полюбить даже легче. Они были покрыты не только лиственни-цей, но и привычными, милыми сердцу елочками, то-полями, березками. А местная экзотика – гигантские папоротники и лопухи – только добавляли чувству терп-кости и шарма.

Мир бесконечен в своей красоте, – стало понятно в результате всех этих перемещений.

Однако красота не спасала от тоски.

Тоски по родине с маленькой буквы.

В каждый отпуск я летела домой как на крыльях. Каждый раз думала: вот доберусь до околицы родно-го села, Константиновки, упаду на землю, обниму ее и буду дышать и плакать...

Нет, конечно. Не падала – стеснялась. Да и встречаю-щие родные обступали плотно...

А потом мы вернулись на материк (материком на восточном Севере называют все, что западнее Сибири). Но не в мою родную Мордовию, а на родину мужа, в края воронежские. Конечно же, семейная жизнь и ра-бота не позволяли бывать в Константиновке часто, и мои свидания с родиной по-прежнему были редкими. И чувство это: обнять и плакать, по-прежнему не покида-ло меня...

А потом ни с того ни с сего стал сниться один и тот же сон: будто иду я берегом речки, небольшой и изви-

листой, и сердце полнится радостью узнавания. Словно каждый шаг приближает меня к самому дорогому, самому бесценному, что только может быть у человека.

Но ведь ничего дороже и роднее Константиновки для меня нет – расшифровывала я, проснувшись, свое сновидение. Значит, это она и должна быть там, впереди. Но я ошибалась – разгадка оказалась другой.

...Все началось с того, что однажды, когда наши дети стали уже взрослыми, мы с братом приехали – каждый из своего города – в родное село одновременно и одновременно же и дружно решили: съездим-ка еще и в Верхнюю Ладку! Верхняя Ладка – родина мамы, бабушкина деревня. Маленькими мы часто туда ездили – мама с собой брала. О, эти поездки...

Чтобы попасть в бабушкину деревню, надо было вставать рано утром, идти на шоссе (так мама называла большак) и голосовать попутным машинам. Пятнадцать километров – разве одолеть их маленьким ножкам?

Во времена нашего детства дорога – обычная проселочная – пролегла сразу за огородами. Она не была покрыта не только асфальтом, но даже щебенкой, и зимой, ранней весной и поздней осенью передвигаться по ней было сущим мучением. Но мы-то ездили к бабушке летом.

Ах, эта дорога... Две утрамбованных, накатанных колесами машин колеи гладки, как зеркало, и, как зеркало же, блестят. Если встать на них босыми ногами – ногам будет тепло и радостно, и захочется идти далеко-далеко...

Но мама с дороги гонит: вдруг машина, стой рядом. Или вон цветы в букет собирай.

Но зачем он мне, целый букет? Мне нужен единственный цветок. Я представления не имела о том, как он выглядит, но была уверена, что узнаю его. Почему? Да очень просто: потому что он не будет похож ни на какой другой! Такой цветок есть, он растет в укром-

ном местечке, куда люди не догадываются заглянуть. Или им просто некогда. А вот я не полениюсь, переберу пальчиками каждую травинку и – найду его!

Почему я уверена, что он есть? Не знаю. Почему уверена, что найти его должна именно я? Не знаю тоже...

– Машина! Ну уж эта остановится...

Машина действительно останавливается. Мы забираемся в кузов (легковушки в нашем детстве были в редкость). Какие просторы открываются оттуда, с высоты! В груди возникает блаженное чувство восторга: вот сейчас за поворотом откроется такое... такое...

Хотела ли я каких-то открытий сейчас, в эту вот намечавшуюся с братом и мамой поездку? Отнюдь. Наоборот – если душа чего-то и жаждала, то только одного: пусть все повторится! Пусть все будет как тогда, в детстве – и ничегошеньки больше не надо...

...Но все было не так, как мы того хотели.

Мы не сразу это почувствовали.

Сразу было только предвкушение счастья. Вчера перед сном я воображала эту минуту, эту картину: вот мы доезжаем по шоссе до развилки дорог; повернешь направо – дорога приведет в Ладку, повернешь налево – попадешь в Верхнюю Ладку.

Верхняя Ладка – потому и Верхняя, что, чтобы увидеть ее, чтобы до нее добраться, надо прежде забраться на горушку. Это километра три-четыре от большака. Их мы преодолевали уже пешком. Три-четыре километра – это нам уже по силам, это уже можно и своими ножками.

Ах, какие блаженные это были минуты! Ласковое солнышко греет руки и плечи, ветерок шевелит и гладит наши волосы, а небо над головой такое высокое, и белые облака похожи на фей в пышных платьях... А цветы и травы пахнут так, что ты и себя воображаешь феей: дунь ветерок чуть сильнее – и ты улетишь к тем самым белым-белым облакам...

Теперь же, взрослыми, мы добираемся до бабушкиной деревни на машине брата. Жадно смотрим за окном: все ли там так, как было ТОГДА? Кажется – да. Майский день по-летнему тепел, небо распахнуто во всю ширину и глубь, белые облака застыли в сладкой истоме... Вот только ветерка в машине с капиталистическим названием «Форд» мы не чувствуем; жаль, конечно, но вот уже, вот она – верхушка горы, сейчас мы выйдем наружу, и...

Там, внизу, в бабушкиной деревне, все было, на первый взгляд, как прежде: купы деревьев вдоль улиц, крыши домов. Есть среди них и тот, в котором нас всегда ласково и гостеприимно встречали...

Да, все как прежде. Даже трава под ногами – разлитым морем, и в ней уже можно найти и желтую кашку, и сиреневые часики, и синие васильки, и запах от нее такой, что кружится голова...

Отчего же тревожит чувство, что что-то все же не так? Чего все-таки не хватает?

Дороги. Туда, в детство, не было дороги. И не в каком-то там переносном смысле и значении, а в самом прямом, реальном: дорога оборвалась у кладбища.

Поначалу, впрочем, нас это вовсе не опечалило: мы и планировали зайти прежде всего сюда. А как иначе, если бабушка и дедушка давно уже здесь?

Кладбище (оно на самой макушке горушки – чтобы быть ближе к небу?..) тоже утопало в траве. Однако огороженные самыми разными оградками могилы были ухожены. Вон, возле одной из них сидит мужчина. Да как хорошо сидит – на крепкой лавочке, за крепким столом. Словно пришел к родителям в гости...

Мы не стали этому гостеванию мешать – поздоровались и прошли мимо.

А вот и дорогие нашему сердцу могилки...

На фотографии, что висит у нас в Константиновке, в родительском доме, бабушка и дед вместе.

Здесь – каждый на своем месте. Только сейчас мне приходит в голову мысль: а ведь это, пожалуй, одна и та же фотография. Но там они – вместе, а здесь их разделили. Так сказать, в силу необходимости...

Три поколения семьи Мещеряковых

Когда я вернусь домой, я разыщу в одном из альбомов оригинал: небольшую фотографию, которая потом была увеличена – чтобы поместить на стену. И тут окажется, что на маленьком, еще не увеличенном снимке, запечатлены, оказывается, не только бабушка и дед, но и их дети. Сыновей на фотографии нет, зато дочери – налицо: Даша, Анна, Мария.

Про дочерей, а также про то, почему на пожелтевшей карточке нет сыновей, потом. Сейчас – про бабушку с дедом.

Сколько раз я видела эту фотографию, столько раз удивлялась: этот бабушкин взгляд... Она смотрит на мир как девочка – любопытно-вопрошающе. У дедушки взгляд совсем другой – из своего далека он глядит на нас строго, с прищуром, даже оценивающе, а в уголках рта еще и заблудилась едва заметная усмешка. Что она означает: то, что фотографирование для него – пустое, зряшное дело, к которому не стоит относиться всерьез, или... пока я еще не знаю, что.

Зато, по рассказам мамы, мне известно другое: в день, когда бабушку пришли сватать, она... каталась на ледянке с горы. Потому что было ей, как считала мама, всего четырнадцать лет. Наверное, как посмотрела тогда Варенька на своих родителей, на своего жениха – любопытно-вопрошающе – так и пронесла этот взгляд через всю жизнь. Получила ли она ответ хоть на один из своих вопросов?... Не знаю. Вряд ли. Ведь спрашивала она только глазами. А люди и на произносимые вслух вопросы не всегда дают ответ...

Бабушка была смиренница (тоже мамино слово). Родители велели – пошла замуж. Встала к печи. К корыту. Пошла в огород и на колхозное поле. Мама рассказывает, что никогда никого из детей ничего делать бабушка не заставляла – все сама. Я однажды задумалась: горячей или хотя бы холодной воды из крана в ее доме не было. Посуду она мыла в тазике. Три раза в день: нагрей воды, помой, сполосни, протри... А сначала за водой сходи на родник... Еду готовили или в печи, или на загнетке печи – на таганке. А сначала наколи дров, растопи, потом поддерживай огонь. Это тебе не газ – повернул кран, и все дела.

И так – всю жизнь. А еще стирка, уборка, прополка небольшого огорода... А еще просо, рожь и свекла на колхозных полях. Где она брала на все терпения и сил?!

Кроме трех девочек, бабушка родила еще трех парней (и еще трое ребятишек умерли от болезней в младенчестве). И ни разу супруг не только не отвозил ее в роддом, но и бабу-повитуху в дом не приглашал. Бабушка рожала, как и дела делала, сама. «Уйдет в чулан, постелет соломки, покроет ее ряднинкой. Глядишь – через какое-то время выходит со сверточком в руках. Полежит немного и опять к печи...»

Дедушка же... о, дедушка... На фотографии супругам уже много лет, однако сколько силы (энергии – говорят сейчас) в дедушкином взгляде! А черты лица? Прямой, чисто славянский, с широкими раскрытыми, нос,

высокий лоб, брови – вразлет... Возраст выдает разве что окладистая – лопатой – борода. Но и та ему удивительно к лицу. Из маминых рассказов: «Бабы на него липли, как мухи на мед. Он мало того что красивый – грамотный был, умный...»

Вечером дед приходил домой, и смиренница бабушка не спрашивала, где он там задержался. «Варенька, подавай ужинать!» И бабушка спешила к столу.

Теперь дедушка находится при бабушке неотлучно. Ужинать не просит...

«Да как же я по вас соскучилась! Да берите уж меня к себе! И простите, простите меня, дуру неразумную: только сейчас поняла, как больно, когда огорчают дети. А мы вас разве не огорчали?...»

Мама плачет, мы с братом стоим молча. День так хорош, что скорби у нас не получается. Я оправдываю себя тем, что бабушка с дедушкой не обидятся на нас. Разве когда обижались или обижали? Ну, дед еще мог погрозить: «Где моя большая рукавица?» Рукавица у него была по руке – то есть, как и борода, с лопату, и мы, конечно, побаивались ее. Тем более что знали: все в доме делается по дедушкиному слову. И если он решится пустить рукавицу в ход – бабушка нам не защитит. Не помню, однако, чтобы дело доходило до этого. Сама же бабушка... Помню только одно ее досадливое восклицание: если кому случалось намочить штаны, она с горечью произносила: «Озеро глубоко, до каких пор прудить будешь?» Других «ругательств» память не сохранила.

Зато хорошо сохранила другое. Мы приезжали – и она выставляла на стол пироги, лапшевник, печенные в печке и оттого особенно вкусные яйца. Попыхивал дымком ведерный самовар – как уютно булькал кипяток в подставленные стаканы! Как хорошо, дружно сидели за столом взрослые – дома, случалось, ругались насмерть, а здесь – смирные да благостные.

...Вот кресты. Вот могилы. Отчего же чувство, что они и сейчас нас ждут – там, в деревне?

Скорее, скорее в деревню!

Назад мы опять идем мимо сидящего у родительских могил мужчины. По его лицу видно, что он уже утолил первую жажду общения с ними и готов озаботиться нашими делами. «В деревню? Так вы здесь не проедете. Вам лучше бы в объезд и заехать с другого конца».

Как не проедем? Всегда проезжали, всегда заезжали именно с этой стороны: сначала по улице, два порядка которой стоят вдоль оврага, по обеим его сторонам; в конце поворачиваем на свою, вернее, бабушкину улицу. На ней – всего один порядок. На месте другого – сады. В саду у каждого свой подвал. В его прохладной темноте стоят лари с зерном, с мукой, да мало ли с чем еще, что надо держать именно в прохладе. Как любили мы в детстве забираться в эти подвалы! Зайдешь – тебя обдаст холодом, а заберешься под одеяло (летом в подвале коротали обеденный сон, скрываясь от жары) – сразу тепло и уютно... Нет, мужчина, видно, не знает всего этого, ошибается, что-то путает...

И мы поехали по едва угадываемой в траве колее. Машина петляла, то и дело соскальзывая в замаскированные травой ямины и колдобины, но все-таки продвигалась вперед. Вот и улица с двумя порядками. В детстве сюда мы ходили редко; может быть, потому, что боялись оврага? Мало ли что могло таиться в его таинственной глубине... Этим я поначалу и объяснила возникшее в груди странное чувство. Странность заключалась в том, что дома, мимо которых мы ехали, показались мне... неживыми. Никто не ходил по двору – ни курица, ни собака, ни кошка. Ниоткуда не раздавалось ни звука – ни лая, ни петушиного крика, ни человеческого голоса. Глухая, вязкая тишина. Как в фильмах Тарковского. Да и то там хоть вода иногда прожурчит, капля капнет, подчеркивая глубину безмолвия. Здесь – ничего...

Доехали до конца. Сердце, несмотря ни на что, замерло в предвкушении счастья: сейчас, сейчас будем сворачивать на свою улицу...

Однако там, где она должна начаться, не было уже даже намека на колею. Зато трава стояла глухой стеной. Брат остановил машину и задумчиво произнес:

– Пойду, посмотрю дорогу.

Вернулся он буквально через минуту. И сказал, как нам показалось, чушь:

– Дальше ехать нельзя. Там болото – увязнем.

Болото? Какое может быть болото на бабушкиной улице, если его там никогда не было?!

Мы постояли какое-то время, привыкая к невозможному. Наконец, брат принял решение:

– Придется возвращаться к могилам. И ехать в объезд.

Мужчина по-прежнему сидел на скамейке возле родительских могил, и нам было стыдно встречаться с ним глазами: вот, не поверили, а все оказалось так, как он говорил...

*Улица, на которой прошли детство и юность,
заросла травой...*

Полевая дорога действительно оказалась проезжей – машина бойко бежала, оставляя позади себя густой шлейф пыли. Мама горевала: «Говорили мне, что только три человека на всю деревню остались: дачник с женой да Дуня. Не верила!» Не верили и мы. Мы так хотели, чтобы бабушкина деревня была обитаемой! А дядя Федя на деревянной ноге? Одна нога у него нормальная, как у всех, а другую он потерял на войне; вместо нее к култышке (она начиналась от колена) привязана не им ли самим сделанная из дерева нога. Он так и ходил: ступая сначала здоровой, потом подтягивая к ней деревянную ногу. Дядя Федя держал пчел: в его саду стояли ульи с маленькими крылатыми тварями, которых мы страсть как боялись и которые – случалось – жалили нас прямо в физиономии или открытые части рук. И уж какую боль тогда приходилось терпеть! Зато и медком пчеловод нас угощал. Ах, какой неповторимый вкус был у этого меда! Редко видевшие конфетки, мы испытывали блаженство, вкушая в вишневом саду дяди Феди густую янтарную сладость...

А жена дяди Феди – Фрося-большая (в деревне была еще Фрося-маленькая, но я ее почему-то запомнила меньше – наверное, потому что она жила дальше по улице, куда нам не всегда разрешали ходить), жена дяди Феди Фрося-большая частенько угощала нас пирогами. Она и впрямь была большая: широка в плечах и бедрах, с крепкими руками, ростом только чуть пониже супруга. Другой жены при инвалиде-муже, казалось, и быть не могло...

А бабушкины соседи – тетя Катя и дед Никита? Она – маленькая, сухонькая, со слабым голоском, а он могучий, как наш дед Антон, только борода – белая...

Мы понимали, конечно, что все эти люди уже давно лежат там, где и наши дедушка с бабушкой, но душа жаждала чуда.

И оно, кажется, произошло...

Сколько слов затратила одна из моих продвинутых подруг, чтобы растолковать: время – не в земном, а в космическом значении и измерении – не имеет линейной протяженности; прошлое, настоящее, будущее существуют одновременно, здесь и сейчас. Я ничегошеньки не понимала. Добросовестно напрягала мозги и... ничего не могла сложить. Как это – одновременно?! Все имеет начало и конец. Каждое событие протяженно во времени. Например, люди – рождаются, живут, уходят. В вечность. Насовсем. И тут уж кричи не кричи, зови не зови...

Отчего же в этой поездке мне стало казаться, причем самым обычным, самым прозаическим образом, что мы все – и живущие, и ушедшие – вместе?

Возможно, это чувство появилось у меня еще на кладбище, где нашим глазам предстала такая картина: тополя, посаженные возле могил бабушки и дедушки, вросли в железную плоть загородки, поднялись над ней и ушли макушками в небо, соединив собой две стихии – земную и небесную. Глаза невольно скользили по стволам туда – вверх, ввысь, а вслед за ними ввысь устремлялась и душа. И что-то такое в душе происходило, от чего они, ушедшие, стали вдруг так близки...

Но вот, наконец, мы и на бабушкиной улице. В самом ее начале.

Почему брат опять остановил машину?

– Выгружайся. Приехали.

– Почему? – недоумеваю я. – До бабушкиного дома еще далеко.

– Ты видишь, какая трава? Бампер снесем.

И мы вышли в траву.

Сколько раз я рисовала в воображении и эту картину: приезжаем в бабушкину деревню, и я бегу за огородами – вот где трава так трава! Когда-то я в ней утопала с головой, даже страшно становилось: а вдруг заплута-

юсь, и меня не найдут?! Но сейчас-то, сейчас она мне будет просто по колени. И пойду я по ней уже без страха и только испытывая радость, а потом упаду в нее навзничь и буду смотреть в небо...

И вот оказалось, что трава – это не всегда хорошо. Одно дело, когда она за огородами. Но когда она поглотила собой проселочную дорогу, да что дорогу – всю улицу... когда мешает идти, настойчиво цепляясь за ноги...

Мы шли, преодолевая это сопротивление. Мама недоумевала:

– Господи, да по родной ли улице я иду? Бывало, мы здесь не ходили – летали...

Все было не так, но я говорила себе: подожди, вот сейчас придем к бабушкиному дому. Зайдем во двор... Помнишь, ты бегала там когда-то в розовой кофте?

Ах, эта розовая кофта! Было ли для меня в детстве что-то более красивое, чем она?!

Кофта принадлежала старшей маминой сестре и бабушкиной дочери – Марии. Тетенька – так называли ее мы, дети. Тетенька была рукодельницей – пожалуй, только она одна из трех сестер умела хорошо шить и кофту (слова «блузка» мы тогда не знали), как и все другие свои наряды, сшила своими руками. Кофта была ни с чем несравнимым чудом: из невесомого легкого шелка (все наши платья были ситцевыми, в лучшем случае – штапельными), а главное – празднично ярко-розового цвета. Как только мы приезжали к бабушке, я шептала маме на ухо: «Скажи ей – пусть даст поносить».

Мама говорила. Тетенька охотно снимала кофту и надевала другую:

– На уж, пофорси.

Я тоже совершала обряд переодевания, по ходу его превращаясь из деревенской девочки в барыню, принцессу, королеву – кто там еще мог носить такой роскошный наряд?!

Взрослые смотрели улыбаясь...

Тетенька была горбатенькой. В детстве она упала, поскользнувшись на льду. Ну, упала и упала, боль пройдет, – рассудили все. И она прошла, конечно. Только на месте ушиба стал расти горбик.

Бабушка сильно переживала, а тетеньку ее горбик, похоже, никогда не смущал. С детства и посейчас помню: там, где появлялась тетенька, там появлялось солнышко. Что мама, что другая сестра – Даша (Дашенька – звали ее в семье) – были сдержанными и на слова, и на чувства, а тетенька всегда находила повод для шуток и смеха. Помню праздники, когда к нам съезжались гости. На столе пироги и всякое другое угощение, мужики уже «разговелись», ведут разговор об урожае, погоде и политике, но... чего-то все-таки не хватает в застолье. Но вот открывается дверь, заходит тетенька. И сразу становится понятно, чего: веселого, ласкового, беззаботного голоса ее, без которого праздник – не праздник! Ни единого словечка не помню из того, что она говорила, но вот эту интонацию, эту доброжелательность, эту любовь ко всем сидящим за столом разве можно забыть?..

Тетенькин горбик, похоже, не смущал не только ее саму. Мама рассказывает, что за няней (старшая дочь в семье для всех остальных детей всегда была няней) ухаживали самые видные деревенские парни. Но замуж она вышла не за своего, деревенского, а по месту работы.

Работать, как и жить, тетенька устроилась в райцентре, где была швейная мастерская.

Я помню, кажется, все домики, в которых она жила. Почему «домики», а не «домик»? Потому что тетенька время от времени их меняла. Сдается мне, что таким образом она стремилась, как принято теперь говорить, переменить свою жизнь к лучшему. А может быть, так проявлялась неумность ее натуры. Как бы то ни было – только с переменой места в тетенькиной жизни мало что менялось: новый домик оказывался таким же маленьким, чаще всего это была даже поло-

вина домика, с двумя крошечными комнатами. Правда, тетенька умела их сделать уютными и красивыми. На окнах у нее всегда красовались выбитые занавески. Переход из одной комнатки в другую совершался через занавесь с непривычными для нашего сельского быта кистями. Кровать была застелена ярким цветастым покрывалом...

Однако я собиралась рассказать о тетенькином замужестве. Замуж она вышла за высокого, красивого парня, работавшего сапожником в комбинате бытового обслуживания, к которому относилась ее швейная мастерская. С началом войны мужа забрали на фронт. Уже без него тетенька родила сына, который со временем тоже стал высоким, красивым парнем. А отец...

С войны он вернулся. Но семейную жизнь начал уже с другой женщиной. Видно, нашептал кто-то: ты вон какой молодец, а она...

Через полтора года кто-то привез в деревню весть: Марусин-то муж, который завел другую семью, того... повесился... Почему? Отчего? Точного ответа не знал никто. Я же была уверена всегда: да потому, что нашу тетеньку не смог забыть!..

Оставшись уже не только на годы войны, но и насосем, одна, тетенька по-прежнему продолжала работать в швейной мастерской. А сын, Вова, все детство прожил у бабушки с дедушкой.

Это он рвал нам черемуху...

Черемуха и малина – сейчас я их увижу! Пусть улица заросла травой, но с черемухой ей не справиться! Черемуховое дерево росло в огороде и было таким высоким, что никто из взрослых тогда, в нашем детстве, и не помышлял забираться на него. Когда поспевали ягоды, посылали Вову; он срывал пахучие кисти прямо с веткой («Буду я вам с ягодами возиться...»), и мы ели черемуху, сидя на крыльце, упиваясь ее необычным вкусом (дома у нас черемухи не было) и ароматом.

Неподалеку от черемухи стояла бабушкина баня. Когда мы приезжали в гости, она непременно топилась, и мылись в ней по очереди: сначала женщины, потом мужчины. Помню – мама напарит, набьет тебя веником, станет так жарко, что сил нет терпеть, и ты выбегаешь наружу – остыть. А здесь, на улице, пахнет все той же черемухой, малиной, прямо у тропинки теснится крапива, и ты, конечно, непременно заденешь за нее рукой или ногой и принимаешься тереть слюной обожженное место...

После бани бабы (так они называют себя сами) сидят в доме (теперь моются мужики) благостные, разморенные. Мама чешет волосы большим деревянным гребнем (у нас дома такого нет, у бабушки есть), няня Даша просто сидит, отдыхая и дожидаясь своей очереди расчесать голову бабушкиным гребнем. Неутомимая тетенька собирает на стол. Сестры тихонько переговариваются, в доме всюду звенит сверчок, а бабушка... Бабушка уже пьет чай. Честно сказать, я не понимала, зачем его надо пить – уж очень хотелось спать. Но бабушка сидит за столом, чинно держит блюдечко рукой и шумно прихлебывает чай с малиной...

О, эта малина! Нигде, никогда не ела я больше такой сладкой малины! Мы, дети, приехав к бабушке, забегали в ее заросли и готовы были пропадать там весь день до вечера, отчего взрослые вынуждены были пузаться на хитрости. «А медведь-то... Видали – медведь с той стороны в малинник зашел?» – слышу и посейчас тети-Дашин голос.

Тетя Даша, в отличие от сестер Марии и Анны, нашей мамы, вышедшей замуж в другое село, никогда из родной деревни не уезжала. Вернее, так: она тоже вышла замуж в соседнее село, но прожила там недолго, убежала от мужа-пьянчуги назад, в родительский дом. Через какое-то время вышла замуж опять – за своего, деревенского. Они с дядей Шурой поставили собственный дом, и стоял он на той же улице, что и родительский, но все

им на новом месте казалось не так: и огород не такой, и малина плохо растет, а уж черемуха вовсе приживаться не хочет... Дело кончилось тем, что дом свой они... разобрали и перенесли на место родительского.

Конечно, все было не так просто. К этому привела целая цепь событий: умер дедушка, а старенькая, больная бабушка уже не могла жить одна в старом, обветшавшем доме. Но дочь и зять могли ведь просто забрать бабушку к себе. Однако супругам, и прежде всего тете Даше, захотелось вернуться на место, где она родилась и выросла, и где прошла жизнь ее матери и отца.

...Они и сейчас вместе: отплавав на родительских могилках, мама пошла к Дашеньке – вместе с мужем дядей Шурой они покоятся рядом, по соседству.

...Прошли дом дяди Феди и Фроси-большой. Вот уже дом бабушкиных соседей – слабоголосои тетки Кати и белобородого деда Никиты. Сейчас, сейчас мы зайдем на НАШ двор...

Потрясение было, пожалуй, даже сильнее, чем от преградившего путь болота. Двор был диким. Двор – по колено – тоже зарос травой. Трава «съела» тропки в хлев и на огород, в ней утонули стоящие у загородки старенькие стул и табуретка. А уж как буйно она разрослась в огороде, на некогда возделываемой земле! Какая там малина – трава, кругом одна трава! И я с благоговением вспоминала ее? Мечтала в нее упасть и смотреть в небо? Да она – прожорливая, бесчувственная тварь, способная проглотить и перемолоть все: стулья, дома, малину, черемуху. Память...

Дом был закрыт (мы и знали, что будет закрыт – Дашенькины дети давно живут в городе).

Мы знали, что никто нас не встретит.

Но чтобы все было вот ТАК...

И если уж нам с братом, когда-то приезжающим сюда только в гости, настолько не по себе, то что должна чувствовать сейчас мама?

Мама ходит и ходит по двору, будто что потеряла, и надеется потерянное найти.

...В первый раз она уехала из родной деревни не по своей воле. В первый же год войны ее вместе с подружкой – Феней – увезли в Саров, чтобы обучать слесарному да токарному делу. До сих пор никуда из деревни она не уезжала, разве что в Ладу, на родину своей мамы. Ну так Лада – дело привычное – там она с братом училась и жила до седьмого класса (в Верхней Ладке была только начальная школа). А тут надо ехать за тысячу верст (сколько их было на самом деле, она не знала и знать не хотела; если ехать на поезде, да не одни сутки – это, по ее представлениям, было краем света и составляло не менее тысячи верст). Но деться было некуда. Да и понимала она, что мужики на войне, что надо кому-то делать за них их мужскую работу. Только вот поделать с собой ничего не могла: мужицкие профессии не хотели ей поддаваться. И домой хотелось – не вмоготу. Родная деревня снилась ей по ночам: вот, приходят они, девчонки, с поля, где пололи просо, и она говорит себе: все, никуда больше сегодня не пойду, отосплюсь. Но заиграла на улице гармонь – и куда девалась усталость: ноги сами бежали на улицу... Феня, подружка, была такой же. И что же они задумали? Когда курсы, с грехом пополам, были закончены и посадили их в поезд, чтобы везти еще дальше, к месту работы, на Урал – решили они с Феней сбежать. Пошли будто бы в туалет, а сами – шмыг из вагона на платформу и – дай Бог ноги...

Домой добирались недели две, не меньше. Шли ночью, крадучись, а днем отсыпались в стогах соломы. Потом еще и дома боялись – а ну как арестуют по военному времени.

Вместо ареста их снова увезли – на этот раз валить лес. До осени девчонки пластались на лесоповале – и сбежали опять: домой тянуло, как магнитом, и ничего с этим поделать они не могли.

В третий раз наша будущая мама уехала из дома уже по своей воле: написала заявление в педучилище. Рассудила так: все одно из деревни куда-нибудь опять заберут, так уж лучше, куда поближе, да выучиться на учительницу, да приехать работать в родную деревню...

И все получилось, как она рассудила: училась не за тридевять земель – в Ичалках, всего-то в полутора десятках километров от Верхней Ладки; кончив училище, стала учительницей начальных классов. Вот только работать ее направили не в родную деревню, а в Константиновку – село в соседнем районе (но опять же – не за тридевять земель!). Здесь она вышла замуж. Здесь мы с братом появились на свет. Отсюда мы и ездили в детстве к бабушке с бабушкой. Мы с мамой. И еще вопрос: кто больше рвался в эти поездки – мы или она?

Взять хотя бы и эту нашу поездку: каждое лето мама просила: «Давайте съездим в деревню», а мы ссылались то на усталость, то на то, что отпуск только начался, а потом на то, что уже кончается...

Сегодня утром она встала и решительно сказала: едем. Я хоть и настроена была на поездку, опять попросила оттянуть момент: «Да подождите, дайте от поезда отдохнуть». Мама ничего в ответ не сказала, просто села на табуретку и стала ждать. Я подумала-подумала, еще раз посмотрела на нее и стала собираться.

Я тоже хожу по двору и тоже будто чего-то ищу... И вдруг явственно вспоминаю свой сон: я иду по берегу неширокой и извилистой речки, иду и чувствую, что скоро, совсем скоро увижу что-то очень дорогое и радостное для меня. То, что согреет душу и сердце. И это будет... нет, не Константиновка. Это будет что-то такое, что я долго помнила и знала, но потом почему-то забыла. А надо, ох как надо вспомнить...

Озеро! Я понимаю вдруг, что именно я должна увидеть: озеро. Это оно маячило во сне, но мне почему-то

никак не удавалось до него добраться, а сейчас оно совсем рядом – надо только завернуть за соседний дом и пойти по тропке туда, где кончается соседский огород. Сначала на пути встретится родник. Вот ведь как: в городе, где я теперь живу, за родниковой водой надо ехать несколько километров, а тут прозрачная, не испорченная железом и ржавчиной, целебная вода – рядом. Пейте, люди!

Некому стало пить...

С родником я, конечно, поздороваюсь. И пойду дальше. К нему, к озеру, куда в детстве мы часто бегали купаться и... надо ли рассказывать, какое неизъяснимое блаженство испытывали при этом?

...А однажды я пришла сюда в предвечернюю пору одна. Если одна – значит, уже ходила в школу. И скорее всего в класс третий-четвертый. Уже была изношена розовая кофта. Привычно сбросила ситцевое платье, вошла в воду и поплыла. Наверное, поначалу я никуда не смотрела: ни вверх, ни вниз, ни по сторонам. Плыла себе да плыла, наслаждаясь особым вечерним состоянием воды и воздуха – они были одинаково теплыми, одинаково ласковыми. Много позже, будучи уже взрослой и научившейся всему находить причины, в «Розе мира» у Даниила Андреева я найду такое объяснение этому феномену: оказывается, именно в это время суток – вечером, небесные силы (стихиали – называет их Андреев) бывают особенно добрыми к человеку. В чем я не раз убеждалась и сама: если выходить на вечернюю прогулку, когда день уже начинает меркнуть, но до темноты еще далеко – вокруг тебя возникает совершенно необычная аура: воздух становится особенно легким и ласковым, а с неба нисходит благодать – другое слово не способно передать чувство, которое возникает в благодарной душе в эти минуты.

Но тогда, в золотом своем детстве, ничего этого я не знала, плыла себе да плыла, ощущая каждой клеточкой ласку воды и воздуха. И вдруг...

Я посмотрела вниз, в воду перед собой и обмерла от ужаса: внизу я увидела... такое же небо и облака, как и над моей головой. Но страшно было не это. Страшно было то, что до них было так же отчаянно далеко!

Я чувствовала себя плывущей между двумя безднами. Одна бездна – вверх, другая – вниз. И я между ними такая маленькая... такая... да меня почти нет! Еще секунда – и я утону, растворюсь в этих безднах окончательно! Они меня проглотят, как птичка глотает комара...

Нет, нет, не хочу! Я должна скорее найти точку опоры! Я должна скорее плыть к берегу!

И я поплыла, задыхаясь от ужаса, отчаянно взмахивая руками.

И когда вышла, наконец, на твердую, надежную кромку берега, мир в ту же секунду обрел обычные, спокойные очертания: бездна внизу исчезла. А та, что была над головой – она привычна, она не страшна.

Под ногами снова была земля – упругая, теплая, дарящая чувство надежности и защищенности от сквозняка беспредельности.

Наверное, именно тогда – впервые – мир явил мне свою бесконечность.

И я испугалась.

Тогда я еще не знала, что такую же беспредельность может таить в себе человеческая судьба.

Конечно же, о пережитом я никому ничего не сказала. Да и кому я могла сказать? Взрослые были заняты своими взрослыми делами (чем накормить, во что одеть – ах, какие скучные, какие несерьезные это дела!). Бабушка... Бабушка, казалось мне, меньше всего могла развеять мой страх и разрешить неразрешимые вопросы. На малограмотную бабушку я поглядывала с высоты своего школьного образования и с течением времени только сильнее утверждалась в мысли, что ее понимание жизни безнадежно устарело. Что она читала в этой

своей жизни? Только Библию. Чем была занята? Только домашними делами – с утра до вечера.

Впрочем, было у нее еще одно занятие, которое она считала безусловно важным: если нечаянно проснуться рано утром, всегда и непременно увидишь бабушку стоящей на коленях – она молится. И день свой она заканчивала тем же.

Об этом мы постоянно спорили. Вернее, мы не спорили никогда: смиренница-бабушка не вступала в противоречия даже с внуками. Поэтому вернее будет сказать так: мы с бабушкой вели постоянный, нескончаемый диалог. И иногда своим тихим голосом (тихим – вовсе не значит слабым, в голосе бабушки ненавязчиво, но четко звучала явственно твердая нотка), иногда своим тихим голосом она говорила такое, что я почему-то помню до сих пор...

– Бабушка, а ты знаешь, что Гагарин летал в космос? И никакого Бога там не видел.

Бабушка молчит. Я уверена, что возразить ей нечего! Но она неожиданно спрашивает:

– А ты там была с ним, с Гагариным?

– Ну, бабушка...

– Ну вот, не была, а говоришь.

– Но ведь об этом написано во всех газетах!

– А им что – всегда можно верить, твоим газетам?

Моим, конечно, моим... Моей профессией станет как раз газетная работа, и при всей любви к ней жизнь заставит меня не раз и не два убеждаться, что – да – не всегда дорогим моему сердцу газетам можно верить.

Но это сейчас я так думаю, а тогда... Тогда я даже не считала нужным продолжать с бабушкой диалог. «Но ты, ты-то тоже не была, и значит, ничего доказать не можешь!» – мысленно возражала я бабушке. Мы думаем каждая свои мысли – до следующего раза.

Следующий раз был таким: сию, учу стихотворение:

*Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри – не вы!
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля...
Не будь на то господня воля –
Не отдали б Москвы...*

– Ну, вот, а ты говоришь – Бога нет, – раздается за моей спиной тихий бабушкин голос.

– Когда он жил, Лермонтов? – уверенно (самоуверенно?) возражаю я бабушке. – Тогда люди имели неправильное представление о мире. Тогда Гагарин еще не летал.

Теперь же я спрашиваю себя: а может, как раз-то бабушка имела более разумное представление не только о газетах, но и о так занимавшем меня вопросе об устройстве мира? О самой вечности?

Мама рассказывает: когда дедушка заболел, и всем стало понятно, что от болезни он уже не оправится, бабушка сказала ему:

– Что же ты про Бога не вспомнишь, ведь тебе скоро представлять перед Ним.

Она верила (знала?), что смертью человеческая жизнь не заканчивается?..

Похоже, дедушка ее убеждение разделял. Потому что ответил так:

– Знаю: много грешен. Но ведь мы своим детям прощаем все. А мы – Его дети...

Дедушке было что прощать. И пора уже, пора переходить к рассказу об их сыновьях.

Сыновей у бабушки с дедушкой тоже было трое – Николай, Алексей, Василий.

Двух первых я никогда не видала. Их унесла война. А я родилась позже.

Бабушку про них я тоже никогда не спрашивала. О, как прав был мой любимый писатель, когда говорил:

«...Нас, стариков, разделяет от молодых завеса прошлого, которая так висит, как бывает кисейная занавеска в комнате. От нас изнутри к ним наружу видно, а от них к нам в комнату ничего видеть нельзя». Тогда я была в возрасте, когда «в комнату ничего видеть нельзя». Поэтому что своя, начинающаяся жизнь, была занимательней и интересней всего остального...

И поэтому все, чем я располагаю – это, опять же, рассказы мамы. «Алексей был как девочка – мыл полы, посуду. Мы пока-то сообразили, что маме надо помогать, а он делал это с малых лет, без всякого с ее стороны принуждения. А потом Лешенька вырос. И пошел однажды в карты играть. Тятя его за этим делом застал, да так отругал! Алексей же так обиделся, что ушел из дома. Мало того – из деревни уехал. Потом уж нам сказали, что видели его в Нижнем. Мама с тятьей поехали туда. Нашли. Только Алексей домой возвращаться не захотел. И на войну его забрали отсюда, из Нижнего...

А Николая у нас был талант. Играл на гармонии. Рисовал – у него получались даже портреты. Обувку умел хорошо чинить. Он бы и новую шил, да где денег на материал возьмешь? Вот, как война началась, его и забрали в Москву – на обувные работы. Домой он писал: «Живу хорошо, кормят нормально». А потом получаем письмо уже не от него, а от неизвестного нам человека: «Ваш сын и брат заболел и умер». Мама забралась на печь и неделю пролежала с температурой под сорок...»

Однажды, в очередной раз рассматривая фотографии (их и в альбомах, и просто в бумажных конвертах в родительском доме хранится множество), я увидела на одном из снимков незнакомого молодого мужчину. «Кто это?» – «Да это Николая и есть».

Умное, тонкое, интеллигентное лицо с преобладанием бабушкиных черт. Но губы сжаты по-мужски твердо. И лоб высокий, как у отца.

Фотография была прислана из Москвы. На обратной стороне дата: 26 мая 1943 года. Видимо, Николая уже болел – глаза смотрят печально. Видимо, он все понимал относительно своего ближайшего будущего, осознавал, что эта фотография – прощальная. Потому и обычные на обратной стороне слова – «На долгую и добрую память» – читаются в их прямом смысле, как последнее волеизъявление.

И в то же время в глазах бабушкиного сына и моего дяди горит огонь: огонь молодой, многообещающей жизни! Если бы он вернулся с войны – кем бы он эту жизнь прожил? Художником? Просто хорошим сапожным мастером? Одно можно сказать наверняка – никого, никогда он не смог бы обидеть. Люди с такими глазами призваны нести в мир свет и любовь...

Алексей же... Каких разных сыновей нарожала ты, бабушка! Непокорный Алексей после первой ссоры с отцом в деревню, оказывается, все-таки приезжал! Во время войны. На побывку. И умудрился поссориться с отцом опять...

Здесь я должна признаться вот в чем: о некоторых эпизодах из жизни своих навсегда оставшихся молодыми дядьев я рассказала в одном из своих рассказов. В том числе и о том, как Алексей приезжал с фронта домой. Там, в рассказе, я нашла-придумала его ссоре с отцом объяснение, возможно, очень близкое к истине: страдание (война – разве не страдание?) не только высвобождает, но порой и ожесточает человеческую душу. А вот как было на самом деле? Возможно, именно так. А возможно, здесь был извечный конфликт отцов и детей: выросший старший сын захотел жить по своей, а не отцовской воле. А уж воля у дедушки была...

Мама рассказывает: в войну вся деревня жила впроголодь, но дедушка... дедушка-то ведь работал колхозным завхозом! А на складе всегда хранилось что-нибудь из того, что должно было отправляться из деревни под девизом: «Все для фронта, все для победы!». «Принес бы

хоть горсть гороху – все суп запашистей будет», – просила бабушка. «Цыц», – звучало в ответ. А вот послевоенный эпизод: в колхоз приехала комиссия из района, которой требовалось преподнести деревенский подарок. «Посылает меня тятя со счетоводом на склад: идите, наложите банку меда. Пошли. Наложили. И хоть бы чуть домой взяли! Хоть бы ложечку сами съели! Знали: тятя узнает – голову оторвет...»

И вот приезжает с фронта старший сынок, и в чем-то с отцом у него опять получается разногласие. И вместо того, чтобы уступить, Алексей вынимает из кобуры наган: «Я вам уже не мальчишка! Хватит меня учить, я сам кого хочешь...»

Дедушка, чтобы не усугублять разногласий, вышел из дома и залег в картофельные грядки. И пролежал там до утра. Что он передумал за эту ночь? Что почувствовал?..

Так что было, было ему что прощать своему старшему сыну...

А помириться им так и не пришлось. Потому что сын с войны не вернулся.

Это она, война, причиной тому, что на семейной фотографии нет двух старших бабушкиных и дедушкиных сыновей. Она же причина скорби, застывшей в бабушкиных губах...

А третьего сына, Василия, нет здесь совсем по другой причине. Третий, самый младший бабушкин сын, для войны, для боев оказался недостаточно взрослым. Поэтому и остался жив. Но на момент фотографирования дома его не оказалось – он уже жил и учился в большом городе, далеко от родной деревни.

«10 сентября 1947 года» – значит на обратной стороне снимка, где запечатлены бабушка и дедушка с дочерьми. Как жаль, что фотограф не появился в деревне раньше, во время летних студенческих каникул – тогда можно было бы посмотреть на крестного (третий сын супругов Мещеряковых – Василий – был дядей и моим

крестным отцом) в студенчестве. Но поскольку я его многие годы знала и хорошо помню, то могу утверждать, что с Николой они были очень похожи – оба имеют больше материнских, чем отцовских, черт. И оба, похоже, унаследовали бабушкину доброту. Плюс – дедушкин твердый характер. Что и явствует из рассказа мамы: «Вася от меня нигде не отставал. Я на поле собирать мерзлую картошку – и он со мной. Я в школу пошла – и он со мной, хотя мне было уже восемь, а ему только шесть лет. Мы и в Ладе учились вместе. Бывало, я, как старшая, делю вечером хлеб, стараюсь дать ему кусочек побольше. А он мне непременно его вернет и возьмет тот, что поменьше...»

Еще сестра вспоминает, как в войну, когда она уже училась в педучилище, младший брат приносил ей однажды сушеной свеклы – сладкого военного лакомства. Кажется – что тут особенного? Ничего, конечно. Кроме того, что гостинец пришлось нести... полтора десятка километров. Пешком...

Выпытываю у мамы:

– А ты его не спросила – сам-то он поел чего-нибудь перед дорогой?

– Да наверно, голодного мама бы не отпустила. Только ведь какая еда в войну была...

– А в училище, когда пришел к тебе, – может, ты его в столовку сводила?

– Не помню уже. Вряд ли. Тогда своих-то нечем было кормить, а тут посторонний... Помню только, как он радовался, что принес мне свеклы – она в войну за конфетки сходила. Да еще с витаминами.

Опять думаю: полтора десятка километров – это ведь не только туда, это еще и назад. Не на машине, не на подводе – на своих двоих...

Сам Василий за образованием, уже за высшим, отправился в неблизкий город Казань. Впрочем, поначалу он высказал желание стать счетоводом. Однако отец сказал твердое «нет» (видно, были у дедушки резоны, до поры до времени мне непонятные, отрезать своих детей от де-

ревни). И тогда младший сын нацелился на профессию, о какой в семье имели самое смутное представление – решил выучиться на юриста. «Мама положила ему в узелок краюху хлеба и кусок сала – с тем и поехал в Казань». И цели своей достиг. Зная своего крестного, могу предположить, что двигало им юношеское желание увеличить количество порядка и справедливости на земле.

Став работником правоохранительной системы, Василий Антонович с должности районного следователя вырос до начальника отдела республиканской прокуратуры. Это – о его деловых качествах. А что касается качеств человеческих... Мама до сей поры вспоминает его слова: «Знаешь, как душа болит, когда приходится выносить приговор. Понимаю – преступник. Но – человек же...» Каждый раз, произнося эту фразу, она вытирает слезы...

Когда его хоронили (умер крестный, от болезни желудка, рано), сослуживцы признавались, что на долгой службе в подобного рода органах редко кому удастся остаться человеком с незапятнанной репутацией, а главное – незапятнанной совестью. Василий Антонович – остался. Правда, к концу жизни, устав, видимо, бороться между долгом и нашим российским «телефонным правом», признавался сестре:

– Знаешь, чего больше всего хочу? Вернуться в родную деревню, завести лошадь и работать на земле.

...На озеро я не попала. Кроме одной напасти – травы стеной – нас ожидала в бабушкиной деревне другая – несметные полчища комаров. Никаких средств защиты от подлых тварей мы не взяли, и потому, устав хлестать себя по щекам и икрам ног, малодушно решили возвращаться к машине. И шли назад куда более резво. Я уже забыла о «вещем» сне и утешала себя тем, что – пусть я не повидала озера, в котором купалась вечность, зато и без того многое увидела, многое вспомнила, и вообще, кажется, знаю теперь о своих верхнеладских родственниках все, что хотела знать. Правда, скребла душу еще

одна бабушкина фраза. Однажды, во время нашей очередной беседы о жизни прошлой и нынешней, она произнесла странные слова. Она спросила:

– А кто тебе сказал, что до революции все простые люди жили плохо?

– Как кто? – удивилась я. – Учителя. И учебники истории.

Против учителей бабушка не возникала никогда. Против газет, которые издаются где-то далеко – да, но против учителей, к которым ее внуки каждый день ходят на уроки...

Решив, что бабушке нечего возразить, я и спора, по привычке, не продолжала. А теперь решила спросить у мамы: почему? Обстановка для неспешной беседы самая располагающая: мы едем в машине, никуда не торопимся.

– Почему бабушка однажды сказала: «Кто тебе сказал, что до революции все простые люди жили плохо?»

– Так ведь они оба – и мама, и тятя – были из зажиточных семей.

Не скажу, что не слышала об этом от мамы раньше. Слышала – но все скользило мимо сознания, а главное – мимо сердца, ни то, ни другое особенно не задевая. Почему?

Здесь придется сделать лирическое отступление. Я сказала: мимо сознания, мимо сердца. И одна из причин этого «мимо» в том, что и сознание, и сердце до краев были заполнены ЛЮБОВЬЮ. Любовью к Родине с большой буквы. Пусть смеются те, для кого это понятие стало пустым звуком. Пусть иронизируют над наивной, восторженной дурочкой, поверившей учителям и учебникам. Не одна я – миллионы моих ровесников были такими. Мы верили, что строим лучшее в мире государство – такого в человеческой истории не было никогда, и ради этой великой цели стоит жить, как велит песня: «Раньше думай о Родине, а потом о себе». И потому не стоит жалеть о том, что было раньше, до начала этой

великой стройки (впереди ведь сияющие вершины!), а бабушек и дедушек, ностальгирующих по прежней жизни, надо понимать и прощать – им уже не преодолеть своих заблуждений...

От этих своих мыслей (по поводу великой цели) я не отказалась и сейчас. А вот что касается бабушек и дедушек... Что-то в моих представлениях о них – во время этой поездки я поняла это особенно отчетливо – было не так. Неправильно. Нечестно. Необъективно. Что именно? И не пришла ли пора ответить на этот вопрос?

Собственно, предпосылки к ответу уже были. Над страной пронеслась, все сокрушая на своем пути, горбачевская перестройка, и, поначалу восприняв ее едва ли не с восторгом, мы бросились узнавать то, что раньше было под запретом. Столько обрушилось на наши бедные головушки... Тут уж было не до родственников – и сознание, и сердце едва вмещали газетную и книжную информацию, касающуюся всей страны.

Видно, теперь пришло время узнать СВОЕ.

– Ну, и чем же они занимались? Чем наживали свое богатство? – вступает в беседу брат.

– Тятин отец гусей в Москву гонял, а у маминого была маслобойка, он конопляное масло делал.

– Держали работников? – продолжает брат.

– А как же? Гусей за семьсот верст один разве погонишь? А у Андриана (маминога отца звали Андрианом) все девки рождались: сначала Александра, потом Варвара, ваша бабушка. А девки – по себе знаю – какие помощницы на производстве? Вот и нанимали людей.

– А почему же ни дедушка, ни бабушка не обмолвились об этом ни разу, ни единым словом?

Это спросила уже я – и поняла, что сморозила глупость. Потому что ответ к тому времени знала и сама:

– Нанимали людей – значит, эксплуататоры. И как началось раскулачивание, и у тятиных, и у маминых родителей все имущество отобрали, а самих сослали то ли в Сибирь, то ли в Казахстан. Вот они и молчали.

Боялись, как бы нам, детям, не навредить. Время-то какое было...

Я сидела оглушенная. Вот тебе и «все вспомнила, все повидала». Все «узнала о своих верхнеладских...»

– А почему... бабушку с дедушкой не тронули?

– Так они уже женаты были. Жили отдельно. И – как все...

Мне ли не знать этого «как все...» Это «как все» я уже и сама хорошо помню.

Их домик был иллюстрацией к есенинской строчке «низкий дом с голубыми ставнями» – только не ставни, а его наличники были выкрашены в голубой цвет. Дом – это, как и у всех деревенских в то время – одна-единственная комната. В переднем углу, конечно же, иконы. Две из них помню особенно явственно. Первая и на икону была, по моему мнению, не очень-то похожа – она состояла из множества небольших картинок, запечатлевших библейские сюжеты и заключенных в одну рамку. На второй была изображена голова Иоанна Крестителя на блюде...

Под иконами – стол, с двух сторон которого – широкие, удобные для сидения, лавки.

На стене рамочка с семейными фотографиями. Чуть ниже их – картина, вернее, ее репродукция – «Неравный брак» Пукирева.

Вместо кухни – отделенный от комнаты ситцевой занавеской чулан. Сюда выходит чело печи, у которой бабушки простаивала долгие часы, готовя для большой семьи пищу. На печи же и спали, хотя одна металлическая кровать – с шишечками – в доме все же была. Кто не умещался на печи или кровати, спал на полу.

У самой двери, у входа, стоял сундук. Все.

Этого дома давно уже нет (его заменил перенесенный с другого конца улицы Дашенькин), но я до сих пор вспоминаю его с тихой нежностью и любовью...

Мама, отвечая на вопросы брата, начинает рассказывать о том, какой хорошей (умелой и экономной) хозяйкой была наша бабушка, но я вдруг перестаю ее слышать.

Вот здесь, здесь... Именно здесь, за деревней, на склоне этого вот оврага когда-то стоял деревянный вагончик, в котором дедушка, после того, как уже перестал быть завхозом, нес свою охранную службу. Наверное, я еще не ходила в школу, но была достаточно большой, если бабушка доверила мне и моим двоюродным братьям, Дашенькиным сыновьям, отнести деду узелок с едой. Мы пришли, дедушка узелок развязал, посунулся угостить нас, но мы, наученные бабушкой, решительно отказались: «Дома уже поели». И пошли на улицу.

Дедушкин вагончик стоял на колесах; мальчишки принялись бегать вокруг, а я полезла туда, под вагончик. Я ведь знала, что он должен расти в укромном, скрытом от людских глаз месте – цветок, которого никто никогда не видел. И если я не нашла его возле дороги, проходящей мимо Константиновки, так, может быть, здесь? Здесь ему даже лучше – под дедушкиным вагончиком так уютно, так умиротворенно и отстраненно от всякой суеты, что если уж где и расти необыкновенному цветку, так только здесь!

И я искала и искала, опять перебирая руками каждую травинку (ну кто, кто внушил мне, что найти его должна именно я?), но, увы, цветка, не похожего ни на какие другие, не находилось...

– ...Завтра к няне поедем, – вклинился в мои воспоминания мамин голос. – Как хотите, а поедем.

Забыв о цветке, мгновенно хватаюсь за соломинку:

– А она может что-нибудь вспомнить о них – ваших дедушках?

– Конечно! Няне хоть и девяносто третий идет, а голова у нее еще светлая.

Поедем, конечно, поедем...

Наступила пора покаянная?..

Утром мы опять трогаемся в путь. Наша неутомная тетенька уже давно поменяла райцентр на столичный (для нашего края) город. Машина «Форд» резво бежит по асфальту, мелькают за окном поля и березки...

Я смотрю на все это и вспоминаю почему-то... статуютку. В последнем райцентровском тетенькином доме, украшенном бумажными цветами (она тогда работала «в цветах» – цехе по производству цветов из бумаги) и фотографиями, было еще одно украшение – статуэтка. Ни у кого больше – ни у тети Даши, ни у нас – ничего подобного не было, а у нее была. Что она собой представляла? Девушку с коромыслом. Девушка пришла за водой; одно ведро у нее уже на коромысле, за вторым она нагнулась. Да так и застыла. И простояла так на столе, под зеркалом, многие годы... Почему тетенька выбрала именно эту статуэтку? Может, потому, что она была картинкой из деревенского детства?

Сдается мне, что тетенька, как и ее брат Василий, достигший в столичном городе немалых должностей, тоже всю жизнь тосковала по родной Верхней Ладке («Верхоладка» – звали они ее для краткости). Я и сама по ней, оказывается, до сих пор тоскую. И вчерашняя поездка не только не утолила этой тоски, но еще больше ее распалила; только если раньше мне хотелось УБЛАЖИТЬ душу воспоминаниями детства, сценами гостевания в бабушкином доме, то теперь к этому добавилось не менее сильное желание УЗНАТЬ. Узнать то, о чем всю жизнь так стойко молчали мои незабвенные бабушка и дедушка... Тетенька, помоги!..

Вот и нужная нам улица. Нужный дом. В лифте вместе с нами поднимается совсем юная, стройная девушка.

– Скажите, мы туда попали? Нам нужна Мария Антоновна Мещерякова.

– Так это моя бабушка. Вернее, прабабушка.

Тетеньку мы застали сидящей на диване, на кухне. Собственно, нигде больше ее и нельзя было увидеть, поняли вскоре мы. Потому что ходила теперь наша неутомимая и веселая тетенька, как оказалось, только по маршруту «диван-туалет».

– Нянь, здравствуй!

– Здравствуйте. А вы кто?

Маму, однако, она узнала. Меня – с трудом. Брата, которого не видела много лет, не узнала вовсе.

Мы положили на стол торт. Внучка Лена разлила по чашкам чай. Только пить его душа любой и всякой компании отказалась:

– Руки дрожат, чашку не удержу. Пейте сами.

– Да мы поможем...

– Нет-нет, сами пейте!

Мы с братом молчали. Говорили сестры. Устремив глаза в передний угол, знакомым напевно-ласковым и непривычно печальным голосом тетенька вдруг произнесла:

– Прошу Господа: забери, пора уж! Нет, никак не хочет!

Я, вслед за тетенькой, тоже посмотрела в передний угол и обомлела: икона была – та, из детства, из бабушкиного дома – множество библейских сюжетов, соединенных воедино под потемневшим от времени окладом...

А тетенька продолжала:

– Если бы ты знала, Нюр, как я соскучилась по тятэ с мамой!

Смотрю и смотрю на тетеньку, пытаюсь разглядеть в ней прежние черты. Коротко стриженные волосы редки, а раньше... Вон, на портрете, она молодая: волосы, заплетенные в косу, венком уложены вокруг головы, глаза переполнены радостью начинающейся взрослой жизни, платье с белым воротничком и целым рядом маленьких пуговиц сшито, конечно, собственноручно и так ей к лицу...

Только голос у тетеньки прежний. Пытаясь ухватиться за ускользающий край, спрашиваю ее о родителях родителей.

– Помню, кто-то меня на печку подсаживал – бородатый, сильный. Видно, это и был дедушка Андриан. А больше... ничего не знаю.

Поздно, слишком поздно собралась я заглянуть в комнату...

Едем назад. Мама сидит в уголке заднего сиденья машины и молчит. О чем она думает?..

– Тятя няню больше всех любил, – неожиданно говорит она.

– А почему? – пытаюсь выпутаться из своих мыслей, машинально спрашиваю я.

– Не знаю. Может, потому, что она его из петли вытащила.

– Из... петли? Когда? Почему?

А про себя еще и думаю: дедушку – который был сильнее всех, умнее всех...

– Да откуда ж я знаю! – горестно отвечает мама. – Это няня знала... Знала, да все, видно, забыла...

Потом была зима. Перед отъездом домой я уточнила у мамы: что касается родителей ее отца – о них она не знает ничегошеньки. Тятя умел молчать, как никто. Вот когда меня осенило, что могла означать загадочная дедушкина улыбка-усмешка, спрятанная в бороде: знаю, да не скажу! Хоть режьте – не скажу! И не здесь ли кроется разгадка того, что дедушка пытался покончить с собой? Хотел завершить свое молчание такой вот точкой. Может быть, может быть... Только нам подтверждения этой разгадки уже не найти: его усмешка, его глаза говорят однозначно: никогда ничего от меня вы не узнаете!

Не узнаем, дедушка. Правда, сейчас это нам ничем не грозит. И нам так хочется знать, кто и, главное, какими были твои родители – наши прадедушка и прабабушка. Но разве можно винить тебя за твое молчание? Уж теперь-то мы знаем, как ЭТО все было и чем чаще всего заканчивалось...

И в то же время как я благодарю – запоздало благодарю – бабушку, произнесшую за всю свою долгую жизнь несколько фраз, которые я теперь пытаюсь расшифровать, будто они были произнесены на неведомом мне языке.

Мне известно уже, что девичья фамилия бабушки была Губернскава (Мещеряковой она стала, выйдя замуж за дедушку), что родилась и выросла она в селе Лада, в те далекие времена (со временем мы раздобудем справку, что бабушка родилась в 1887 году) входившим в Саранский уезд Пензенской губернии. А ее репрессированного отца, у которого «все отобрали и сослали неизвестно куда», звали Андриан Губернсков. Фамилию помнила мама, имя вычислили, исходя из бабушкиного «Варвара Андриановна», с отчеством помогла... но об этом чуть позже.

Сначала вот о чем. Той зимой, делая всякую другую бумажную и небумажную работу, время от времени я путешествовала по интернету. С его помощью узнала, например, что в Ладе – селе, где бабушка родилась у отца Андриана Губернскава – в 1918 году было крестьянское восстание: крестьяне не захотели отдавать хлеб приехавшим в село продразверсточникам. Не был ли наш прадед участником этого восстания? Не за это ли пострадал? – задалась я вопросом. Увы – ответа на него краткая информация, конечно же, не давала.

Затем я разыскала сайт «Российская ассоциация жертв незаконных политических репрессий». Все течет, все изменяется... Вот уже и – «незаконных», хотя еще несколько десятилетий назад все это было таким законным, что – ни пикни, ни вякни, ни закричи...

Когда я впервые открыла нужную мне страничку, споткнулась глазами о цифру: банк данных сайта содержал... 1 миллион 429 тысяч 449 персоналий. В первую секунду аж дыхание перехватило: это какая же длинная и скорбная вереница людей! Это сколько же горя, слез, отчаянья и обжигающего душу ужаса оказалось вдруг

сконцентрировано в одной стране с именем Россия! К тому времени я не только начиталась (может быть, в этом и заключается единственная положительная сторона горбачевской перестройки) о репрессиях и обо всем, что с этим было связано, но и сама написала не один десяток материалов на ту же тему. В тех очерках были чужие судьбы – и то сердце отзывалось болью. А теперь вот очередь дошла до родного прaeda...

Потом обожгла другая мысль: почти полтора миллиона незаконно репрессированных... и это, конечно, еще далеко не все – знатоки отечественной истории утверждают, что настоящая цифра гораздо больше... и я хочу среди этого несметного количества людей найти своего прaeda?!

Вспомнилась Колыма, куда я почему-то стала про-ситься во время распределения после окончания университета. Распределили меня в поселок Омсукчан, что в шестистах километрах от областного центра – Магадана. Социалистическое соревнование, партийный контроль, советский образ жизни – мы, журналисты районной газеты, писали обо всем, кроме одного – о том, что долгое время край был местом страданий и непосильной работы заключенных. Не писали и не говорили. Слово никогда этого и не было... Хотя уже давно прошел 22-й съезд КПСС, материалы которого мы добросовестно изучали на вузовских семинарах. Хотя тогда, в семидесятых годах прошлого столетия, еще стоял посреди колымского поселка барак, обнесенный колючей проволокой. Однако не возникало даже мысли спросить кого-то из местных: что это за барак? Почему он за колючей проволокой? Под ближней сопкой теснили друг друга ряды холмиков, очень похожие на могилы; мы ходили туда собирать бруснику и... опять ничего не спрашивали. Но однажды я поехала в Магадан на какое-то мероприятие (их тогда проводилось множество) вместе с работниками райкома комсомола. Дорога то летела стрелой, то петляла по сопкам, на которых рос-

ли северные деревья – стланник да лиственница, и вдруг секретарь райкома, симпатичный жизнерадостный паренек, совсем невесело сказал:

– По костям едем. Эту дорогу строили заключенные – уголовники, политические. В основном политические. Какие здесь морозы, ты уже поняла. Какая у них была еда и одежда – можешь представить. Люди работали и падали, и потом их прикапывали прямо вдоль трассы.

Не могу сказать, что даже эта фраза меня сильно впечатлила. Или взволновала. Мы же все это «проходили». И в сознании накрепко запечатлелось: это были издержки роста большой страны. Это были муки рождения великой державы. К ним надо относиться с пониманием и сочувствием, и надо отдавать себе отчет в том, что лес рубят – щепки летят...

Но когда «щепка» – твой родной прадед? Твоя родная плоть и кровь?

...Дрожащими руками заполняю графы сайта «Поиск по электронной Книге Памяти». Вывожу фамилию, имя прадеда... предположительный год ареста (или восемнадцатый – год восстания в Ладе, или тридцатый, начало Великого террора – какой же еще?)...

«На обработку вашего запроса потрачено 0,11 секунды. По вашему запросу найдено 0 совпадений...»

Сижу оглушенная. 0,11 секунды... Разве можно за такое время найти целую жизнь?!

Еще и еще раз делаю попытки вывести хоть что-то у электронного всезнайки (всезнайки ли?). Увы – безрезультатно...

Может, все дело в том, что я не знаю отчества своего прадеда? Ну, отыщи-ка среди такого количества людей человека без отчества...

Звоню маме:

– Может, ты все же вспомнишь отчество своего деда Андриана?

– Нет, не помню.

– Ну ладно, давай вспомним что-нибудь другое о нем. Вот, например: на кого он был похож? Вернее, бабушка наша Варвара, его дочь – она на него было похожа?

– Помню: один раз он пришел к нам в гости. Мама его угощала за столом, а я лежала на кровати. Так я на него и глядеть-то стеснялась.

– Сколько же тебе было лет?

– Еще и в школу не ходила.

– Ты с двадцать шестого года. Еще в школу не ходила... значит, начало тридцатых.

Про себя думаю: тридцатые – самый разгул репрессий. Может быть, он, кем-то предупрежденный, проститься с дочерью Варварой из Лады в Верхоладку приезжал? И чего я хочу от мамы – чтобы она знала отчество человека, которого в то время звала «деденькой»? Чтобы она запомнила его черты?

Ей было всего четыре года!

А потом в семье (в стране) началась эпоха молчания...

– Слушай-ка, – вдруг произносит мама. – А позвони-ка ты Наде.

– Кто такая Надя?

– Дочь маминой сестры, Александры. Мама как вышла замуж, так и уехала из Лады, а Александра жила там долго. А потом уехала к Наде и осталась у нее жить. Поди-ка, они разговаривали про деда...

Как я искала Надю – Надежду Павловну, точнее, номер ее телефона – это отдельная история. Слава Богу, она закончилась благополучно. И вот я набираю номер ее мобильного телефона. Слышу несильный («Болею», – сразу же доложила она), но очень приятный и, главное, доброжелательный голос. Едва узнав, кто я такая и почему ей звоню, она на удивление быстро ориентируется в ситуации и четко отвечает на мои вопросы:

– Отчество у Андриана было Иванович. Да, он держал маслобойку. Каким был человеком? Мама говорила: замечательным! Хорошо платил наемным рабочим.

Мог купить кому-нибудь из них корову. Мог свадьбу молодым за свой счет сыграть. А еще двадцать лет ухаживал за своим парализованным отцом. Арестовали его в тридцатом. Где отбывал срок? В Котласе Мурманской области. Валил лес. Однажды его придавило упавшим деревом. Он заболел. Мама посылала ему посылку, но вряд ли он ее получил. Потому что скоро нам сообщили о его смерти – товарищи написали.

Вот сколько сразу я получила информации – и какой! – о своем прадеде. Он был замечательным человеком! Он любил людей и помогал им. Теперь я точно знаю, что арестовали его в тридцатом, и что отчество его было – Иванович. В одном ошиблась моя добрая собеседница: Котлас – в Архангельской области. Пожелав Надежде Павловне здоровья и поблагодарив за рассказ о прадедушке, я тут же бросаюсь с помощью интернета разыскивать Книгу памяти жертв политических репрессий, изданную в Архангельской области. Здесь Андриан Иванович Губернсков отбывал срок, здесь умер... Здесь и должны быть сведения о нем!

Увы – оказалось, что в эту Книгу занесены только страдальцы, родившиеся и проживавшие до ареста в Архангельской области.

Не утолив моей жажды, интернет, тем не менее, подсказал, что делать дальше. Если уж быть совсем точной – подсказали люди, ищущие, как и я, своих предков. Нешадно эксплуатируя интернет, я была поражена: оказалось, таких поисковиков, как я, великое множество. Что особенно удивительно – много молодых! Такое впечатление, что вся Россия затосковала по своим дедушкам и прадедушкам, бабушкам и прабабушкам. Затосковала – и хочет узнать о них как можно больше или – хотя бы что-то! А узнать, как я и сама уже убедилась, непросто. Одна из сложностей, например, была такая: оказавшись на новом месте жительства, многие из репрессированных стремились поменять свои фамилии, делая попытку спря-

таться, скрыться, исчезнуть из поля зрения властей. И некоторым это удавалось. Ну и как после этого найти их следы, их корни?!

Один из виртуальных добровольных помощников поисковиков (есть такие!) подсказал: надо обращаться в информационные центры областей (республик) и Управления ФСБ по месту жительства репрессированных.

Значит – опять ждать лета...

Весной сажали огород, потом принимали внуков, – только осенью вырвались с братом в Константиновку.

И сразу – в Саранск, в этот самый информационный центр. Дорогой брат небрежно бросает:

– Котлас... Я в этом Котласе целый месяц работал на судне на воздушной подушке.

– Как? – поражаюсь я (брат в свое время закончил Горьковское речное училище, плавал (пардон, ходил) по Волге, Оке, Каме, сибирским рекам, и вот, оказывается, Двина тоже была его рекой). – Нет, ты представляешь – возможно, ты пролетал на своем судне мимо берега, на котором наш прадед валил лес. Возможно, где-то там теперь и его могила...

– Могила, но не его, а братская. Ты же знаешь, их хоронили десятками. Если не сотнями.

– Знаю. Но все равно это поразительно...

Сижу, смотрю в окно и думаю о том, что прадед наш Андриан Иванович становится нам все ближе, ну как бабушка и дедушка прошлой весной, когда мы ездили в Верхоладку...

Вот и Саранск, улица Коммунистическая, дом номер 75. Лифт не работает, но что нам стоит подняться на седьмой этаж, если каждый шаг будет приближать нас к заветной цели?

– Заполните, пожалуйста, вот эту анкету.

Заполнили.

– Подождите минуточку.

Через минуточку женщина выходит и сначала нас жестоко разочаровывает: «Никакой информации для вас у нас нет». А потом вдруг дарит такую надежду! Она говорит ни больше ни меньше как:

– Дело вашего прадеда хранится в Республиканском архиве ФСБ. Это через дорогу.

Через дорогу... всего через дорогу...

Надо ли говорить, как летели мы с братом к зданию Управления Федеральной службы безопасности по Республике Мордовия, с каким трепетом нажимали звонок у его ворот, как, замирая от предчувствия чуда (разве не чудо – найти, наконец, документы, которые расскажут нам о нашем прадедушке?), входили в само здание...

Дежурный в затемненном окошечке (он нас видит, мы его – с трудом) просит подождать. Эка делов, – соглашаемся беспечно, – когда мы уже у цели!

Вышедшая к нам симпатичная молодая женщина, однако, несколько охладила наш пыл: чтобы получить доступ к документам, касающимся судьбы нашего родственника, необходимо собрать целый ряд документов. Таков порядок и нарушать его не позволено никому.

Ну, порядок так порядок. Значит, будем добывать. Какие же это документы? Чтобы ничего не упустить и не забыть, записываю на листочек:

свидетельство о рождении дочери нашего прадедушки («Зачем?» – «Ну как же – надо доказать, что ваша бабушка была его дочерью. В свидетельстве о рождении родители указаны»);

свидетельство о браке нашей бабушки («это будет доказывать, что свою фамилию она поменяла на другую»);

свидетельство о рождении нашей мамы («это будет доказывать, что она – дочь вашей бабушки»);

свидетельство о браке нашей мамы («она ведь тоже поменяет свою фамилию...»);

копия моего (просительницы) паспорта (моего, потому что там указано, что моя мама – это моя мама).

Вот если эта цепочка родственных связей будет установлена и подтверждена подписями и печатями, тогда...

Решили начать с Лады. Здесь наш прадедушка со всей своей семьей жил, отсюда его «замели», сюда, прежде всего, мы и поедем.

– Мам, ты тоже с нами?

– А как же!

Поначалу мама говорила, что зря мы все это затеяли, что нечего тревожить память давно ушедших из жизни людей, а теперь не хочет от нас отставать. Машина брата, как и в прошлом году (только тогда был конец весны, а теперь ранняя осень) легко и резво бежит по асфальту. Мы радуемся тому, что наши края – прародина Патриарха Кирилла, и поминаем его добрым словом. Предстоятель Русской Православной Церкви приезжал навестить родные могилы (его бабушка похоронена в Саранске, дедушка – в селе Оброчном, что недалеко от Лады); этот визит, конечно же, был событием для Мордовии, и разве могли местные власти допустить, чтобы такой человек совершал свою поездку по разбитой дороге?

Тем же путем катим сейчас и мы...

Березки обочь дороги начали желтеть, но еще полны жизни и света. Брат включает радио и... кажется, прямо с небес, прямо в душу полились музыка и слова:

*Радость моя, наступила пора покаянная,
Вот и опять запожарилась осень вокруг.
Нет ничего на земле постоянного,
Радость моя, мой единственный друг...*

Мы прослушали песню в полном молчании. И потом говорить не очень-то хотелось. Но мама спросила:

– Песня-то... на молитву похожа; кто же ее сочинил?
Я сказала, кто.

– Тогда понятно, – осталась она довольна ответом.

И вдруг принялась рассказывать:

– В Ладу мы, бывало, на ярмарку ездили. Тятя посадит нас на рыдван и везет. А там накупит всяких ягод, мы сидим и лакомимся, пока они с мамой покупки делают. А перед поездкой мама напечет в печке блинов крахмальных, нарежет их как лапшу, бульоном зальет, и едим. Я один раз сказала: «Матушки мои, как ящерицы плавают, в лапше-то». Тятя хлесть мне ложкой по лбу – без единого слова, и дальше едим.

Так, за разговорами, приезжаем в Ладу. Находим сельскую администрацию («Сельсовет», – упорно говорит мама). Здесь нас огорчают:

– Никаких нужных вам документов у нас не найдете. Жили-то ваши родственники даже не в прошлом – позапрошлом веке. Все архивы того времени – в Ичалковском районе, в Кемле, езжайте туда.

Туда так туда... По журналистской привычке интересуюсь:

– Скажите, а нет ли у вас в селе краоведа, который, возможно, что-то мог бы рассказать нам о наших родственниках?

Девушка у компьютера иронично улыбается: иголку в стоге сена хотят найти... Но глава неожиданно говорит:

– А вон – Владимир Николаевич Нарваткин. И живет рядом.

И вот мы уже стучимся в дом учителя-пенсионера. Ах, как же хорошо пообщались мы с ним! Перво-наперво знаток местной жизни сказал для нас очень важное: Губернсковы – такая фамилия в Ладе была одна. Но, увы, никого из ее носителей в живых уже не осталось. Брат интересуется корнями Патриарха («Дом его родителей и сейчас стоит в Оброчном; мама и бабушка вообще наши, ладские»), а я сворачиваю все-таки на свою дорожку. Зная уже, что Андриан Иванович был арестован в 1930 году, на всякий случай интересуюсь:

– А не мог ли наш прадед быть участником крестьянского восстания в Ладе в 1918 году?

Владимир Николаевич соглашается: теоретически – да, но, увы, такими сведениями он не располагает. Вообще же о восстании рассказывает много интересного, не скрывая своих политических пристрастий: «Я – ярый коммунист». В связи с чем и излагает события под соответствующим углом зрения: «Осенью восемнадцатого в Ладу прибыл продотряд в количестве десяти или четырнадцати человек. Это были владимирские рабочие, которые пошли в отряд добровольно. Они захватили из дома промышленные товары, которые планировали обменять на продовольствие. Вот почему рано утром пошли на рынок. И здесь началась резня. У продотрядовцев стали отбирать винтовки и тут же, на месте, убивать. Кого только ранили – добивали вилами. Конечно, все это организовали кулаки: «Наш хлеб Ленин отправит за границу». И еще добавили «перчику» в свои речи: мол, продотрядовцы попа задумали убить. Ну народ и озверел... О начавшейся резне почтарь позвонил в Ромоданово, оттуда сообщили в Саранск. Приехали военные. Начались аресты. Человек 50 было арестовано. От очевидца мне известно, что задержанных держали в арестантской избе, а на расвете вывели на возвышенность за село и там расстреляли – примерно человек десять. Остальных увезли в Саранск и потом отпустили».

Рассказчик делает акцент на слове «отпустили»: мол, видите, советская власть проявила гуманность.

Ах, Владимир Николаевич, Владимир Николаевич... Про советскую Родину я уже сказала – не было для меня ничего дороже! Государство по имени СССР я и сейчас вспоминаю с большим уважением и нежностью. Это было время, когда мы читали хорошие книги и смотрели хорошее (за редким исключением) кино, когда телевизор не пугал и не вызывал скуку, а то и просто омерзение фильмами-«стрелялками» и голыми задами так называемых певцов. Не страшно было задержаться на улице, спокойно можно было поехать в любую республику...

У нас была работа и жилье... А главное – мы так верили в те идеалы, которые провозглашались с высоких трибун! Увы – там, наверху, где производили подобные лозунги для широких народных масс, жили совсем по-другому. Потому, наверное, и произошло то, что произошло.

Но и когда началась чехарда, называемая перестройкой, мы еще долго верили: это ради улучшения нашей жизни, – ясно же как день, что улучшать есть что. Мы и представить не могли, что вместе с водой новые власти, новые силы, поддерживающие ее и крепнущие день ото дня, выплескивают и ребенка... Вот тут уж точно мы были наивными...

На прощанье Нина (так представилась нам жена Владимира Николаевича) угостила нас необыкновенной вкусноты блюдом: курицей, приготовленной в гусятнице с кашей (сечкой). М-м-м... Хороша была и еда, и беседа, но... Но надо ехать в Ичалки, точнее, в Кемлю.

Однако и Кемля дала нам не особенно много: всего лишь копию свидетельства о рождении мамы и свидетельство о смерти бабушки.

– Но нам нужно свидетельство о бабушкином рождении, – настаиваем мы.

– Все свои архивы мы просмотрели. И – безрезультатно. Теперь вам надо в церковных книгах искать. Рождение, смерть, регистрация брака – до советской власти все эти сведения заносились в них.

– И где же эти книги теперь хранятся?

– В Республиканском Центральном Государственном архиве, в Саранске.

Сказать честно, домой мы возвращались уже не в таком оптимистичном настроении. Но упадническим настроениям решили не поддаваться.

Вспоминали Владимира Николаевича, обсуждали его рассказ.

– Он говорит: сорок человек отпустили и только десяти убили. Вот оно: лес рубят – щепки летят...

– Расстрелянных зарыли всех вместе. И креста не поставили. Но спустя время крест на этом месте появился. И стоял до 60-х годов. К этому времени сгнил, упал. На его месте появился новый. И этот со временем упал. И больше уже никто крестов не ставил... А, мам? А ты говоришь – зачем их тревожить. Но если никто больше не поставит креста... не скажет слова... наше общее прошлое просто истает! Испарится, как дым... Ой, опять поворот на Верхоладку! Прошлым летом, помните?

...Прошлым летом, спасаясь от комаров, мы с облегчением уселись в машину. Тронулись... И тут на дороге появилась старая женщина. «Батюшки, – ахнула мама. – Да это, никак, Дуня. Жень, тормози».

Брат остановил машину. Мама вышла, а мы остались наблюдать встречу подруг детства и юности из приоткрытого окна «Форда...»

– Нью, это ты? А я гляжу, кто это в тот край проехал? Не цыгане ли, думаю, а то еще чего подожгут.

– Я, Дунь, я. Здравствуй, голубушка!

Поцелуй, слезы...

– Как живешь-то, Дунь? – спрашивает мама.

– Живу вот...

– Не боишься тут одна? От деревни ничего ведь не осталось – одна трава.

– Да я не одна – с сыном. Только он что есть, что нет – пьет без памяти. Зимой волки воют вокруг...

И – с неожиданной силой:

– А, до чего страну довели! Раньше, в колхозе-то, хоть и работали, как батраки, а все равно весело жили! Мы уж привыкли к ним, колхозам. Зачем было эту жизнь ломать?

– Не говори, Дунь. А после работы – сколько гармоней на улице играло, сколько песен пелось!.. Мама наша на что скромница была, и то выходила песни послушать. На вот, помяни родителей.

Мама протягивает подруге детства и юности кулек с гостинцами. Дуня берет, смотрит...

*Подруги детства Дуня и Анна встретились и не могут
наговориться...*

– Ты зачем так много?

Отбирает четыре печенья, четыре конфеты:

– И этого хватит.

– Дунь, кто живой еще есть? Из наших ровесников.

Дуня докладывает: эту как-то видела, а эта который год в земле лежит, а эту прошлый год похоронили – да в богатой домовине, с замками. А зачем они, замки – куда она оттуда убежит?..

– Мы с тобой две, похоже, и остались.

Подруги опять обнимаются. Опять вытирают слезы. Они сидели бы так до вечера, вспоминали и вспоминали, но комары...

– Прощай, Дунь.

– Да что же уж прощай? Может, еще поживем?

Мама садится в машину. Трогаемся. Дуня смотрит нам вслед...

Как там она сейчас – одна среди недалеких уже осенних дождей, а там и зимних холодов?..

– А вы знаете, что Дуня – дочь дяди Феди и Фрося-большой? – говорит мама.

– Откуда же нам знать да помнить? Вот сказала – теперь будем знать...

«Центральный Государственный архив Республики Мордовия».

Заходим. Если уж Центральный, если Государственный – значит, оснащен технически по всем правилам, и всю информацию здесь обрабатывают и выдают быстро, нам всего-то и надо – изложить свою просьбу...

– ...в письменном виде, – вводят нас в курс существующих в учреждении порядков в одном из кабинетов. – А после того, как директор ее подпишет, пойдете работать в библиотеку – листать книги, которые вам принесет наш сотрудник.

Гмм, гмм... А мы-то рассчитывали, что нам выдадут готовенькое. И быстро. И мы уже сегодня...

– Не теряйте время, идите к директору.

Заявление написано и подписано. Проходим в библиотеку – просторное помещение на первом этаже. Симпатичная и улыбчивая молодая женщина внимательно выслушивает, зачем мы пришли, ненадолго уходит и возвращается с толстенькими фолиантами – это, как скоро мы узнаем, и есть те самые метрические книги, которые до революции были в каждой церкви и куда вносились записи о рождении, бракосочетании, смерти всех проживающих в приходе данной церкви людей.

Итак, нам надо найти запись о рождении нашей бабушки Варвары Андриановны Губернсковой. Мама не помнит, не знает, в каком году она родилась. Но в свидетельстве о смерти, выданном в Кемле, эта дата указана – 1887 год.

– Вот метрическая книга Ладской церкви – листайте, ищите, – напутствует нас улыбчивая библиотекаряша.

С каким трепетом открывали мы с братом толстенный фолиант, вместивший в себя несколько обычных

книг, ради экономии места и времени соединенных воедино. Сначала мы разглядывали не просто каждую страничку – от начала до конца, но – каждую букву, узнавая знакомые верхнеладские фамилии. Потом, поняв, наконец, какая долгая и нелегкая нам предстоит работа, стали фиксировать взгляд на имени Варвара. Имя новорожденного(ной) было записано в первой графе (а перед ним стояла дата рождения и крещения), во второй были записаны имена и фамилии родителей, в третьей – свидетелей события. Каждая запись удостоверялась подписями священника и дьякона. Мария, Лукерья, Параскева, Мокрида... Вот – Варвара! Увы – Варвара, да не наша – в графе «родители» записаны совсем другие люди, а не наши бабушка с дедушкой...

Записей о нашей бабушке в 1887 году вообще не нашлось. Мы просмотрели самым внимательным образом записи и за другие годы – на несколько лет раньше, на несколько лет позже – результат был тот же.

– Так... Давайте плясать от даты бракосочетания. Когда у ваших бабушки и дедушки был рожден первый ребенок?

– В тринадцатом (это непокорный Алексей)... Но еще три их ребенка умерли во младенчестве.

– Давайте начнем смотреть с десятого года.

Уже без прежнего пыла берусь листать пожелтевшие страницы. И вдруг...

– Петр! Родители – крестьянин Антон Дмитриевич Мещеряков и жена его Варвара Андриановна! Родился 24 июня 1910 года!

Работающие рядом люди отрываю глаза от книг, смотрят на меня с улыбкой. А я не могу сдержать эмоций и ликования: Петр! Значит, одного из умерших во младенчестве и собственноручно принятых бабушкой детей звали Петром... Событие к радостным не отнесешь, но... нашли же! И если это первый сын бабушки и

дедушки, значит, надо листать 1909 год – именно тогда они должны были обвенчаться.

И вот... Год 1909. Январь 25 числа. «Бракосочетаются: крестьянин деревни Верхняя Ладка Антоний Дмитриевич Мещеряковъ, православного вероисповедания, первым браком и крестьянская девица села Лады Саранского уезда Пензенской епархии Варвара Андриановна Губернскава, православного вероисповедания, первым браком...»

Надо перевести дух... Слава Тебе, Господи! Нашла. Ну зачем, зачем теперь свидетельство о рождении, если черным по белому, с дореволюционными ятями, написано: замуж за Антона Дмитриевича Мещерякова вышла Губернскава Варвара Андриановна. Вышла, и, следовательно, поменяла фамилию на «Мещерякова».

Так, смотрим дальше...

А дальше... начался детектив. «Лета жениха – 26. Лета невесты – 19».

А как же «вышла девчонкой»? Как же «каталась на ледянке»?

Делюсь сомнениями с библиотекарем. Она улыбается своей очаровательной улыбкой:

– Знаете, ваша бабушка могла себе лет прибавить. 14 – это все-таки для венчания маловато. Даже для того времени.

– А что – такое в те поры случалось?

Ответом мне опять была улыбка...

Ах, бабушка, бабушка! Вот когда загадала загадку. Ваше с дедушкой бракосочетание во всех смыслах оказалось таинством, которое и заверил своею подписью священник Михаил Юрьев с диаконом Николаем... Беляковым? Подпись, увы, неразборчива...

Итог нашей работы улыбчивая библиотекарьша запечатлела в двух документах. Первый назывался «Архивная выписка из метрической книги Нижегородской консистории церкви села Хилкова Лукояновского уезда на 1909 год» и удостоверял факт бракосочета-

ния наших незабвенных бабушки и дедушки. Второй свидетельствовал о том, что «...в просмотренных метрических книгах церкви села Лада Саранского уезда Пензенской губернии за 1886-1891 год сведений о рождении Губернсковой Варвары Андриановны не обнаружено».

Конечно, это меня озадачило: как могло случиться, что записи о рождении девочки из семьи верующих родителей не оказалось в метрической книге церковного прихода? Дома я тот же вопрос задам маме, и она тоже не найдет этому объяснения. Но предположение выскажет:

– Первая жена Андриана умерла рано. Мы про нее совсем ничего не знаем. Может, она была родом из другого села? И рожала Варвару там? Тогда и запись должна быть в книге другого прихода.

Какого? Увы – тут мы не могли высказать даже предположений. Но я отчего-то была спокойна. Я рассудила так: зачем нужно свидетельство о рождении бабушки, если запись о регистрации брака свидетельствует о том, что дедушка взял в жены именно Варвару Андриановну Губернскову. И место ее жительства указано – село Лада. А Губернсковы в Ладе, – еще раз с радостью вспоминаю слова знатока ладской жизни Владимира Николаевича Нарваткина, – были одни. И если Варвара – Андриановна, то какие еще нужны доказательства тому, что она его дочь?!

Все добытые документы я сложила аккуратно в стопочку, в порядке, подтверждающем мою родственную связь с моим прадедушкой Губернсковым Андрианом Ивановичем. Еще и еще раз прокручиваю в голове: была у него дочь Варвара? Была. Вышла она замуж за жителя деревни Верхняя Ладка Антона Дмитриевича? Вышла. Сменила фамилию на «Мещерякова»? Сменила. Родилась у супругов дочь Анна – моя будущая мама? Родилась – вот копия свидетельства о ее рождении. А вот

копия моего свидетельства о рождении, которая подтверждает, что именно Рыжова, а в девичестве – Мещерякова Анна Антоновна – моя мама...

Все, все подтверждено!

Господи, скорее бы утро...

И вот мы опять в Республиканском Управлении ФСБ. Та же симпатичная молодая женщина рассматривает добытые нами документы. Кажется, все в порядке. Кажется, скоро произойдет то, о чем я вот уже сколько времени мечтаю и грежу – я получу в руки дело своего родного прадеда.

– А копия свидетельства о рождении вашей бабушки?

Уверенная, что моя собеседница очень скоро согласится со мной, с жаром начинаю объяснять:

– Понимаете, записи о рождении нашей бабушки не нашлось. Но ведь запись о бракосочетании бабушки и дедушки неопровержимо свидетельствует: за Мещерякова Антона Дмитриевича вышла замуж Губернскова Варвара Андриановна, а Губернсковы в Ладе...

Я продолжаю говорить, но уже понимаю: слова говорю бесполезные. В этом здании важны только печати и подписи, но никак не соображения, пусть и представляющиеся мне сверхубедительными...

– Нам необходима копия свидетельства о рождении. Таков порядок, и нарушить его я не могу.

И тут меня понесло: я замолола что-то о духовной связи поколений, о том, что меня колотит от одной только мысли, что где-то здесь, рядом, лежат документы, которые помогут мне ВСТРЕТИТЬСЯ с моим прадедушкой, может быть, даже увидеть его фотографию (я почему-то очень хочу знать, похожа ли на него, своего отца, моя бабушка»), и неужели какая-то бумажка может послужить препятствием нашей ВСТРЕЧИ, о которой я столько мечтала... У меня есть и еще одна мечта: съездить в этот самый Котлас, найти дедушкину могилу и положить на нее цветы...

Женщина на минуту выходит. Пошла узнать, можно ли пойти мне навстречу и удовлетворить мою просьбу. Или просто... дает мне возможность успокоиться?

Дверь снова открывается, и я слышу:

– Я не могу нарушить установленного порядка.

Во взгляде служительницы учреждения появляется что-то похожее на сочувствие:

– Да вы не волнуйтесь так уж сильно. Оставьте свой адрес. Дела вы не увидели, но о самом главном из него мы сообщим вам в письменном виде – в течение месяца.

– Сволочи! Убить человека, это – пожалуйста, это легко. А дать возможность с ним ВСТРЕТИТЬСЯ, хотя бы виртуально...

Мы возвращаемся домой и – так безрезультатно! Я, можно сказать, в бешенстве. И гнев свой направляю отнюдь не на вежливую и даже сочувствующую нам женщину, а на систему, присвоившую себе право распоряжаться жизнью людей, одаренных ей самим Богом. И не только жизнью, но даже памятью о ней. Даже памятью...

Брат управляет машиной и молчит. Потом раздумчиво произносит:

– Ты понимаешь, это государство. Оно для того и существует, чтобы обеспечивать в своих границах порядок. Иначе – хаос. Хаос и беспорядок.

– Кому будет хуже от того, что я посмотрю эти документы? Какой вред я нанесу этим государству?! Уже нет в живых никого из тех, кто их подписывал. Да меня это и не интересует. Меня интересует мой прадед! Отец моей бабушки! Я хочу знать, каким он был. Похож ли он на бабушку, вернее, бабушка на него. Если уж невозможна наша реальная встреча, то хотя бы духовная-то...

– Гмм... А разве ты в эти вот дни, пока мы добывали справки, пока ты сидела в архивах, в ФСБ – разве ты эту духовную связь не ощущала? Не чувствовала?

Я замолкаю, пораженная. Брат мой Женька, которого я считала чересчур приземленным, не способным уловить тонкие вибрации души, – говорит такое?!

Я думаю. И вспоминаю почему-то бабушкин кисель. Однажды я гостила у нее, и она подала мне на завтрак блины с киселем. Я отпила глоток и вдруг сказала:

– И почему кисель варят такой жиденький? Вот я, когда вырасту, буду варить его густой-прегустой.

На следующее утро бабушка подала мне густой-прегустой кисель... Ух, как мне стало стыдно! И какой благодарностью переполнилась душа!

Бабушка, ты хотела своим внукам чем-то запомниться... и не просто запомниться – ты хотела, чтобы ниточка между нами с твоим уходом с этого берега жизни не обрывалась... И есть, есть этой моей догадке еще одно доказательство: недавно мама вынула из шифоньера полотенце с вышитыми по его краям цветочками, очень похожими на голубые головки льна. Вафельное полотно от времени пожелтело. «Ох, сколько пролежало», – вздохнула она. «Что?» – не сразу поняла я. «Да вот полотенце. Мама вышила его незадолго до ухода. И отдала мне». – «А что же ты нам ни разу его не показала?» – «Думала, вам неинтересно».

Стало обидно: почему она про нас, детей, так думает? А через минуту понимаю: мама права, и надо согласиться – бабушкино полотенце стало нам необходимо только сейчас.

Бабушка, бабушка... Эти твои голубые цветочки... и те, что я, казалось, так безрезультатно искала на лугу... Может быть, они называются одинаково? Может быть, имя им – СЛОВО?... И мы с тобой... мы с тобой сумели словами обменяться... сумели еще раз поговорить, когда ты уже на другом берегу вечности, а я еще на этом...

Мне даже кажется, что я теперь знаю, какой вопрос таился в твоих глазах. Ты спрашивала: отчего люди так безжалостны друг к другу? Отчего с такой легкостью друг друга уничтожают? Когда сказано: НЕ УБИЙ...

И еще я знаю теперь, ради кого ты утром и вечером, на коленях стоя перед иконами, возносила свои самые горячие молитвы...

Дедушка никаких СЛОВ не оставил. Он все упрятал в свою бороду. Дедушка не надеялся, что мы окажемся способными открыть и, главное, понять его тайну. И он оказался не так уж не прав. Хотя...

Через месяц я действительно получила из Саранска, из грозной организации, бумагу, в которой сообщалось: «В соответствии с Федеральным законом от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» сообщаем, что по архивному уголовному делу № 5889-с проходит Губернский Андриан Иванович, 1872 года рождения, уроженец села Лада Ромодановского района Мордовской АССР, бывший кулак-предпринятчик.

Губернский Андриан Иванович осужден 25.04.1930 года тройкой при ПП ОГПУ по Средневолжскому краю по ст. 58-10, 58-11, 58-13 УК РФ к 5 годам заключения в исправительно-трудовом лагере...

Прокуратурой Мордовской АССР от 07 ноября 1989 г. Губернский Андриан Иванович реабилитирован.

Другими сведениями в отношении указанного лица не располагаем».

Не раз и не два я прочитаю и перечитаю слова этой скупой справки. Кажется, о главном мне действительно сообщили: прадед мой был арестован и затем реабилитирован. Отчего же меня не покидает чувство, что сказали мне далеко не все?

И я опять засела за интернет. И через некоторое время (набила руку!) мне стало известно, что в тот же день, а именно 25 апреля 1930 года, были приговорены к различным срокам наказания еще четырнадцать жителей Лады. Вот их имена и фамилии:

Демин Иван Иванович, Демкин Семен Петрович, Деревнин Кузьма Дементьевич, Зюров Дмитрий Афанасьевич, Кондрашкин Василий Федорович, Кондрашкин Дмитрий Николаевич, Кондрашкин Степан Николаевич, Кондрашкин Яков Степанович (родственники?),

Косов Павел Иванович, Машков Дмитрий Васильевич, Послов Михаил Георгиевич, Тарлыков Алексей Михайлович, Успенский Николай Валерианович, Юдин-Юдинков Иван Митрофанович, Губернский Алексей Иванович. Последний – брат нашего прадеда Андриана Ивановича, на паях с которым они держали маслобойку. Кстати, о фамилии: в разных официальных документах братья называются то Губернскими, то Губернскими – видимо, все зависело от того, кто и в каком настроении оформлял эти документы. Я предпочитаю озвучивать фамилию так, как слышала ее от мамы и как она значится в церковных фолиантах.

Считаю необходимым также добавить: только три человека из этого списка – не земледельцы: Д.В. Машков – священнослужитель, Н.В. Успенский – судебный следователь, И.М. Юдин-Юдинков (редкая, почти дикинская фамилия) – торговец. Все остальные – земледельцы. Трудно не согласиться с авторами раздела в интернете «Репрессии в Мордовии: как это было»: после революции семнадцатого года новой власти нужно было изменить мировоззрение народа. Но убедить людей, что тот опыт жизни, который они накапливали сотни лет, – неверен, было непросто. Поэтому решили сделать это, ликвидировав хранителей (священников) и идеологов (интеллигенцию) этого опыта. И, используя террор, запугать его производительную силу (крестьян и рабочих). Приводимая в разделе таблица неопровержимо свидетельствует: сословие крестьян пострадало от репрессий наиболее массово и жестоко. Если за один только день, в одном только небольшом селе были осуждены четырнадцать его жителей...

Не давала покоя и такая мысль: как же мой прадед жил все эти жуткие годы – на чужбине? Понимала, что задаю сама себе наивный вопрос – мне уже никогда и ни от кого не узнать подробностей жизни репрессированного Андриана Ивановича Губернского. Где они –

те, с кем он уезжал на чужбину, с кем оказался соседями по нарам, с кем вместе выходил ледяным северным утром на каторжную работу? Все они давным-давно уже там – на том берегу...

Страницы из новохоперской тетради

И вдруг вспоминаю про тетрадь – обыкновенную школьную тетрадь, исписанную крупным четким почерком. Она хранится в одной из моих рабочих папок. На обложке этой папки написано – «Самые-самые». Это значит – самые значительные, самые дорогие...

Я приняла эту тетрадь из рук ее владелицы и автора – жительницы Воронежского края Таисии Федоровны Кузнецовой (в девичестве – Ерофеевой). Да, она родилась, выросла и затем жила далеко от Мордовии. Но вот ведь какое дело: судьбы значительной части (цифры мы уже приводили) русских людей времени, о котором мы говорим, «кроились» по одной «выкройке». Разница лишь в том, что кому-то удавалось выкраивающих «ножниц» избежать (что случалось чрезвычайно редко), а кто-то в них попадал, и даже не один раз. Вспомним хотя бы жизнь (житие?) деда нашего Патриарха, русского священника и подвижника Василия Степановича Гундяева (кстати сказать, летом 2011 года предстоятель Русской Церкви приезжал в Мордовию в том числе и для того, чтобы отслужить на его могиле заупокойную литию... быть может, это была даже главная цель поездки – кто знает?..); так вот, Василий Степанович совершил почти невозможное: отстаивая право на свои религиозные взгляды, свое духовное предназначение – прошел сорок шесть тюрем и лагерей, семь ссылок, находясь в общей сложности в заключении почти два десятка лет!

Воронежская пенсионерка (если точно – жительница поселка Новохоперский Новохоперского же района) Таисия Федоровна Кузнецова попала под неумолимые «ножницы» государства еще в детском возрасте только потому,

что оказалась ребенком репрессированных родителей. В ее рассказе, в исписанной ее рукой тетради, нет северных лесов, но есть казахстанские степи, где люди жили и работали на износ, искупая приписанную родным государством несуществующую вину. Давайте вместе почитаем эти записи – не придуманные и не приукрашенные, так же, как и судьба моего прадеда, с небольшими комментариями, от которых я не могла удержаться.

«Мать у меня была из бедной семьи, а отец – из богатой. О том, как семья наживала богатство, мне рассказывал мой дед, Павел Кузьмич Ерофеев. У него было шесть сынов и одна дочь, а землю до революции давали на сыновей, вот у него и получилось много земли. Надел дали на отрубях; на новом месте, чтобы сильно не трагиться, дед купил вместо дома баню. Дети спали на полках, а сам он – головой на порог. Когда дети подростки, он всех запряг в работу – вот и разбогател...»

«Разбогател», – говорит Таисия Федоровна. Хотя на самом деле – ну какое там было богатство? Несколько лошадей? Но землю надо было пахать. Несколько коров? Так ведь и семья после женитьбы сыновей стала не трудно посчитать какая. По-нашенски говоря – колхоз.

Словом, скотины и имущества было столько, чтобы спокойно кормиться самим и не обременять заботой о себе никого, в том числе государство. Все свои проблемы семья в состоянии была решать сама. Например, такую...

«Отец мой, Федор Павлович Ерофеев, взял мою маму из Русанова. Она стала сильно скучать по родным, вот и уговорила мужа: попроси отца купить нам дом в Русанове. Дом был куплен; дед также дал молодой семье корову, несколько овец и выкупил третью часть движка, на котором в селе мололи муку и били масло. Только два года мама с отцом и прожили спокойно. Пришла революция; отца арестовали и увезли в Новохоперск, а у мамы, оставшейся дома с тремя ребятишками, отобрали корову. Мама говорила потом: я и веревку спрятавала, а они все равно увели кормилицу.

А потом нас вовсе выселили из дома. Жить мы стали у другого своего деда, маминого отца. Однажды ночью в дом пришли какие-то люди и сказали маме: собирай детей, сейчас мы вас увезем. К тому времени все так были напуганы новой властью, что никто и не подумал возражать. Только бабушка прошмыгнула в горницу, вылезла в окошко – и к соседке: «За Дуней пришли, сбегай к кому-нибудь из наших...» Через какое-то время прибегает мамина сестра. Ее спрашивают: «Ты чего прибежала? И откуда узнала, что мы здесь – кто тебе сказал?» – «Земля, – без боязни ответила мамина сестра. – А вы что думали – проглотите их, никто и знать не будет?..»

Дальше события развивались так: Евдокию Павловну Ерофееву с детьми (один из них был грудной ребенок) повезли на подводе в Новохоперск; по дороге им встретилась односельчанка Алена Трухачева, семья которой также подлежала раскулачиванию. Алене бы молча пропустить подводу, а она по неискоренимой русской привычке заголосила: «Ой, Дуняшка, да куда же тебя везут...»

– А ты кто такая? – последовал вопрос.

По неискоренимой же русской простоте Алена ответила:

– Трухачева я.

– Трухачева? А ну, полезай на телегу...

Арестованных привезли на станцию, поселили в железнодорожном клубе. Он и сейчас стоит на том же месте, этот клуб, народ здесь по праздникам поет и пляшет, а тогда, в 1930 году, он являлся последним прибежищем репрессированных перед дальней-дальней дорогой.

«Один брат у мамы был красный партизан. Он заявил: «Я не я буду, если не освобожу Федора». Знаем: наш родственник хлопотал за нас во многих инстанциях. С ним соглашались: действительно, одна корова – это еще не кулак, несколько овец – тоже не кулак. А движок? Движок – это уже частное производство!

Вот как дойдут до движка – так и все, никакой нам пощады...»

Мы привыкли думать, что освоение целинных земель началось в послевоенные пятидесятые годы, при Хрущеве. Отнюдь – это была уже вторая волна освоения целины. А первая прокатилась в довоенные тридцатые годы. И поднимали ее люди совсем не по своей воле.

«Везли нас в товарных вагонах, окна и двери были наглухо закрыты. Потом мужчины пробили сверху оконце – отец поднимал к нему грудную Валю, чтобы она не задохнулась...

Привезли нас в Казахстан. Казахи на верблюдах, запряженных в повозки, отвезли всех прибывших в степь; здесь, в чистом поле, стояла белая палатка, а на ней надпись: поселок № 6. Надпись была, а поселка не было – его предстояло строить нам, спецпереселенцам (так назывались мы теперь), а точнее – нашим родителям. Помню, пахали землю (мне шел уже шестой год), она отваливалась пластами, из этих пластов выкладывали стены, а потом из хвороста (деревьев в степи не было) плели плетни, забрасывали их наверх, обмазывали с двух сторон и – вот тебе крыша.

За рекой жили какие-то вольные, они сеяли просо. Наши от голодухи ходили его воровать. Тетка Алена с сыном Андреем однажды припозднились: пришли, когда другие уже уходили домой. Они кинулись скорее точить (срезать серпом) просо, а дело было уже к вечеру. Матери – и от спешки, и от страха – стало плохо, она упала и умерла. Мальчик всю ночь просидел возле нее – боялся, что волки мать съедят (волков там было много). А утром пришел в поселок и сказал: мать умерла. Отец после такого сообщения заболел. А в семье трое детей. Однажды пошел Трухачев за хлебом (спецпереселенцы получали 300 граммов на человека в сутки), и вот когда он уже шел назад, какая-то ушлая тетка подставила ему подножку. Он упал, хлеб выпал из рук... тетка его подхватила и побежала. Трухачеву бы к властям –

а вдруг помогли бы, а он пришел домой, сел на лавку у стола и... отдал Богу душу...»

Когда в поселке начался тиф, ослабевшие от голода люди умирали сотнями. Таисия Федоровна пишет в своей тетради, что мертвых грузили на подводы и сбрасывали в общие могилы – как набросают доверху, так и закапывают. Семья Ерофеевых не вымерла только потому, что брат Евдокии Павловны, работавший на железной дороге, умудрялся высылать им сухарей. Эти сухари спасли не только Ерофеевых.

«...Однажды долгожданный груз пришел в непотребном виде: сухари были заплесневелые до того, что, когда их разламывали, от них аж дым шел. И тут к Ерофеевым зашла соседка, Марина Чередникова, до раскулачивания жившая в Пыховке.

– Дуняш, ты куда денешь эти сухари?

– Наверно, на крышу брошу. Под ноги грех – все-таки хлеб был.

– Отдай нам.

– Так ведь там живого места нет! Поотравитесь все.

– Мы так и так умрем. А так вдруг и выживем...»

И это «вдруг» сбылось: семья Чередниковых не умерла ни от голода, ни от тифа; более того, когда у Мариши появилась корова, она стала приносить Ерофеевым молока, каждый раз говоря: «Это вам за те сухари».

Да-да, со временем у некоторых спецпереселенцев появились коровы, а хлеба они стали выращивать столько («Вы понимаете – народ туда сослан был самый работающий»), что и хлеба им стали давать, наконец, вволю. Да не ржаного – пшеничного.

Но тут пришло время войны.

Спецпереселенцев на фронт сначала не брали – брезговали «врагами народа», а потом, когда стало понятно, что дело плохо – вывели всех мужчин из поселка подчистую.

Ушел на войну и Федор Павлович Ерофеев. А Дуню, его жену, теперь уже мать четверых детей (сын родился здесь, в казахстанских степях) отмобилизовали на

фронт трудовой – добывать уголь в Караганду. Выросшие дочери (в Казахстане семья прожила пятнадцать лет) просили власти: «Возьмите нас двух вместо одной матери – братишка-то маленький», но...

Проработав на шахте зиму, весной Евдокия вернулась домой – не потому, что отпустили, а потому, что сердце больше не могло выдержать разлуки с детьми. Работать стала опять в колхозе. Под октябрьские праздники в поселок приехал комендант (то же, что участковый на воле):

– Ерофеева Евдокия, тебя судил военный трибунал, и дали тебе 6 лет.

«На каторжные работы арестантов, в том числе нашу маму, везли на поезде. На верхних полках лежат пассажиры, на нижних, под надзором милиции, сидят арестанты. У одного дядьки сверху был мешок с сухарями; так вот, одна из воровок разрезала его лезвием, сухарики сыпятся, она подставила ладони и ловит, и ест. Милиционер ее спрашивает: тебе сколько дали? Она говорит: «Год». А тебе? – спрашивает он маму. «Шесть». «Вот ей надо было дать шесть, а тебе бы и года хватило». Воровка за словом в карман не полезла: «Тетка дура, она работала, пока ей шесть лет дали. А я жила припеваючи – и только год получила». Мама потом мне рассказывала: «Сижу и думаю: а и правда, за что срок дали? За то, что из одной трудармии – с шахты, в другую – колхоз – сбежала?»

Дальше семья жила так: мать – в колонии, отец – на войне, дети – в казахстанских степях.

«Зимуем одни. Корове корму не хватает, орет благим матом... А весной меня отправили на колхозный огород работать распределителем воды (в степях вода была на вес золота). Братишку я забрала с собой, так как старшую сестру била малярия, и она сказала: «Он есть просит, а я варить не могу». На огородах нам с братом давали по 800 граммов хлеба, да повариха наливала ему супа из общего котла. Так и выжили...»

Выжили и дождались победы. Отец, Федор Павлович, из армии предусмотрительно заехал в Новохоперск и

получил паспорт. Зачем мы о таком «пустяке» говорим? Да затем, что жителям довоенной деревни паспортов иметь не полагалось. И, следовательно, никто из них – без документов – места жительства поменять не мог. Ерофеевых же в Русаново больше не тянуло...

Получив паспорт, Федор Павлович поехал за семьей в Казахстан. Встретились Ерофеевы так: отец приехал в поселок № 6 – и застал здесь двух дочерей, а мать, которую к тому времени отпустили из колонии, пешком пришла как раз на огороды, где работала дочь Таисия с сыном Витей.

«Мама пришла днем, в бараке все спали после ночной смены. Увидев ее, все сразу повскакали – из одного же поселка, все друг друга знают. А братик стоит и не подходит.

– Витя, ты меня не угадаешь?

– Угадаю.

– Ну, кто я?

– Мама.

Тут и залетела в барак я. Увидела маму и так закричала от неожиданности, что она без чувств грохнулась на пол. Девчонки орут на меня: «Ты что наделала? Мы же с ней спокойно разговаривали». А я остолбенела и не могу двинуться с места. Кое-как отходили маму, привели в чувство меня...

Мама с братиком поехала в поселок, а меня бригадир не отпустил. Отцу пришлось ругаться (в молодости он боевой был) с председателем: «Я с войны пришел и никак семью собрать не могу. Знать не хочу ни о какой работе! Всю жизнь – одна работа! Отдайте мне моих детей!»

Председатель написал записку, меня отпустили. Приезжаем мы с братом домой, и опять – слезы, но на этот раз слезы радости оттого, что все, наконец, вместе...»

Кажется, после всего пережитого жизнь должна была бы дать этой семье передых, но – не тут-то было...

Как мы уже сказали, глава семьи благоразумно получил паспорт в Новохоперске. Евдокии Павловне при освобождении из колонии также выдали чистый (без отметки о судимости) паспорт. Двое младших детей

были вписаны в паспорт отца. А вот когда за документами пришли старшие дочери – Мария с Таей – им было сказано, что ни на документы, ни на выезд из этих мест они не имеют права.

«Мы с ревом домой... Отец пошел в милицию с нами. «Это что же, товарищ начальник? По-вашему: иди, кулак, воюй; убьют – вольный будешь, останешься живой – опять в кулаки?» – «К вам, товарищ Ерофеев, мы теперь претензий не имеем». – «А мои дети? Вы что же – хотите меня с ними развести?» С горем пополам нам выдали временные удостоверения с пометкой: «прим. к статье 58». Вот ведь как: никто никогда нас не судил, а в документе – пометка о судимости...»

Вам не кажется, дорогой читатель, что мы попали в театр абсурда? Налицо все приметы реальной жизни: государственное учреждение, за столами – люди в погонах, находящиеся в полном уме и здравии. Отчего же они совершают поступки, не согласующиеся со здравым смыслом?

Это, к сожалению, тоже наша история...

«Первой за паспортом пошла сестра. Конечно, она спросила, будет ли внесена в документ пометка о судимости. «А как же не будет? Обязательно будет!» – услышала в ответ. Домой она вернулась со слезами и кинулась на отца: «Что ж ты жил, не как все люди? А мы теперь за тебя эту статью носи?» Отец слушал, слушал, да и говорит: «Где твой паспорт?» Она ему подала, он открыл дверцу у печки (решительный в те времена был человек!) и бросил его в огонь. «Иди, скажи, что потеряла». Домой сестра вернулась с чистым паспортом.

А я работала в то время проводником на поездах до Поворино, вот мой бригадир и говорит мне: «Ты боевая, добейся, чтобы тебе без хитростей, по закону чистый документ дали. Ведь теперь даже Сталин сказал: «Дети за родителей не отвечают».

Пошла я по инстанциям. Начальник паспортного стола как отрезал: «Заработала статью, так и носи».

Это я-то заработала?! Бригадир посоветовал мне идти к начальнику милиции. Захожу. Начальник говорит тихо, вежливо: «А вы знаете, ведь ваша статья вам ничем не мешает. Про нее никто и не знает, только вы да мы». Я пытаюсь объяснить: «Но ведь статья незаконная. Мне было пять лет, когда раскулачили отца. Теперь он – не кулак, а я кулаком осталась? А ведь я при советских законах росла, в советской школе училась». Начальник как и не слышал меня: «Да не один молодой человек не догадается, что это за статья... Чем она вам мешает?» – «Да тем, – говорю, – что я ее не зарабатывала и носить не собираюсь! До Сталина я, конечно, не дойду, но во все инстанции, куда люди подскажут, писать буду!» И пошла. Вслед слышу: «Зайдете через три дня!»

Через три дня я получила чистый паспорт...

Наконец-то отношения Ерофеевых с государством были выяснены и определены до конца: все признаны законопослушными гражданами, все живут, как предписано советским законом: кому положено – работают, кто еще мал – учится. Беда пришла откуда не ждали...

...Таисия Федоровна вышла замуж, фамилию Ерофеева поменяла на Кузнецову и уехала с мужем на жительство в Омскую область. Через какое-то время родители, соскучившиеся по дочери, решили ее навестить. Паспорта были, бесплатные билеты (отец работал на железной дороге) – тоже. Перед отъездом сестра Федора Павловича (ее дочь с мужем-военным проживала под Томском) попросила брата: «Федя, я к своей дочери никогда не выберусь. Проведай ее, расскажешь потом, как живет». Федор Павлович согласился: сестра все ж таки просит!

Поехали Ерофеевы сначала в Томск. А муж сестры, не отличающийся ни трезвостью, ни особым умом, дал вслед за ними в Томское отделение милиции телеграмму: «К вам едут спекулянты, платками торговать».

Дальше все было, как в современных детективах: гости приехали, поужинали, легли спать. Не успели задремать, как в дом вломились семеро вооруженных людей...

«Мама везла с собой четыре пуховых платка, пятый был на голове. Все платки у них забрали, даже с головы сдернули, посадили в грузовую машину и повезли. Продержали их в карцере трое суток, потом выпустили под расписку о невыезде. Вернулись они к родственникам. Отец всю ночь курил и не спал. Вся его боевитость куда-то пропала (укатали сивку крутые горки!), он всю ночь курил и не спал. Маме говорил такие речи: «Все, дом наш опять конфискуют, девок посадят за то, что платки вязали. Куда Витька деваться будет (он учился тогда в 7 классе)?..»

Утром отец сказал: «Пойду в милицию. Или сажают пусть, или отпускают – жить нам здесь не на что». Мама говорит: подожди, я хоть майку с тебя постираю, посадят, а ты в грязной. Он скинул майку и ушел. И вот нет отца и нет. Мама с зятем-военным пошла в милицию. Им говорят – нет, не был. Только пошли обратно – зовут назад: «Он у вас в чем был одет?» У мамы ослабли ноги...

– Он где сейчас?

– В больнице.

– Живой?

– Нет. Сбит маневровым паровозом.

– Сам бросился, или...

Не успев закончить фразы, мама упала. Сделали ей укол, повезли в больницу на опознание. Лежит наш отец на лавке, а под ним таз крови...

Кто-то дал людей – то ли милиция, то ли больница. Выкопали могилу, закопали без креста. Мама сказала: «Не жди, никто никогда к тебе не придет. Сам знаешь – не на что...»

Выезжать из Томска ей запретили; письмом сообщила она мне о страшной новости. Велела написать домой. Я так и сделала. После узнала, что к сестрам заходил участковый, поглядел, как бедно они живут и честно (видно, хороший был человек), написал обо всем в Томскую милицию. Вскоре маму вызвал прокурор и сказал: «Зря ваш старик испугался... Мы разобрались – ни в чем вы не виноваты...»

«Ни в чем вы не виноваты». А человека в живых уже нет...

В последней части своих записок Таисия Федоровна рассказывает, как она распорядилась полученной от государства компенсацией.

«Дочери мои живут в Ленинграде, дома давно не были. Зарплаты маленькие – на что приедешь? Вот я и написала им: приезжайте, дорогу оплачу, жить на что тоже будет. Хоть повидаемся...»

И осталось у меня от компенсации в конце концов только на мешок сахару».

Несколько строк в заключение

А теперь давайте вернемся ненадолго к истории жизни Андриана Ивановича Губернского. У этой истории все-таки было продолжение. Благодаря помощи хороших, ПОНИМАЮЩИХ людей я была приглашена в серьезное учреждение, где мне наконец-то (!) предложили посмотреть дело моего прадеда. Я долго листала пожелтевшие листы, силясь понять, что же все-таки было вменено ему в вину? Ведь вот же, вот, черным по белому написано, что все имущество «кулака-предприятчика» составляло: «изба, крытая тесом, двор, амбар, 1 корова, 1 лошадь, 2 овцы, ½ маслобойки...» Вот! Вот она, отгадка. Все, как в истории, рассказанной Таисией Федоровной Кузнецовой: «Как дойдут до движка – так и все, никакой нам пощады». В истории моего прадеда (и его брата) роковую роль сыграла маслобойка. Но если ее сравнить с имуществом нынешних российских миллионеров-миллиардеров...

Я вышла из серьезного учреждения потрясенная...

Ноги сами собой понесли меня в храм.

А что еще я могла сделать для своего прадеда?

Только поставить в храме свечку.

И помолиться за упокой его души.

И еще подумать о том, что когда-нибудь, на том берегу вечности, мы встретимся с ним, и я, правнучка, услышу, наконец, от него все, что не удалось мне узнать на берегу этом. Всю правду. Доподлинно. До словечка.

А пока – только вот это...

КОРОЛЕВА В СВОЕМ КОРОЛЕВСТВЕ

Рассказ

«А вот возьму и приглашу ее в ресторан...» Эта мысль счастливо пришла ему в голову, когда он перебрал, а потом и забраковал, все другие варианты. Попастись на глаза в коридорах «Мосфильма»? А что можно сказать за время стихийного общения, которое будет длиться секунды, и никак не больше, потому что с какой стати ей, небожительнице, разводить беседы с незнакомым молодым человеком? Попытаться проникнуть в ближний круг и таким образом оказаться в числе гостей, которых они с мужем не часто (не тот возраст!), но все же приглашают к себе? Тоже не получится. Потому что слишком узок круг... и давно все друг друга знают... а главное – все умны и проницательны – сразу просекут, зачем он в этот круг стремится проникнуть.

И вдруг возник в измученной составлением всяческих проектов голове этот вариант. А что? Пожалуй, его возраст тут будет не препятствием, а как раз положительным моментом – любой женщине приятно внимание молодого человека. Даже небожительнице. И – кто знает – чем может кончиться их общение? Совсем не исключено, что она...

Он устыдился собственного намерения раньше, чем додумал его до конца... Но что же, что делать ему – провинциалу, решившему во что бы то ни стало покорить столицу? Да, ему много уже удалось: поступить в театральное училище и окончить его, сыграть пару ролей на сцене и в кино. Но все на этом может и закончиться! И остановиться! Разве для этого он уезжал из своего маленького городишка? Кроме того, он чувствует, что есть,

живет, не дает ему покоя то, что люди привычно называют даром, талантом, а то и Божьей искрой. Да, есть! Но недаром ведь существует пословица: на Бога надейся, да сам не плошай. И потому сейчас, на данном этапе жизни его задача – придумать и осуществить нечто такое, что сразу выделит его из общего ряда и сделает то, что известно ему о самом себе, заметным и для других.

– Вы... приглашаете меня в ресторан? Но почему? Вы меня знаете?

Такого голоса и такой манеры общения нет больше ни у одной актрисы мира. Она говорит неторопливо (а куда спешить, когда все мыслимые высоты уже покорены?), ублажая слух собеседника совершенно особенной, ласковой, едва ли не родственной, интонацией.

– Господи, да кто же вас не знает? – не замедлил с ответом он. – Вас знают в стране и за ее пределами, а уж те, кто занимается с вами одним ремеслом...

Сказал – и осекся. Это он – ремеслом. Он – ремесленник. А она...

Она, кажется, не заметила или не придавала значения его промашке. Потому что тем же ласковым голосом продолжила:

– Понятно. Значит, вы – актер. Где изволите служить?

Он назвал театр и несказанно обрадовался тому, что она не задала ему следующего вопроса: какие он играет роли. Нет, – вместо этого она широко – и это тоже умеет только она – улыбнулась, обдала его светом – непотухающим, нетускнеющим! – своих огромных глаз и озорно произнесла:

– А давайте! Давайте пойдем в ресторан. В конце концов, старикам полезно общаться с молодежью.

Он изобразил крайнюю степень возмущения: старикам? Это вы о ком? Лично он беседует сейчас с женщиной зрелого возраста, но никак не...

– Верю-верю, – поспешила она успокоить его. И опять улыбнулась:

– Так назначайте время. И место.
Он назначил.

И вот они сидят в просторном и светлом зале; от белой скатерти тоже идет свечение, и официант наливает в их бокалы искрящийся светлый напиток. Она (умница!) благодарит, отсылает его («молодой человек и сам прекрасно справится с этой ролью») и произносит неременное:

– За что выпьем?

Голос ее на этот раз звучит не просто ласково – обворожительно, но он, задумавший и осуществивший немислимый проект, все еще не верит в его реальность и потому не может подобрать подходящих слов. И она опять приходит ему на помощь:

– Мы выпьем за ваш талант. И за ваши будущие – несомненные – успехи.

Она прикасается губами к краешку бокала и смотрит поверх него своими, дна не имеющими, глазами, и улыбается тоже прямо в глаза мальчику, осмелившемуся пригласить ее в ресторан. Он, мальчик, высок, красив, обаятелен, но проходящие мимо люди смотрят только на нее. Он понимает их. Но и ему есть чем гордиться: это не вы, это я сижу с НЕЙ за одним столиком...

– Так о чем вы хотели поговорить со мной, мой ангел? Ведь вы же для этого пригласили меня.

Вот! Она сама задает ему вопрос, ради которого он и затеял всю эту, да – немислимую – историю. Но не может же он вот также прямо ответить на него. Нет, тут надо исхитриться как-то по-другому...

– Ну, какой я ангел? Я жуткий, может быть, даже развращенный тип. Вы просто еще не знаете меня достаточно хорошо.

Кажется, это получилось удачно: увести ее размышления совершенно в другую сторону, выиграть время для обдумывания собственного следующего хода.

– Гм... А знаете, давайте-ка выпьем еще вина! Что я заметила за собой – после двух-трех глотков становлюсь почему-то проницательнее.

Она на секунду замолчала (ему ли не знать, что это – пауза, предваряющая нечто значительное), потом своим фирменным неторопливым голосом произнесла:

– Возможно, после них я разделю с вами вашу точку зрения. А может, я с нею не соглашусь. Вы называли себя развращенным типом. Вы... не обидитесь, если я спрошу: в чем же она заключается, ваша развращенность?

– Не только не обижусь, но с радостью вам исповедуюсь. Вот я смотрю на вас и думаю: почему мы не ровесники? Если бы мы были людьми одного возраста, я непременно влюбился бы в вас! Нет, не так. Я вас и сейчас люблю. Но вы настолько порядочная и возвышенная натура, что мне совершенно не на что...

Он говорил, а внутри него все замирало от страха: чего он мелет? Разве можно женщине – про возраст? Разве можно так скоро – про любовь? Она же умна, она тут же просечет – уже просекла! – его неискренность и тайные намерения. Бежать... извиниться за все и бежать отсюда скорее и как можно дальше...

– И все-то? И в этом вся ваша вина? Тогда я должна сказать вам вот что: никакой вы не развращенный тип. Вы просто... волшебник.

Он смотрел на нее и лихорадочно соображал. Выходит, бежать не надо? Тогда... что же надо? Для начала, наверное, следует прояснить, что она хотела этим сказать...

– Волшебник? Вот странно. В чем же заключается мое волшебство?

– В том, что я сегодня чувствую себя королевой!

Вот этого ожидать было никак нельзя... Он сидел, буквально приросши к спинке стула, и опять напряженно соображал: эти ее слова – что они означают? Они на самом деле дают какую-то надежду, или она просто-напросто проверяет его – насколько он занесется в своей... развращенности? Вот уж не думал, что все будет

настолько сложно... Самое неприятное – он действительно не знает, что теперь говорить, что делать. Он сдается. И, может быть, это самое правильное: в конце концов, королева – она, вот и пусть решает участь своего подданного...

– Знаете что, давайте-ка еще по глоточку.

– Да, конечно. Я совсем забыл о своих обязанностях.

Вино было легким и приятным, как утренний ветерок. Она продолжила так:

– Женщине редко выпадают такие минуты.

Он поставил бокал на стол.

– Редко? Да вы не выходите из образа королевы ни на секунду!

– Вот именно – образа. Но образ и реальная жизнь – это, согласитесь, несколько разные вещи.

Лучезарная улыбка на миг покинула ее лицо, и он отчетливо увидел, насколько она все-таки уже не молода, насколько... Но – Боже мой! – это не имело ровно никакого значения – вот в чем правда! В том, что королева прекрасна и в радости, и в печали. Но почему она вдруг загрустила? Может быть, вспомнила докоролевские времена, о которых всем и каждому известно из газетных и журнальных публикаций? Вот она – не только не королева, но даже и не принцесса. Она – обыкновенная девчонка из спального района Москвы, закончившая школу и пытающаяся найти ответ на трудный вопрос: а что дальше? К маме на фабрику? К папе на завод? Но они мечтают видеть свою единственную дочь студенткой вуза. И совсем не того, о котором втайне мечтает она сама. Да, втайне, вслух об этом она никогда не говорила. Впрочем, нет, – однажды все-таки отважилась что-то пролепетать на эту тему маме, и та посмотрела на нее удивленно: дочь, артистка должна быть красавицей, а ты... прости уж за прямоту... Увидев, как огорчилась дочь, бросилась ее обнимать: да мы тебя и такую любим! Ты для нас и такая – лучше всех!

Но слово было сказано, и оно ранило ее сильнее, чем думала о том мама. Ранило, но одновременно произвело еще одно, неожиданное даже для нее самой действие: с отвагой отчаяния в этот миг она решила про себя, что – пойдет именно в театральный! Просто непременно! Во ВГИК, Щепку – где там еще учат на артисток?!

– Но... я королева только в своем королевстве. Сцена, дом...

Голос ее все еще был печальным.

– А разве этого мало? – искренне удивился он.

– Мир так несовершенен. Хочется сделать его лучше.

– И вам это удастся! – с той же искренностью ответил он.

– Вы так думаете?

Она опять задумалась и молчала долго, а он не спешил ей ответить. Зачем, если и он, и она знают, что это на самом деле так. Он, кажется, уже забыл, ради чего пригласил ее в ресторан, и рад был тому, что их беседа пошла по какому-то другому руслу. И вдруг...

– Но вы ведь пригласили меня сюда, чтобы о чем-то попросить?

Вот она, минута, которой он все-таки ждал. Почему же он не радуется ей? Более того, он чувствует, как его лицо заливают густая краска стыда. Может быть, виновата в этом все-таки сама королева? Разве можно вот так – в лоб? А... что она там говорит еще, дальше? Не изменяет ли ему слух?

– И вы знаете, я не нахожу в этом ничего особенного. Я хочу сказать – стыдного. Скажу больше: если бы в свое время я не попала на глаза режиссеру, который потом стал моим мужем, из меня, скорее всего, ничего бы и не получилось. В юности я была обыкновенной болотной лягушкой – ни кожи ни рожи. Одна пламенная страсть внутри – стать актрисой. А он... взялся превратить эту лягушку в царевну. Это была, скажем прямо, нелегкая задача. Но он, кажется, с ней справился. Как вы находите?

Сказать, что он сидел потрясенный – значит, ничего не сказать. В голове пронеслось: не побоялась на-

звать себя дурнушкой... Не отрицает, что если бы не су-пруг-режиссер... Он, между прочим, собирался этим ее уязвить – когда готовился к встрече, когда предполагал, что встреча может повернуться так, что ему придется защищаться. А она вот так – просто и прямо, не опасаясь уронить себя в его глазах и не желая возвыситься. Можно сказать – истинно по-королевски... Тогда, может, стоит поверить в ее искренность и даже... воспользоваться ею? Ему пришла в голову фраза, которую он заготовил заранее:

– Откровенность за откровенность... Я читал недавно одну книгу... Не скажу, что я человек религиозный, вовсе нет, но одна фраза меня потрясла. Мне кажется, она имеет отношение к вам и вашему супругу. Так вот, автор книги, священник, утверждает, основываясь, разумеется, на религиозных догматах, что брак – это союз мужчины и женщины, в котором муж должен заботиться о своей жене, как Христос заботился о своей Церкви. То есть всего себя предавать за нее.

Она сидела задумавшись. Потом тихо произнесла:

– Я хотела бы для него того же самого. Со своей стороны. Не знаю – сумела ли?

Она опять спрашивала и смотрела на него своими бездонными глазами с такой надеждой, такой мольбой: ну, скажи же, скажи, что – сумела! Она – великая – ждала слов поддержки от сопляка? А кто еще он в сравнении с ней?..

Но если великие тоже нуждаются в поддержке...

– Сердцеобмен. Это не мое слово, его придумала одна хорошая поэтесса, но здесь именно оно все объясняет: между вами и вашим супругом произошел сердцеобмен. Вы не пожалели сердца для него, он – для вас. И все получилось: и в вашей личной жизни, и в профессии.

Она смотрела на него восторженными глазами:

– Вы такой умный! Спасибо вам, спасибо...

Кажется, у нее даже глаза повлажнели. Ну это уж слишком. Он, право, уже вконец запутался и не знает,

как справляться с таким сложным и неожиданным поворотом ситуации. Да, как ему выруливать из всего этого? Ничего, ничего ему для себя уже не надо – кроме того, что он уже получил. Между ними, кажется, тоже произошел своеобразный сердцеобмен, но не тот, на который он рассчитывал, а другой, более важный и значительный. Королева преподавала ему урок, который можно выразить простыми словами: вот моя жизнь – как на ладони. А что на своей ладошке протягиваешь ты?..

Отвечать на этот вопрос ему придется всю оставшуюся жизнь.

ДНИ ЗОЛОТЫХ ОДУВАНЧИКОВ

Рассказ

Она приехала сюда в свою самую любимую пору – время весны, когда она, весна, стала необратимой, и трава покрыла землю зеленым ковром, и по этому ковру были щедро разбросаны желтые огоньки, свет которых грел и ласкал душу. Он про это время года так и говорил: дни золотых одуванчиков.

Приехала – и остановилась на крылечке, не решаясь открыть дверь. Разве это возможно: она откроет, а ее никто не встречает. И не слышно в доме его голоса, и дверная ручка не хранит тепла его руки...

Надо заставить себя толкнуть дверь и ступить в коридорчик...

Куда она пойдет прежде всего? Конечно, на кухню, чтобы помыть после дороги руки и выпить чаю. Нет, сначала она обойдет дом, нигде особо не останавливаясь, привыкая к тому, что его не будет ни в гостиной, ни в спальне, ни в рабочем кабинете.

Одна...

Собственно, вот уже полгода, как она одна. Пора бы привыкнуть. В городе у нее это начинало, кажется, получаться (телефонные звонки, визиты, пусть и не частые, друзей, походы в редакции газет и журналов...). А здесь? Как будет здесь? Пока у нее есть одно важное преимущество перед грядущими переменами – все, что вокруг, еще принадлежит ей. Она может поставить на плиту чайник и заварить чай, достать из посудного шкафчика любимую чашку и вдоволь выпить чаю. И то, что сейчас она одна – просто замечательно: никто ее не видит, никто не слышит, никому ничего не надо объяснять.

Ну разве что себе самой...

И первое, что требует объяснения – надо ли было все это затевать? Может быть, на самом деле было бы лучше, если бы она и дальше оставалась полновластной и единственной хозяйкой их загородного дома и пространства вокруг него – поляны с золотыми одуванчиками, сада и примыкающего к забору кусочка дикого леса. И еще тишины. В их доме никогда не было шумно – детей, а, следовательно, и внуков у них не было; гости же, время от времени навещающие их, тихие беседы предпочитали шумным застольям. Но главной причиной тишины было другое – то, что большую часть времени хозяин проводил за письменным столом.

А когда все это назовут музеем?..

Они построили свой дом между небом и землей. Всякий другой человек вряд ли бы решился на это – размещать жилище на склоне холма, который – это известно всем и каждому – будут подмывать и весенние воды, и осенние дожди. Но он так захотел. Мало того, дом не просто расположен на склоне – с той его стороны, что была обращена к саду, а затем к лугу и речке, они построили еще и веранду на сваях, всеми своими окнами распахнутую на три части света. И когда люди выходили на нее, у них создавалось впечатление, будто они парят в воздухе: внизу – пустота, а далеко вверху – небо, с солнышком – если день, или с бесчисленными мириадами звезд – если ночь.

Ему мало было того, что хотел соединить небо и землю в своем творчестве – он хотел соединить их и в жизни обыкновенной, ежедневной, бытовой. Утром он вставал раньше нее и сразу же шел как раз на веранду, чтобы оглядеть пространство вокруг себя и любоваться красотой и свежестью весеннего или летнего занимающегося дня. Потом пил чай и шел в сад. Она не сомневается в том, что с деревьями, кустами, цветами он вел какой-то особый, понятный только им разговор. Потом направлялся в лес – здесь у него было любимое

дерево, а под ним – пенек и скамейка. Собственно, это и был его любимый рабочий кабинет. Здесь, на скамейке, он и записывал то, что продиктует... кто?

Об этом они говорили, но не очень часто. Потому что оба понимали: есть вещи, о которых много говорить нельзя, гораздо разумнее доверять их тишине и молчанию.

Зато очень часто у них заходил разговор о необходимости сохранения «своего ребенка» в душе. Автор многочисленных повестей и рассказов не верил в словесные системы, построенные даже умнейшими из философов; он считал, что гораздо большее впечатление, а, следовательно, и влияние на человека, взявшего в руки книжку, производит «первый взгляд», так называемое «детское восприятие». Честно сказать, она и сама, задаваясь вопросом: кому дается истина, отвечает просто: тому, чья душа открыта для нее, как двери в гостеприимном доме. Умудренные жизнью взрослые предпочитают их закрывать, на ночь – особенно плотно, а те, кто еще не напуган или просто наивен...

Но разве не сказано: будьте, как дети?..

Вот и она стоит сейчас там, откуда еще недавно начал свой день хозяин дома. И ловит себя на невозможном: а вдруг да откроется дверь, он выйдет из спальни и станет рядом. Удивится: ты опередила меня? Молодец!

Да какой она молодец... обычная женщина, которой все еще очень сложно быть одной.

Она погладила гладкое дерево подоконника и прошла в его кабинет: здесь, на книжной полке, стояли и его книжки. Ей захотелось увидеть запечатленными на бумаге слова, которые она, конечно же, знала наизусть. Вот они: «Я никого учить не хочу, я поведаю вам свою боль и радость, а вы делайте с ними, что хотите...»

Боль и радость – это были составляющие его жизни. А вся его жизнь была – качели: вверх-вниз... Вверх – когда строки возникали тем самым образом, о кото-

ром они предпочитали не говорить, вниз – когда он начинал сомневаться в том, что строки эти истинные, нужные миру и людям. Однажды это «вниз» совпало с появлением критической статьи по поводу его романа. Впрочем, почему однажды? Критиковали его охотно и часто. О, писателей окружает так много людей, которые знают, как надо писать! Сами критикующие не написали ни строчки художественного текста, но это совсем не мешает им чувствовать себя носителями истины, знатоками тайн и способов писательского ремесла. Самое печальное то, что он принимал эти советы всерьез, тратил время, нервы, здоровье на их осмысление. Вот и та статья, тот роман... Он переписывал его пять раз; каждому новому рецензенту казалось, что он лучше других, а главное – лучше самого автора понимает, на каких идейных и мировоззренческих позициях должен он, автор, стоять. И ему следует быть благодарным за то, что его повернули в нужную сторону, направили на верную дорогу. Когда один из журналов после очередной переработки романа все-таки отказался его печатать, она обнаружила в его дневнике отчаянную фразу: «Это меня срезало до чувства смертельной тоски...»

Господи, да какое им дело до чувства чьей-то тоски, пусть даже смертельной... Тем более если автор запрягал ее ото всех на свете в свой дневник. Она бы тоже о ней, возможно, не узнала, но – ей-то как раз и были доверены дневники, поскольку она получила приглашение в его дом как помощница для литературной работы. Кипы рукописей, исчерканные правкой – их надо было переписывать, сверять, создавать машинописный вариант. Пока она читала его книги, ее не покидало ощущение, что их автор не говорит чего-то главного, окончательно. Она объясняла себе это так: но разве может творческий человек сказать что-то окончательное, если в следующую минуту, возможно, будет чувствовать и ощущать этот постоянно меняющийся мир совсем по-другому? И только когда в ее руки попали его дневники...

Читая их, она однажды не удержалась от замечания: «А вы, оказывается, вовсе не такой глупый, как я думала». Сказала – и тут же испугалась: заявить такое автору многих книг!.. Да, одни критики проходят по ним катком. Зато другие утверждают, что ему, автору, просто нет равных в изображении природы, что он обогнал свое время, заговорив о ее спасении от... человека. А главное – сами читатели: от них в его адрес приходило столько восторженных писем, что, конечно же, у нее были все основания тут же пожалеть о своих произвольно высказанных словах. Он же не только не обиделся – он обрадовался, сказав ей, что как же это замечательно, что она будет ему не просто помощницей, но – сомышленицей. Сомышленицей – потому что они, оказывается, часто думали об одном и том же, и, что самое поразительное, совпадали в оценке того, о чем размышляли...

А потом она станет ему и женой. Разве могла она оставить его после того, как почувствовала необъятность работы, на которую он себя обрек? Да, этот мотив был на первых порах в их отношениях доминирующим, а потом, после того, как произошел обмен сокровенными тайнами души... тогда пришел черед чувства, которое люди привыкли называть любовью. Ей было все равно, как это называется, ей было важно чувствовать свою нужность и даже необходимость ему, и его... нет, не благодарность, а какое-то абсолютно полное, радостное приятие всего ее существа. Любая женщина об этом может только мечтать. Отсюда и его необидчивость, его доверие к ней. Она ведь еще не раз позволяла себе резкие высказывания в его адрес. Ее раздражала, например, его чрезмерная зависимость от чужого мнения. И она прямо говорила ему об этом. Чем все кончалось? Наступал момент, когда он начинал понимать, что боится «излукавиться», стараясь вместить свою душу «в рамки, поставленные со стороны».

После его кончины она долго колебалась между двумя решениями: опубликовать тот злополучный,

нет – счастливый! – роман в не однажды переделанном или первоначальном варианте. Конец сомнениям положила обнаруженная в тех же дневниках запись: «Свидетельством моего художества останется непереработанный экземпляр».

А сколько жизни было потрачено на эту переработку! Зря потрачено... Но ведь он, кажется, свою жизнь так и понимал: истратить всего себя ради других. Не об этом ли и другая его фраза: «...все человеческое творчество состоит в том, чтобы умереть для себя и найти или возродиться в чем-то другом». Максимализм, конечно, но... это было его существо и его сущность, которые она тоже приняла, и с которыми – ничего другого не оставалось – ей пришлось смириться.

Она опять и опять обходила дом. Вот стол в гостиной, где они провели столько чудесных вечеров (особенно памятни те из них, когда у них гостил известный физик, с которым они говорили ни больше ни меньше как об устройстве мира) – за этим столом она еще может посидеть в благословенном уединении. На настенной полочке в спальне тоскует по хозяину фотоаппарат «Зенит» – увлекшись фотографией, он забросил даже много лет преданно служившее ему старое ружье, – его любимым занятием в лесу или поле стала охота за красивым кадром. В буфете стоит его любимая чашка – старенькая, с потертыми краями и рисунком... Все это вещи, к которым столько лет прикасались его и ее руки.

И вдруг их возьмет в свои руки кто-то другой... Будут рассматривать чужие глаза... Что смогут увидеть и ощутить они? Только форму, не более. Нет, среди посетителей музея найдутся, конечно, и те, кто читал его книги и даже внимательно изучал его творчество, но... сумеет ли он, книгочей, угадать, о чем болела душа, и чем именно хотел поделиться с ним автор, если даже самые из сочувствующих ему критиков числят его по ведомству писателя – певца природы. Что есть, то есть – тако-

го благоговейного отношения ко всему, что растет, цветет, благоухает и потом умирает покорно, встретишь не часто. Но разве только об этом он писал?

Особенно в дневниках. Когда она стала читать их «прицельно» к публикации, то особенно явственно поняла, что не только земные реалии занимали их автора, не только природа наполняла смыслом и содержанием его жизнь. Оказалось, например, что он постоянно тосковал по теплу человеческого общения. Читатель-друг – это тоже была боль и радость его жизни. В его тетрадях есть запись о том, как встретились два человека. «Вот наговорятся-то! И я так думаю иногда о себе: и мне когда-нибудь встретится друг, и я выскажусь до конца...» Кажется, она догадывается, о чем он хотел бы высказаться «до конца»: о том, как из тьмы и хаоса бытия возникает нечто совсем небывалое (его любимое слово!) – замысел новой художественной вещи. Разве об этом расскажешь кому попало? Нет, именно ему – читателю-другу, тому, кто готов тебя понять и принять, и тебе поверить.

Но разве таким другом не была для него она? Была, конечно. Только, наверное, мир души художника так безграничен, что даже после самых долгих и сокровенных бесед у него остается что-то еще, также требующее выражения. Это «что-то» она продолжает открывать даже сейчас, после его ухода. Возможно, этим «что-то» он просто не успел с ней поделиться, но, к счастью, успел записать. В тех же дневниках она обнаружила строки: «...можно ли быть счастливым, когда все близкие люди умерли и знаешь, что сам дышишь на ладан, а главное, нечто такое познал, перед чем все искусство – только игра...» При первом чтении эти строки ее просто сразили: неужели их написал он, считающий искусство главным делом жизни?! Что же такое открылось ему, если чуть позже он напишет еще более поразительные слова: «Люди как будто уходят куда-то, и так явно видишь, что там, куда они уходят, настоящая жизнь,

а это был какой-то необходимый для всех обман». Что-бы хоть чуть отгородиться от этой мысли и не додумывать ее до конца, она принялась размышлять о том, что – как удачно воспользовался он и на этот раз принципом «детского восприятия». Философ, захоти сказать о том же самом, разразился бы множеством научных, а чаще наукообразных, терминов и словесных оборотов, а его мысль – как девчонка, еще не умеющая украсить себя с помощью всяческих ухищрений: румян, помады, одежд. Но ты эту девчонку-простушку воспринимаешь как самую близкую и дорогую родню и отводишь ей в сердце самое заветное место.

Так же просто он скажет, продолжая начатую мысль через время, уже совсем близко к концу: «Мне кажется, что всю природу можно найти в душе человека со всеми лучами, цветами, волками, голубями и крокодилами. Но всего человека вместить в природу невозможно; и не закопаешь всего, и не сожжешь огнем, и не утопишь в воде».

Ее вдруг пронзило: Господи, но разве не о том же: «Нет, весь я не умру»?..

Она опять вышла на веранду – луг цвел и горел золотыми огнями. «А разве вся наша жизнь с тобой не была днями золотых одуванчиков?» – спросила себя и его. И дальше подумала: так зачем же ей сомневаться? Какие еще препятствия преодолевать – не в инстанциях, где все уже согласовано и заверено нужными подписями – а в самой себе?

Зачем сомневаться, когда все так понятно?..

ЛЮБОВЬ НА ДРУГОМ КОНТИНЕНТЕ

Рассказ

Ночью на пляж выходили кошки. Они были худые, с короткой, словно подстриженной, шерстью. Кошки не подходили к людям и не терлись об их ноги, нагулявшись, они устраивались отдыхать на песке. Независимые, величественные, как сфинксы, они лежали, вытянувшись всем телом, а не свернувшись привычным для ее глаз клубочком.

Все, все на этом клочке морского побережья было по-другому. Что кошки – небо, и то было другое: тонкое, плоское, как туго натянутое полотно, хорошо хоть синего цвета. Морская же вода была неправдоподобно красивой – ее словно подкрасили, но не синькой, а бирюзой. И почему в таком случае море называлось Красным?..

А утром на берег выходили люди. Как и положено отдыхающим, они ели, пили, купались. Она тоже заходила в бирюзовую воду – медленно, чтобы продлить удовольствие от соприкосновения со стихией, и потом плыла, плыла, отдавая этой стихии усталость и боль и призывая ее поделиться с ней свободой и силой...

А соседка по лежакам (а еще раньше – по креслам в самолете, а потом и по проживанию в номере) все время спала. Мертво. Изредка, выныривая из сна, она извинялась:

– Устала. Так устала... Если захраплю – ширни в бок.

Только чего бы она ширяла. Пусть отдыхает. Лера пока не спросила, от чего именно эта усталость, ну, так у нее и своих переживаний хватает.

...Когда-то, в далекой юности, ей казалось: все женщины делятся на три категории. Женщины-мальчики

– короткая стрижка, узкие бедра и вся фигурка – тоже узкая, без всяких выпуклостей и прибамбасов. Еще бывают женщины-девочки – челка до глаз, круглые голубые глаза и ресницы – хлоп-хлоп. Женщин-теток с пышными телесами и химической завивкой на голове она просто не замечала, хотя их было явное большинство.

Себя же она считала... женщиной-бабочкой. Или маленькой птичкой колибри. Потому что вдобавок к маленькому росту, челке и голубым глазам у нее были еще и крылышки. Их, конечно, никто не замечал, но она-то чувствовала.

Вот и он – ничего не видел. Ходил и ходил мимо, равнодушно скользя по ней глазами. Но однажды, когда они, как обычно, пришли с Ленкой на танцы в Дом культуры, он вдруг споткнулся о ее взгляд, словно это была какая-то материальная субстанция, и удивленно сказал:

– Слушай, такие круглые глаза бывают только у бабочек. Ты – бабочка?

– А то! – обрадовавшись его догадке, радостно отозвалась она. И доверчиво добавила: – У меня и крылышки есть.

Он провел рукой по ее спине:

– Хватит сочинять. На бабочку ты, конечно, похожа, но чтобы крылышки... Пошли лучше танцевать.

И они пошли. Так отчаянно она не танцевала еще никогда. Вечер шел, а она не только не уставала, но, кажется, становилась все более и более легкой. Может, даже невесомой.

– А ты и правда летаешь. Не знаю, как там насчет крылышек, а энергетика у тебя потрясающая. Мне нравится. Пошли, погуляем?

И они опять пошли. Разве могла она сказать «нет», если ждала этого... так долго ждала!

Вышли к реке. Он взял ее на руки и понес. И она опять летела...

– Летела-летела, да... залетела.

Ленка всегда так. Молчит-молчит, а потом – в самую точку.

– Что будем делать?

Лера с радостью отметила это «будем» вместо равнодушного «будешь». Ленка – хорошая подруга. Да, подруга... Но ей-то теперь был нужен муж. Защитник, опора. Отец будущего ребенка.

– Хочешь, я с ним поговорю?

– Нет, я сама.

И он понял все с полуслова.

– Ну, если так... Завтра пойдем к моим, послезавтра – с заявлением в загс.

И все складывалось хорошо. Свадьба. Рождение дочки. Дочка в первый класс... дочка в институт... дочка вышла замуж и ушла жить к мужу...

Они остались одни, и многодетная Ленка сказала: «Вдвоем... как хорошо-то! Как в молодые годы!»

А потом вдруг ее звонок:

– Видела его сегодня с бабенцией – две таких, как ты, в одной. Или даже три. Его что – на мясо потянуло?

В первый раз она даже внимания не обратила на эти Ленкины слова. Подумала только: завидуете. Даже такие, как Ленка, не свободны от зависти. Завидуете, потому что такой любви, как у нас с Игорем, в вашей жизни никогда не было! Вы не можете без ссор, а мы легко без них обходимся. У нас мир и лад, а вы то сходитесь, то расходитесь...

Но потом Ленка позвонила еще. И еще... И тогда она пошла к проходной завода и спряталась за киоском. И увидела все сама.

– С-с-слушай... Ты меня того... изредка буди все же. А то так и просплю все десять дней.

Соседка протерла глаза, села на лежаке, потом устала в море долгим, ленивым взглядом.

– Дрыхни, раз хочется. Отдыхай. Наверное, есть от чего.

– Есть, подруга, есть. Всю зиму от мужа не отходила. Подай это, отнеси то. Сделай укол. Подложи утку...

– Он что – так сильно болен?

– Сильнее некуда.

Соседка потрясла головой, словно хотела стряхнуть с себя что-то неприятное, мешающее и смотреть, и дышать.

– Понятно. Но если уж мы приехали отдыхать – пошли в море. Пошли?

Плавали они долго, почти не разговаривая и не испытывая от этого неловкости. Хорошо!..

Вечером, за ужином, взяли по стакану виски с колой. Было неловко, но ведь «все включено». Вон – народ не стесняется. Почему бы и им не расслабиться?

– Оля, ну давай... По глоточку. Да и познакомиться надо поближе. А то только и знаем: я – Лера, а ты Оля. Родом-то откуда будешь?

– Я-то? Из тюрьмы.

– ???

– Да не таращись ты так. Все просто. Папу должны были посадить за растрату, а мама уже сильно беременная была. Папа говорит: возьми все на себя, тебя с таким животом быстро отпустят.

Соседка отпила из стакана еще глоток.

– Не отпустили. И я там не только родилась, но и ножками пошла. А когда вернулись домой... мама сама пошла вразнос. То один хахаль, то другой... Любила и растила меня бабушка.

Лера забыла про еду. Теперь ей напомнила соседка:

– Мы с тобой отдыхать приехали? Вот и давай отдыхать.

Таких прилежных отдыхающих отель еще не видел. Они записывались на все экскурсии, участвовали во всех затеях, предлагаемых массовиком-затейником. Только к пирамидам ехать не решились: почти сотня километров по раскаленной пустыне – нет, это уже не

для них, пусть и на автобусе, пусть и с кондиционером. В конце концов, пирамиды тысячи лет простояли без них и столько же простоят еще. А им хорошо и так. Вот и опять – ужин, опять – виски с колой...

– Хорошо!.. Слушай, Оль, оказывается, жизнь может быть приятной. А вы... сколько лет вы с мужем прожили вместе?

– Ты лучше спроси, сколько лет вместе мы не живем.

– Ну и...

– Да уж с десяток, считай.

– А почему ж ты за ним... принеси, унеси...

– А кто ее знает. Дура...

Дура... И она оказалась – душой...

...Сначала она не поверила своим глазам. Потом – ушам, когда вечером он бормотал что-то типа: «Понимаешь, внеочередной заказ получили. Все остаются после работы, а я уйду? Да и деньги лишними не бывают...»

Но когда она заставила свои глаза увидеть реальность, а уши – услышать не то, что он говорит, а что пытается скрыть, спросила:

– Вы что, выполняете этот заказ где-то на стороне, а не на родном заводе? И исключительно с помощью белокурых пухленьких помощниц?

Наверное, он уже был готов к подобному разговору. Потому что совсем не испуганно ответил:

– Ну что ты выдумываешь ерунду.

Она ухватила за эту «ерунду» как за соломинку. Подошла, попросила, заглядывая в глаза:

– Обними, как раньше. Подари мне немного твоей энергии.

– Я устал! – в его голосе звучало легкое раздражение.

– Откуда я возьму эту энергию?

– Тогда просто – обними. Все остальное я додумаю сама.

Нехотя, словно чужую, он прижал ее к себе – на несколько коротеньких секунд. В эти секунды и подумалось с полной безнадежностью: она – жена? У нее есть

муж? Да она теперь одна, как в пустыне. Настолько одна, что хоть волком вой. То бишь волчицей...

Вот тогда-то Ленка и достала ей эту путевку: отдохни, подруга. Постарайся прийти в себя...

– Лер, а ты? Ты от чего улетела?

– Я-то?

Она добросовестно, с той же откровенностью, собралась ответить, но вдруг... поплыла. Потому что... потому что – ЭТИ ГЛАЗА НАПРОТИВ!

Откуда они возникли? Как? Да просто за столик напротив сели мужчина и женщина. Она что-то сосредоточенно писала на листочке бумаги, а он, вольготно раскинувшись в кресле, обводил глазами зал. И вдруг остановился... на ней. Она натолкнулась на этот взгляд, как на материальную субстанцию. Он был из какого-то другого мира; она еще не знала, из какого, но так захотелось ему поверить! Этот взгляд говорил: тебе плохо? Со мной будет хорошо. И спокойно. Тебе не придется ждать и выпрашивать ни любви, ни ласки – я осыплю ими тебя, я подарю их тебе с радостью и охотой...

Хорошо и спокойно... Так было когда-то. И так может быть снова?! Но ведь это и есть счастье...

А может, она просто перепила виски с колой? Сделала лишний глоток...

Ольга смотрела на нее и, казалось, не замечала никакой в ней перемены. Сказала буднично:

– Завтра экскурсия на море. Говорят, часть путешествия будет проходить под водой. Запишемся?

Вот это то, что надо. Ей надо как раз туда – на морское дно. Поглубже. Подальше от этих глаз.

...Там оказалось страшновато, на морском дне. Затонувшие деревья, камни, коряги. Мимо – совсем рядом – проплывают рыбки, независимые и равнодушные к людям, которые ухитрились оказаться так близко к ним.

А что, если случится что-то страшное, и они не смогут подняться на поверхность?

А что, если правда, что смерть – это только начало новой жизни? Конец и начало... если бы обладатель ТЕХ глаз был рядом – не было бы страшно совсем. Потому что – вместе...

Что с ней случилось? Причем независимо от ее воли. Она совсем не хотела, чтобы ей в голову пришли такие вот мысли.

Но если они все-таки пришли... За что же тогда она обиделась на мужа? Он не виноват. И она не виновата...

– Слушай, а теперь предлагают экскурсию на Райский остров.

– Даже так? Получается, рай возможен на земле?

– Вот и увидим. Своими глазами.

...Сначала плыли на катере. Было полное впечатление, что они уже не на земле. Или в первый день ее сотворения. Бесконечная бирюза моря... Чистейший ласковый воздух... Холмы на далеком берегу, напоминающие туши гигантских, улегшихся отдыхать, животных... И такое высокое небо! И опять – эти глаза... И рядом почему-то нет его женщины...

С катера их пересадили на лодку, и на берег они сходили уже с нее. Молодые слетали на песочек легко, как бабочки. А она... ее-то крылышки уже были сломаны. Лодку качало, страшно было оступить в воду. И тут к ней протянулась с берега крепкая мужская рука. Она схватилась за нее (раздумывать было некогда – за ней очередь) и не заметила, как тоже перемахнула на белый, ласковый песок. Вот и в раю...

– Спасибо. Вы очень мне помогли.

– Рад был это сделать.

Отдыхающие купались, делали селфи (так, кажется, теперь говорят вместо «фотографировались»), удивлялись прозрачности воды и чистоте песка (а разве могло быть по-другому на Райском-то острове?), любовались

на странные, крытые пальмовыми листьями жилища аборигенов («Для экзотики держат; только бизнес – ничего личного»)...

– Может быть, познакомимся?

У нее хватило выдержки не выдать счастливого блеска в глазах. И даже сказать:

– Если та женщина – ваша жена, то вряд ли стоит.

Он промолчал. Да и зачем было говорить, если и так хорошо! Даже лучше – ничего не говорить и ничего не знать, а просто смотреть и впитывать в себя воздух, небо, свободу...

На обратном пути отдыхающих кормили, поили, развлекали. Руководитель поездки – шоколадный молодой человек – был ангельски красив и опасно откровенен в шутках и прибаутках. А впрочем... не на собрании же – на отдыхе...

Незнакомый знакомый не делал больше попыток к сближению, но смотрел так, что самой хотелось побегать через палубу и прижаться к его сильному, загорелому плечу...

А вечером следующего дня отдыхающим предложили ужин на берегу моря. С наступлением темноты. Чтобы было совсем-совсем романтично. Они с Ольгой, конечно же, не преминули записаться.

И опять была райская красота вокруг (маленькие, словно подсушенные жарким воздухом звездочки теплятся на черном небе, море вздыхает таинственно и тихо), на столе – вкусная еда и вино, на сцене один артист сменяет другого. К восточным мелодиям они уже успели привыкнуть, язык танцев тем более понятен без перевода, но вот этот юный араб вытворяет что-то совсем невероятное: кружится вокруг своей оси минуту, две, три... десять... Как это можно? Откуда в нем столько энергии? Почему у него не кружится голова?

У нее вот кружится. Хотя они с Ольгой удобно сидят на стульях, потягивая легкое винцо.

– Лер, я и с собой привезла бутылочку. А мы ее еще так и не открыли. Давай сегодня?

– Давай. И повод есть: наше пребывание в райских куцах подходит к концу.

– Вон и твой воздыхатель пришел. И все только смотрит и смотрит... Боится от бабы оторваться. Может, тебе самой надо быть посмелее?

– Может быть.

И тут объявили белый танец. Она почувствовала, что где-то в районе лопаток что-то зашевелилось – там, где когда-то были крылышки. И тогда она встала и пошла к нему. Да, рядом с ним – женщина. Ну и пусть! Она – тоже женщина! И она тоже хочет быть рядом!

Голова кружилась, кружилась... Она закрыла глаза и позволила обнять себя чуть крепче, чем это предполагал медленный танец. А когда открыла...

Его женщина смотрела на них понимающе и печально. Она все знала про нее и тем более про него.

И тогда она вдруг остановилась. И сказала:

– Идите к ней. Насовсем идите.

Ольга уже стояла у выхода и ждала ее.

Бутылочка открыта. Маленькие дорожные стаканчики наполнены, стоят в ожидании. Да только куда им торопиться – в отпуске-то?

– Ну, и чего ты от него убежала? Жены испугалась?

– Вспомнила себя в такой же ситуации.

– Давай рассказывай.

– За два дня до отъезда это было. Пришел домой смурной и жалкий, как побитая собака. Спрашиваю: ты чего такой? Хотя ответ уже знала: верная моя подружка рассказала, что новенькая чертежница написала заявление по собственному желанию. Причина – собралась уезжать в Москву. Сейчас все едут в Москву за хорошей жизнью.

И вот смотрела я на него и не понимала: это тот самый мужчина, который всегда был таким сильным и

уверенным в себе? Даже улыбка – и та у него была победительная. Куда же все подевалось? Ох, как захотелось закричать, грохнуть об пол тарелку! Остановила скорбная складка в его губах. А главное, почувствовала, что сейчас, в эту вот минуту, я сильнее него. А раз сильнее – значит, просто обязана помочь.

– Ну и...

– Спрашиваю: а ты сам-то хочешь поехать с ней? Ответ: боюсь, этого не хочет она. И опять эта скорбная складка... И тогда я говорю: а давай об этом спрошу ее я! Набирай номер. Он, как зомби, послушно (послушно!) выполнил мое приказание. И вот ее ласковый голосок в трубке: да-да, я вас слушаю. Представляюсь по всей форме: жена, сами знаете кого. Все про ваши отношения знаю и совсем не против, если в Москву вы поедете вместе. Вдвоем. В трубке – молчание. Интересуюсь:

– Вы меня слышите?

В ответ:

– Слышу. И вот что я вам скажу: пусть ваш муж останется с вами.

И тут выдержка оставила меня. Как закричу:

– Вот только не надо меня жалеть!

А мне – спокойненько так:

– А я вас и не жалею. Я просто хочу уехать одна.

И – отбой...

– Ну, а он? Он-то что?

– Подошел к окну. Долго-долго стоял там, глядел в темноту. Потом говорит: пойду спать. Мне надо хорошенько выспаться.

– Слушай, Лер, давай-ка все-таки по рюмахе. За то, чтобы твой супруг хорошенько отоспался. И проснулся здоровенький.

– Слушай, Оль... А у тебя... Сейчас-то кто ухаживает за твоим бывшим?

– Наша дочь. Сначала не соглашалась, но я упростила. Твой-то хоть трезвенький, работяга, а мой и гулял, и пил. Дочь до сих пор простить не может.

– А ты? Приедешь – и опять на вахту? Почему, Оль?

– А я знаю? Чую, что должна – и все... Знаешь, он когда-то пел хорошо. Так пел! Тогда в моду входили ВИА, ребята одного из них к нему приглядывались, говорили, что, скорее всего, возьмут к себе. Ну, у него голова и закружилась. Сегодня с одними обмывает радужные перспективы, завтра с другими. Так и понеслось... А тем-то не собутыльник нужен был, а певец...

Помолчали, думая каждая о своем.

– Да он без меня просто подохнет, – спустя время, печально вздохнула собеседница. – Подохнет, потому что никому теперь больше не нужен. Вот и вся причина.

– А раньше я считала, что только любовь...

– Любовь, любовь, – нетерпеливо, с досадой перебила ее Ольга. – Затаскали словечко. Да у нас, русских баб, все и всегда было больше, чем любовь. Как по телевизору. По каналу «Культура».

Какое-то время они опять сидели молча. А когда глазами встретились, в них было недоумение: чего разнюнились-то? Мы что – не отдыхать приехали на этот далекий континент? Ударим весельем по тоске и печали!

Первой, пробуя голос, начала хохотать Ольга. Лера, после недолгого раздумья, присоединилась к ней. И когда уже разошлись, смеялись долго, захлеб. Пока не устали. А когда так же внезапно остановились, Ольга деловито сказала:

– Как говорила моя незабвенная мамаша – тут без пол-литра не обойтись. Бутылку мы с тобой не осилим, а вот по рюмашке...

АРИАН ИЗ СОЗВЕЗДИЯ ОРИОНА

Рассказ

Всякий, кто бывал в нашем селе впервые и впервые слышал это имя – Ариан, интересовался: не русский, что ли? И в ответ слышал: да как не русский, если отец был Гаврила, мать – Катерина, а братья у него Васька да Колька.

Как получился Ариан?

Мать, Катерина, самому Ариану рассказывала об этом так:

– Отец накануне твоего рождения всю ночь не спал. Я на кровати лежу, он – на полу. Керосин жгет, читает книжку. Он всю жизнь так: люди керосин берегут, а он его на книжки переводит. Чего, спрашиваю, читаешь? Про греческих героев, – говорит. Ну, и чего про них пишут? Да вот, говорит, был один... так уж мне по душе. Ростом высок... красавец... охотник, каких поискать. К искусствам интерес питает. Зовут Орионом. Народится у нас сын, мы его так же назовем. Я засмеялась: а вдруг родится девчонка? Нет, говорит, сын будет. И ведь угадал! Сам и в сельсовет пошел, твое рожденье записывать. Там спрашивают: какое имя парнишке придумали? Ну он и сказал, какое. Сельсоветские греческих книжек не читали, но признаваться в этом не захотели. «Нынче у нас бланков нету. Как получим – запишем, принесем». Ну, и записали так, что вместо «Ориона» у них получился «Ариан». Мы документ в шкаф положили, да и забыли про него. Достали, когда пришла пора тебе в школу идти. Я хоть и не шибко грамотная, а странное имя разглядела, и в слезы: «Отец, сына в школе дразнить будут». А он: глупая ты баба, знаешь ли ты, что есть такая примета: имя человека бросает отсвет на

всю его судьбу? У нас в роду все землепашцы были, так пусть хоть у одного из сыновей судьба будет другая – с особенкой.

– Ну, и какую особенку он мне загадал? – интересовался сын.

– Про это он ничего не говорил. Только вот это: что не на земле работать будешь.

Мать умолкала в задумчивости, потом добавляла:

– Чудной он был, ваш отец. И имя тебе придумал чудное. А сельсоветские еще чуднее его сделали...

Изобретателя имени в сорок первом забрали на войну, и домой Гаврила уже не вернулся. Семья погибшего солдата – Катерина, Васька, Колька, Ариан – жили, как все: ели барду, картошку, а когда картошка кончалась – очистки от нее, и все, что вырастало на лугу и в лесу. В школу бегали по очереди – справная одежда, нехудая обувь была одна на всех. Над Арианом здесь поначалу и вправду смеялись: «Ариан – подай стакан», а потом девчонки придумали называть его Ариком – и все, шутки кончились. Так и выросли. А потом по очереди уходили из дома: сначала Васька (он выучился на военного и жил на Дальнем Востоке), потом Колька (этот женился и ушел жить к жене на другой конец их большого в те поры села). Остались они с матерью «удвох».

Ничего, помаленьку отошли от войны. В начале шестидесятых даже на дом замахнулись. Колхоз, как вдове солдата, помог Катерине лесом. И вот стены стоят, а окна, а двери? Напротив жил Володька Ершов, плотник, он и надомил:

– Берись, Ариан, за дерево сам. Я тоже когда-то ничего не мог, а нужда приперла – научился. Надо инструментом помочь – помогу.

«Нужда – великий учитель», – понял Ариан. Катерина же, глядя, как сын мается, впервые связывая глухие, без форточек, рамы, вздыхала:

– Вот тебе и судьба на особенку. Куда нам... Все, как у людей.

После рам Ариан взялся за двери. Соседи, усмотрев его уменьше, потянулись с просьбами: «Арик, оконца бы... сруб для колодца... верандочку...»

Режим он себе завел такой: вставал в четыре утра – до шести работал у людей. С шести утра до шести вечера – в колхозе. Вечером – опять в люди. Глядел на результаты своих трудов – все правильно, крепко, надежно, а все же чего-то не хватает. Однажды осенило: красоты! Крепкие ворота, надежная крыша – куда как хорошо, но глаза, душа просят еще и красоты. И он, как когда-то отец, пошел в библиотеку: «Есть у вас чего-нибудь о работе по дереву?» Смешливая молоденькая библиотекарша пошарила по полкам, протянула ему книжечку. Ариан открыл ее и обомлел: стоит банька с оконцем, и то окошечко все в деревянных кружевах... вот, оказывается, как можно...

И пошла писать губерния: наличники кто заказывал – нате вам с узорами, шкафы для одежды и шкафчики для посуды – с ними же, а столы пусть будут на фигурных ножках, а стулья с высокими спинками, и поверху тех спинок тоже узоры. Делал все это и себе, и людям, для людей даже больше, чем для себя, старался. И отбоя от заказов не было.

Жизнь, кажется, пошла хорошая, но тут привязалась к матери болезнь. Да такая, что на целых восемь лет Катерина слегла. Ариан ухаживал за ней, как за малым дитем: мыл, одевал, менял простынки. Кормил с ложечки. От брата помощи было мало – с другого конца села не находишься. Умные люди советовали: «И чего ты мать себе на шею повесил? Дома престарелых есть».

Когда Ариан услышал этот совет впервые, стал раздумывать: а и вправду... там и уход за матерью будет лучше – профессиональнее. Может, даже поставят Катерину на ноги. А он что – не врач и даже не фельдшер... А тут еще Варька, соседка, взялась глазками стрелять. Правду сказать, девки давно проходу ему не давали – завидным женихом стал Ариан, но он от них все отмахивался.

вался, некогда, мол, дурью маяться. Но Варька... чисто порчу на него навела. Строгает доску – она перед глазами, выпиливать узор возьмется – опять стоит в глазах, зараза! А пуще всего не по себе, когда вечером в клубе дробить частушки начнет:

*Вы откуда, вы откуда,
Я из Резоватова,
Сама белая с лица,
Люблю рябоватого!*

Белая да гладкая – тут она в точку; но и он, слава родителям и Богу, внешностью тоже не обижен. Ну так ведь шуткует дивчина, повеселить народ хочет...

Вспомнил: клин вышибают клином. Значит, надо идти сватать. Но прежде все же это дело обговорить. Чего, кажется, проще: домой-то из клуба соседи идут вместе. Вот у калитки и взял ее за руку:

– Варь, погоди...

– Ну чего скажешь, кавалер?

– А то и скажу, что сватов в ваш дом засылать хочу.

Варька подняла глазки к небу:

– Я бы согласная, да есть одно недоразумение.

– Какое?

– А вот мать твоя... Я что же – сиделкой при ней буду? Ариан, не ожидавший таких речей, смешался.

– То есть как... то есть куда ж...

– А вот и подумай!

Ручкой помахала, и – калитку на щеколду...

Целую ночь проворочался Ариан без сна. Думал уже передуманное: может, и вправду в доме престарелых мать на ноги поставят, и зря он резину тянет, надо быстрее. Вот встанет утром – и объявит. Мать согласится – он это сердцем чувствует. Но тут вспомнилось из военного времени: Катерина привезла с мельницы то ли муки, то ли крупяной пыли, заварила этим кипятком, и они, Васька, Колька и он сидят, черпают хлебово ложкой и в

рот отправляют: вкусно! «Мам, а ты?» – «Сыта, детки, кушайте сами...» Знает Ариан, что и тогда умные люди советовали солдатской вдове: «Куда тебе с тремя? Не поднимешь. Сдай хотя бы одного в интернат, ну хотя бы малого». Мать и минуты на раздумье не отвела: «Свое дитя – да в чужие руки? Ни за что!»

Может, и ему хватит голову ломать? Ни за что – вот он, ответ. Прощай, Варька!

Женщину Ариан приведет в дом, когда матери уже не станет. Привел бы и раньше; Настасья, в отличие от Варьки, согласна была за старым человеком ухаживать. Но тут мать воспротивилась: «Никому стану не нужна – ни ей, ни тебе». Не ожидавший такого поворота дел Ариан сначала обиделся, а потом понял: подточенная болезнью мать никому уже не верит, только на него у нее и надежда. Так что чего обижаться? Терпеть надо.

Их портреты – Катерины, Настасьи – вон они, висят на стене рядом.

Только Настасьи тоже уже нет на белом свете: всего четыре года и длилась их совместная – счастливая – жизнь. Отчего так мало? – терзался Ариан. Он ли о ней не заботился, ни словом, ни делом не обижал? Она ли его не жалела, не баловала и лаской, и добрым словом, и мягким пирожком?

И вот не прозвучит больше в его доме женский смех, женский голос...

И хорошо! И не надо! Чьего-то другого голоса – ни за что не надо ему!

Похоронив жену, Ариан совсем перестал выходить из сарая, который приспособил под мастерскую. Здесь у него и верстак, и инструмент. Строгал, подгонял, выпиливал. В колхозе творилась чехарда: скотину порезали, технику распродали за гроши, землю поделили на паи. Ариан от своего отказался: зачем ему земля? Ему с деревом хорошо. А после одного случая в городе...

Брат Колька подговорил его однажды отвезти в городской магазин стул да столик: сейчас, мол, не прежние времена, опять свободная торговля в ходу. Директриса магазина, женщина немолодая и солидная, долго разглядывала его изделия и бормотала странное: «Ты смотри... Люди исстари свое пространство проживания львиными головами украшали, а он к подлокотникам кресла песьи придумал. Да это уже не стул, это кресло...» – «Не возмет», – забеспокоился Ариан. И вдруг услышал четкое:

– Это уже не стул, это кресло. И столик к нему чудесный. Сделаешь еще несколько таких?

Первая часть речи Ариана обрадовала. А вторая огорчила. Повторять одно и то же... неинтересно! Директриса вразумляла:

– Ну что мне один стул... пусть даже и кресло. Чтобы получить хорошую прибыль – их надо целую серию продать.

Ему внушали одно, а он понял другое: не для него такая коммерция! Больших денег ему не надо, ему важнее новую вещь сделать. А там, глядишь, кто из односельчан решит ее купить – ему и хватит...

И опять он строгал, подгонял, выпиливал. Однажды поднял глаза – в проеме двери стоит парнишка. Не сразу – виделись редко – но признал: Дениска, младший Колькин сын. Последышек, поскребышек. Они с женой долго совестились, когда он родился...

– Ну, и чего застрял в дверях? Проходи.

Денис солидно, как взрослый, уселся на табуретку.

– В какой класс-то ходишь?

– В шестой.

– Как там отец с матерью?

Денис только рукой махнул: живут и живут...

– Ну, а чего пришел?

– В школе велели чего-нибудь руками сделать. Для выставки. Отец и говорит: иди к дяде Ариану.

Ариан внимательней посмотрел на племянника: бледноват парнишка.

– Пойдем-ка сначала щей похлебаем.

Пока хлебали, Ариан поставил условие: помогать он будет, но делать племянник все будет сам.

– Сам так сам, – равнодушно согласился Дениска. А когда вернулись в мастерскую, Ариан переспросил:

– Так, говоришь, руками? Ты думаешь, если дерево, так с ним только руками и надо работать?

– А чем же еще? – искренне удивился паренек.

– Э-э, милоч... прежде надо головой потрудиться. Будущее изделие надо сначала представить, нарисовать здесь, – Ариан выразительно постучал по своей черепушке. – А когда рисунок в голове забрезжит – бери карандаш и делай на подготовленной к работе (высушенной, обструганной) доске накид – без этого никак нельзя, только зря время переведешь.

И пошел, и пошел... Про то, что до штриха все дорисовывать тоже нельзя – надо оставить место для полета фантазии. Надо дожидаться, когда в груди займется горячий огонек, а в руках появится нетерпение – вот тогда и можно браться за резак. Сосна, береза, ольха – любое из этих деревьев годится для работы, но лучше всего липа – она мягкая, податливая.

Равнодушие в Денискиных глазах не сразу, но уступило место вниманию. И любопытству. И вылилось в вопрос, с деревом вроде не связанный:

– Вот почему ты все это можешь, а отец не может?

Вопрос Ариана озадачил.

– Не знаю, – ответил искренно.

Больше ничего говорить не собирался, но почуял, что Дениска как бы недоволен отцом. И потому счел необходимым добавить:

– Твой отец не виноват, что у него этого умения – работать с деревом – нет. А почему оно есть у меня – не знаю.

– А, понял, – хлопнул себя по лбу Дениска. – Это тебя созвездие Ориона одарило. Отец мне говорил, что ты с этим созвездием как-то связан.

– Ну ты даешь... Папка – ладно. Но ты-то пограмотней нас будешь. Вот и подумай: где созвездие, а где я. Меня оттуда, поди, и не видно.

– А тут и видеть не надо. Тут действуют другие законы.

– Это какие же другие? – вконец озадачился Ариан.

– Я пока не знаю. Только догадываюсь. Вот школу кончу, выучусь в институте, приеду и расскажу тебе, какие.

– Это хорошо, – не совсем переварив то, что услышал от племянника, отозвался Ариан. – Хорошо, что дальше школы учиться думаешь. А пока давай топай домой, а то там переживать будут. Завтра буду ждать.

Проводив племянника за калитку, Ариан вернулся в мастерскую, прибрал инструмент, посидел в задумчивости и пошел в дом. На крылечке остановился и поднял глаза к небу. Оно уже хорошо вызвездилось. Где ж там созвездие, про которое толковал племянник? Пошарил по звездному полотну глазами и сразу наткнулся: две ярких звездочки вверху, две внизу. Посередине поясочек из трех, помельче. Неожиданно подумал: а ведь племянник, пожалуй, прав. Ни с какого созвездия ему, конечно, ничего не бросали, но свой дар, свою искорку от кого-то он все-таки получил. И если хорошо, крепко подумать...

Перед тем, как открыть дверь в сени, опять глянул на небо. Звезды сияли, словно тебе алмазы. И опять пришла в голову мысль: может, и впрямь – тому, кто сумел сотворить такую красоту, что стоило сбросить чуточную ее часть на землю?

ЛИЛЯ-ЛИЛЕЧКА

Рассказ

Что же мы с тобой будем делать, Лилечка?
... Как дальше жить?
Сначала-то, кажется, все было просто и понятно. Встретили друг друга. Полюбили. В нашем-то молодом возрасте это самое естественное дело – встретить и полюбить. Им, пожалуй, даже еще и повезло: сколько мыкаются иные парни и девчата, пока свою вторую половинку найдут... А они сразу: встретились глазами на дискотеке и обоих одновременно ударило: ты – мой... ты – моя... И времени потом на раздумье не тратили: через неделю он вернулся от родственников в свой город и объявил родителям, что женится на девчонке, которую встретил на дискотеке в железнодорожном поселке. Зовут Лилия, профессия – швея (засмеялся: «У нее и руки поэтому шелковые!»), а главное – замечательная девчонка-то: добрая, симпатичная, ласковая... «Что и ласковая, уже узнал?» – насторожилась мама. «Да нет, мам, ты не подумай... Давайте лучше прикинем время свадьбы...» Прикинули сразу все: у сына тоже хорошая профессия – механик, на местный ремонтно-механический завод без проблем взяли (еще бы не взять – отец здесь четыре десятка лет отпахал, пусть теперь сыночек покажет себя). Словом, работой обеспечен, зарплату в семью носить будет. Дом у них не сказать, чтобы большой, но если жить дружно...

– Нет, мам, мы решили отдельно. Самостоятельно.

– Да уж когда вы решили, если знакомы – в прямом смысле – без году неделя...

– Да вот так и решили.

Ну не мог же он признаться, что на этом настояла Лиля. Тогда он не знал еще – почему. А мама продолжала спрашивать:

– А у нее там кто остается?

– Тоже мама. Отец давно умер.

– Тем более. Успеете еще, нахлебаетесь. Живите с нами.

– Нет, мам...

И сыграли свадьбу. И Лилечка переехала к мужу (да, теперь уже мужу!) в город. Сначала снимали квартиру – комнату у добрых людей, потом взяли квартиру настоящую, правда, в ипотеку.

В положенный срок родилась дочка – Лилечкина копия, но и от Паши частичка была: Веруня улыбалась как папка – широко, открыто, тараша любопытные Лилечкины глазенки. Он иногда даже боялся: не слишком ли хорошо все у них складывается? Чтобы вот так – без долгих раздумий, но навсегда?

Хотя, если совсем честно, однажды он в этом засомневался. Пришел как-то с работы пораньше, прошел в комнату и увидел, что любимая его Лилечка сидит за столом и что-то строчит в тетрадку. У него сразу мелькнула ревнивая мысль: письмо пишет. Кому?! Маме? Но они часто и подолгу говорят по телефону. Опять же – увидев его, Лилечка густо покраснела, метнулась к кровати и спрятала то, что написала, под подушку. Он остановился в шоке:

– Лиль, ты чего? Что прячешь-то?

А Лилечка бросилась ему на шею, обвила своими шелковыми ручками, закрыла его рот ладошкой: «Это так, ерунда... Не бери в голову...» В голову он и не взял – взял в руки ее (разве можно было удержаться?!), а дальше... дальше все было, как всегда: улетели в небо.

И все-таки потом, когда он от нее очнулся (до сих пор отходит от нее, как от сладкого, глубокого сна...), все-таки набрался решимости спросить:

– Ты письмо писала, да? А разве сейчас пишут письма?

Она посмотрела сначала непонимающе (и он обрадовался: не письмо!), а потом тоже обрадованно сказала:

– Конечно, письмо! Подружке. Мы тут с тобой вместе, а она в поселке одна осталась.

И потом – задумчиво:

– Знаешь, есть такие вещи, о которых болтать не хочется. О которых можно только писать.

Он поверил...

Я не знаю, как тебе об этом сказать. Вообще-то удачно, здорово получилось: ты сказал про письмо, и я воспользовалась этой подсказкой. И тогда это, как говорится, сошло мне с рук. Тогда – сошло. А как будет дальше?..

Вот уж не думала, что буду что-то скрывать от тебя. А придется! Разве можно признаться в том, что она... сумасшедшая? А что, разве не так? Разве можно считать себя нормальным человеком, когда...

Она всегда жила с чувством, что обнимает весь земной шар – все его континенты, моря-океаны, большие и малые реки и даже речушки, такие, как их Алатырка. И не просто обнимает – любит! – каждую травинку на лугу, каждую песчинку в пустыне, каждую живую тварь, бегущую или ползающую по земле. Как это может быть? Как можно чувствовать такое? А Бог ее знает....

Да, если кто и знает, так только Бог. А она... Она может только чувствовать и сомневаться. Потому что приходят ведь и такие мысли: если она способна обнимать всю землю, весь земной шар – то как тогда уместается в своем небольшом теле, на этом вот небольшом стуле, рядом с машинкой «Зингер», доставшейся ей от мамы, а маме от своей мамы, ее бабушки Моти, а та привезла ее с войны, а на войне... Нет, хватит растекаться мыслью по древу (как любила выражаться Анна Петровна, преподавательница литературы в техникуме – вот, даже литературу преподавали будущим швеям!), надо сосредоточиться на этом вот пододеяльнике, не то такого нашьешь...

– Лиль, борщ-то давно кипит?

– Борщ?

Да, борщ... Она поставила его на плиту и благополучно про него забыла.

– Мам, как ты вовремя пришла. Доваришь? У меня срочный заказ.

Мама у них живет на даче. Пашины родители в земле возиться не любят, а мама возилась всю жизнь. И очень это занятие любила.

Они забрали ее к себе потому, что та часто болела, но в городской квартире жить не стала, а сразу попросилась на дачу, утверждая, что работа на грядках ей будет только на пользу. На зиму она уедет к себе в поселок, а лето – лето с удовольствием проведет у них. Она предлагала и внуку на даче поселить, но они с Пашей решили: пусть ходит в садик. Привыкает жить в коллективе. На август, когда все в огороде поспеет – да, заберут, а пока... пусть маме будет легче.

Хотя – где уж там легче. Пришла вот дочку навестить, а дочка – вари борщ, мама.

Лиля строчила и строчила на машинке, чувствуя свою вину. Ведь говорила, говорила ей мама: ты не знаешь, Лилечка, что такое семейная жизнь. Это вечно готовь, стирай, мой. А уж когда пойдут дети...

– Ну и что? – беззаботно спрашивала она.

– Забот будет еще больше!

– Ну и что? – недоумевала она. – Справляются же мои подруги.

Мама помолчала. Потом:

– Лиля, но ведь у тебя талант!

Тут она уже рассмеялась:

– Талант! Почему же я об этом не знаю?

Слукавила, конечно. Разве ей забыть, как принесла в районную газету свою первую заметку (по совету любимой преподавательницы Анны Петровны), и женщина, взявшая ее листочки в руки и начавшая их читать,

через некоторое время грациозно отвела в сторону руку с сигаретой (артистка, прямо артистка!) и задумчиво произнесла:

– Гм, гм... А у вас, милочка, явные литературные способности.

Женщина была немолода и курила, как паровоз – от одной сигареты прикуривала другую; рукава кофты-самовязки были подвернуты у нее небрежно (да, вот так она себе их и представляла, людей творчества – им не до мелочей, не до презренного быта).

– Знаете что, оставьте свой телефон. Думаю, я позволю вам в самое ближайшее время.

Она и позвонила, и ошеломила известием: ваша корреспонденция будет опубликована в праздничном номере газеты. У нее хватило наглости удивиться: «Корреспонденция? А разве не рассказ?»

– Ну какой же это рассказ, – раздумчиво возразила собеседница. – У вас тут ни выдумки, ни сюжета. Просто воспоминания. Но вы их изложили так выразительно...

Собеседница замолчала на минуту, и Лиля поняла: закуривает новую сигарету, затем продолжила:

– Не случайно ведь я вам и сказала, что у вас явные литературные способности. Вот и развивайте их, совершенствуйте. Для начала побольше читайте.

Огорченная поначалу, Лиля воспрянула духом: все-то и надо – побольше читать, – это она и без всяких советов всегда любила. И время на чтение не жалела. Сдается ей, правда, что одного чтения тут мало, требуется что-то еще, но... Но не все сразу, когда-нибудь она поймет – что. Могла бы, конечно, подсказать и сотрудница редакции, но почему-то не подсказала. И она, Лиля, одернула себя: все-то ей подкажи... Хочешь писать – работай собственными мозгами.

В общем, из газеты она ушла не расстроенная, а как бы подбравшаяся сама в себе, изготавившаяся к чему-то значительному. А скоро ей пришла и подсказка. Откуда? Да из книги же! Читая Драйзера, выхватила

фразу: поэзия – это воспоминание о прошлом. Она сначала поразмышляла, а потом позволила себе продолжить классика: и проза – тоже. Воспоминание. О прошлом. И вот это – очень утешительная для нее мысль. Ей пока нечего вспоминать – вот в чем дело. Она еще слишком недолго пребывала на этом свете, мало знала и видела. Значит, ей надо просто жить и копить воспоминания – богатство, которое обретается только с возрастом. Так что – не надо печалиться!..

Он поверил жене, но... как-то ненадолго. И не всем. И решил за ней понаблюдать. Сделать это не так-то просто, если у тебя то дневная, то ночная смена, после которой он спит, как убитый, но... должно все как-то проясниться! Почему она не захотела жить вместе с его родителями? От него ли одного она хранит какую-то тайну? И что это за тайна, в конце концов?!

Однажды ночью он проснулся и увидел опять ту же картину: сидит его Лилечка на краешке кровати и при свете ночной лампы строчит что-то в свою тетрадку. Свет лампы в жизнь бы его не разбудил, но когда тебя постоянно точит мысль... Опять письмо? Опять подружке? Но о чем?! Я ее обижаю? Нет. Ей скучно? Да когда ей скучать, если она целый день строчит (тоже строчит!), только не в тетрадку, а на своем «Зингере», потому что тоже хочет поскорее выплатить ипотеку...

Смотрел он долго, и она, казалось (или вправду?) ничегошеньки не замечала. А когда вдруг повернулась к нему...

Повернулась-то повернулась, но ее... не было! Точнее, она была, как теперь принято говорить, где-то в другом измерении. Другом пространстве. Он даже струхнул поначалу. Окликнул: «Лиль, Лиль, ты чего...» Она навела в глазах резкость:

– Ой, Паш...

И тогда он рубанул сплеча:

– Все, хватит загадок! Давай признавайся. Я готов ко всему. У тебя там кто-то остался? Кто-то более дорогой, чем я?

И опять она кинулась ему на шею... Но на этот раз он нашел в себе силу отвести от себя ее руки.

– Давай-давай, колись...

Лилечка сидела опустив голову. Молчала. Потом тяжело вздохнула:

– Паш, ты не согласишься.

– Поверю, куда ж мне деваться.

– Понимаешь, у нас с тобой все так быстро случилось... и я не успела тебе сказать...

– Вот и говори теперь.

Лилечка набрала полную грудь воздуха и выдохнула:

– Я, Паш... рассказы хочу писать. А потом повести...

Она, конечно, не надеялась, что Паша сразу все поймет. Но он молчал слишком долго. Так долго, что она уже пожалела о том, что сказала. Тоже мне – выдумали с мамой про какой-то талант... И та – с сигаретой – чего наводила тень на плетень? Рубанула бы сразу: нечего со свиным рылом – да в калашный ряд.

– Лилечка, а что же ты сразу не сказала? – произнес, наконец, супруг.

– А когда было, Паш? Я, правда, успела отвезти рассказы в журнал...

Да, она отвезла рассказы (именно рассказы – теперь она в этом была уверена!) и передала их из рук в руки сотруднику журнала. На этот раз это был мужчина, а не женщина. Он не стал их тотчас читать, следовательно, ничего не сказал ей о литературных способностях (мужчины – они сдержаннее женщин, во-первых, а во-вторых – может, там не о чем было и говорить?!), но попросил приписать внизу адрес и номер телефона. И велел ждать. Она и ждала – месяц, другой. А на третий встретила Пашу, и ей стало не до ожидания. Вернее, теперь ее ожидания стали другими: когда Паша позвонит, когда приедет, когда скажет те слова, которых ждут все девушки мира... А потом она решила, что любовь, обрушившаяся на нее неожиданно, как весенний дождь, дороже всяких рассказов. А уж когда родилась дочка...

– Брошу, Паш, брошу! Вот они, тетрадки – все в дачный костер побросаю!

Он опять долго молчал. Так долго, что в ответе, кажется, уже можно было не сомневаться. И все-таки она не угадала.

– Нет, Лилечка, так нельзя. Ты поезжай в тот журнал. Добейся ответа. Чего они так долго молчат?

Шелковые руки обвилились вокруг его шеи...

И вот она опять в том кабинете, и тот же мужчина сидит за заваленным бумагами (рукописями – знает теперь она) столом.

– Извините, столько всего приходит. Но я прочитал. И, знаете, пожалуй, мы их опубликуем – ваши рассказы.

У нее закружилась голова. И запыхлала щеки... Сама не помнит, как вырвался у нее вопрос:

– Скажите, а книжку... книжку я уже могу издать?

Брови собеседника поползли вверх.

А она-то надеялась! Она, дура, думала втайне, никому – ни матери, ни мужу не говоря: вот издаст она книжку, и у них с Пашей появятся деньги на уплату этой мучающей душу ипотеки! Пусть не все, пусть часть только, но все будет легче, и Паша перестанет вздыхать по ночам и ходить на вечные подработки.

Однако сотрудник журнала (и не просто сотрудник – редактор, как узнала она потом) не оставил ей никакой надежды.

– Вы знаете... нет, конечно, не знаете, поскольку никогда с этим еще не сталкивались...

Редактор отвел глаза в сторону окна и надолго задержал их там. Она заметила, какие они усталые, эти глаза (она, впрочем, сразу это заметила, только не хотела себе в этом признаваться, поскольку ей очень хотелось, чтобы он был энергичный, сильный, умеющий добиться осуществления любой цели, например, издания книжки никому не известной молоденькой авторши,

принесшей в журнал свои первые рассказы). Теперь она должна была признаться себе, что зря себя обманывала. А услышать ей предстояло следующее:

– Вы знаете, книжки сейчас издаются, конечно, но – за счет автора.

– Как... за счет автора? Сначала напиши, а потом еще и заплати – сама за себя? За свой собственный труд?

– Да, вот так. Как ни странно.

Редактор уже не смотрел в окно, смотрел своими усталыми глазами прямо на нее, и она видела, что ему ее жаль, но помочь, увы, он ничем не может.

Что оставалось Лилечке? Убираться восвояси. Кажется, редактор что-то еще говорил вслед, что-то все-таки про ее бесспорные литературные способности и еще про каких-то спонсоров, но ей уже ничего не хотелось слышать, хотелось одного – скорее остаться одной, чтобы в сплошном, беспросветном одиночестве испытать до дна чашу горечи, отчаяния и унижения. А она-то, дура, возомнила...

Краешком сознания все же отметила: вот они – литературные способности – под девятнадцатый век уже работает... Пьет не что-нибудь привычное и простенькое, а – «чашу унижения...»

Вечером она всем объявила:

– Чтобы я никогда, никогда не слышала больше ни про какие рассказы, ни про какие повести. Ни от кого! Ни от тебя, Паша, ни от тебя, мама. Все, замечано!

Замечывать и сметывать она теперь будет только выкройки. Вот это – ее. Ишь, возомнила. Поверила Анне Петровне, потом этой даме с сигаретой... Все-все, хватит!

Мужа и маму она, пожалуй, в этом убедила. А себя?!

Самой-то себе чего врать: душа болит! Еще как болит. Потому что кажется ей, что она предает не только себя. А кого-то еще, кто дал ей этот наказ: писать. И она просто обязана, нет – просто обречена на это неподъемное для ее нынешних сил занятие.

Задание дали, а про обеспечение силами забыли...

Или она и это должна понять сама – где взять их?

Да, где взять, если непонятно даже то, ради чего все это должно делаться? Вот прочитала недавно у кого-то (не вспомнить уж, у кого, читает ведь урывками и вперемешку), так вот, этот кто-то утверждает, что писать следует для того, чтобы сказать о жизни что-то новое. А разве это возможно? Вспомнить хотя бы Вознесенского: уж какой знаменитый, казалось бы, был поэт.

*Ты меня на рассвете разбудишь,
Провожать необутая выйдешь.
Я тебя никогда не забуду,
Я тебя никогда не увижу...*

Она захлебнулась, как в речке, у нее дыхание перехватило, когда услышала эти слова в первый раз: это было так красиво, так невозможно...

А потом – бац – Анна Петровна подсовывает ей скромный такой сборничек стихов: на-ка, почитай. Она принялась читать и натолкнулась на строки:

*Срываю вереск... Осень мертва...
На земле – ты должна понять –
Мы не встретимся больше. Шушит трава...
Аромат увядания... Осень мертва...
Но встречи я буду ждать.*

И это – прошлый век! Точнее даже, конец позапрошлого. И за такую толщу времени до появления поэта Вознесенского, совсем в другой стране поэт Гийом Аполлинер написал почти такие же строки! Ну, и как после этого набраться смелости и попытаться – хотя бы попытаться! – сказать о жизни что-то новое, если все уже сказано, и не один раз! И тут вовсе не пахнет плагиатом – просто жизнь идет и развивается по законам, которые одинаковы для всех людей на земле, к какой

бы национальности они ни принадлежали, в каком бы государстве ни жили, в какое время.

Как все это понять? Как приложить к себе?

Прав, тысячу раз прав был уважаемый ею писатель Виктор Астафьев, давший в одном из интервью совет: если можешь не писать – не пиши. И чего бы ей не послушаться умного человека?!

Лилечка перестала крутить ногами, уставилась в окно. В том-то и дело... в том-то и беда, что не может она забросить свои тетрадки в дачный костер. Хоть и дала слово – мужу, маме.

И – как дальше жить? Как?

Решение пришло легко и просто, как вздох: она будет писать тайком. Тайком от мамы. Тайком от Паши. Тайком даже от самой себя.

И – будь что будет!..

ЕВРОРЕМОНТ ПО-РУССКИ

Рассказ

Кипу внучкиных живописных шедевров я разделила на две части: безусловные шедевры и то, что было просто «пробой пера». «Пробой пера» я решила растапливать печь: все хранить – это где же места набраться? Родители решили, что наше провинциальное жилье безразмерное, – увы, оно тоже имеет свои границы...

Печка располагается в бане. А баня временно поменяла свое назначение: теперь мы не омываем здесь свои бранные тела, а... готовим пищу. Баня теперь выполняет функцию кухни.

Все началось с телефонного звонка мужа:

– Алло, приезжай скорей!

Три дня назад он провожал меня на родину – навестить родителей, и наказывал: «Живи, сколько хочешь, назад не торопись». И вот...

– А что случилось-то? Я же только уехала... только приехала...

– Понимаешь, я тут ремонт начал. Кое-какие вопросы надо решать вместе... и вообще...

Ничего не поняв (какой ремонт, если собирались – когда-нибудь! – всего-навсего переклеить обои?!), я все-таки выпросила еще три дня для общения с родственниками, а потом – никуда не денешься – стала собираться домой.

Конечно же, тогда я еще не представляла, куда возвращаюсь.

Читатель вправе удивиться. И даже возмутиться: чего наводить тень на плетень – уехала из дома, туда же и возвращаешься. При чем тут «куда»?

А вот при чем. Уезжала я из нормального, давным-давно обжитого дома, где все стояло, лежало, висело на своих привычных местах. Правду сказать, стояло, лежало и висело так долго, что вопрос о ремонте назревал уже давно, но... только лишь назревал, ничего решительного и определенного сказано и, тем более сделано, не было.

И вдруг...

Словом, когда я приехала домой и зашла на кухню...

Кухни как таковой уже не было. Было пустое помещение, без единого, присущего данному виду жилища, предмета. Попросту – голые стены. Хотя уже и не совсем голые. Потому что посередине безымянного на данный момент помещения стоял дядька в тельняшке и кепке и вдохновенно покидывал на стены куски сырой глины. Часть брошенного куска прилипала к стене, часть падала на пол.

Счастье мое было в том, что я не знала еще, сколько времени все это будет продолжаться. И сколько глины мне придется ежевечерне выгребать и выносить вон...

Приехала я веселая, вдохновленная встречей с родной и родными, и потому беззаботно предложила работнику («Митя, а хотите – Дмитрий Иванович», – представился он) поесть. Дружно мы похлебали сваренного на скорую руку супу. С этого момента баня, в которую муж предусмотрительно поставил электроплиту, и стала кухней.

Стояла ранняя осень, было тепло, и потому создавшаяся ситуация до поры до времени не очень меня напугала. Митя, Дмитрий Иванович, замешивал раствор и забрасывал им стены, выравнивая все сначала мастерком, а потом длинной прямой доской. Стены кухни и впрямь становились ровнее. А это было то, о чем мы больше всего мечтали, на что и купился супруг, встретившись с Митей у общих знакомых. Там Митя приводил в порядок ванну. И дело уже подходило к концу.

Конечно же, мастер был заинтересован в скорейшем обретении нового объекта, вот почему, оказавшись у нас на кухне, проявил недюжинный напор, уговаривая мужа не откладывать осуществления нашей голубой мечты в долгий ящик. «Клеить обои на эти колдобины? Да я вам такие стены сделаю – никакое зеркало не сравнится!» Так все и началось...

Шло время. Стены, как я уже сказала, действительно стали выравниваться, но – до чего же медленно все это происходило! Митя был немолод, работал один... А дни уже становились холодными, и, зайдя однажды в баню, то бишь на кухню, я поняла, что надо топить печь. Тут-то мне и попались на глаза внучкины рисунки. Убирая дом (осень же, время приборок перед близкой зимой), я поняла, что надо разгрузить шкафы. Так внучкины рисунки были разделены на безусловные шедевры и пробу пера. Конечно же, это мои термины – оценка труда любимой внучки любящей бабушкой. Вообще же на сей счет имелась и другая точка зрения: когда внучкина мама, а моя дочь, показала рисунки тринадцатилетней девочки профессиональной художнице, та безапелляционно заявила:

– Увы, случай совершенно безнадежный. У девочки нет даже скромных способностей.

Внучка приехала на каникулы, поплакала на бабушкином плече и сказала:

– Я буду рисовать все лето и научусь! Вот увидишь, бабушка...

И я увидела... Бедный ребенок (впрочем, почему бедный? Богатый – владевший им идеей, желанием творить!) все лето просидел за столом, изнуряя себя работой и изводя немыслимое количество бумаги. Бумага (плотная писчая, формат А4) у меня была, карандаши, акварельные краски, гуашь и кисти были закуплены. И вот – пробы, пробы, пробы... И вдруг... Конечно, только восторженная бабушка смогла назвать того ангелочка шедевром. Но он действительно мне понравился: боль-

шеглазое личико, белые крылья за спиной и сабелка в руках, такая славная, совсем нестрашная, не воинственная... За ангелом последовала девочка, много девочек – не на шаре, а на пуантах, в развевающихся одеждах, отчего их фигурки были невесомолетящими... Честно сказать, я думала, что на этом творческая фантазия моей ненаглядной внучки и закончится. Но опять: вдруг... За чередой летящих девочек возник портрет мальчика, и донельзя удивленная бабушка нашла в нем сходство с отроком Варфоломеем кисти Нестерова!

С той поры и пошли лица. Портреты. Тем летом почти все они были как раз пробой пера. Но когда дочка привезла уже зимние рисунки внучки («Учебу совсем забросила, рисует и рисует»), я убедилась: а дело-то продвигается!

Нынешнее лето она опять просидела, горбясь над столом, за которым в детстве рисовала ее мама. Внучкины рисунки (лица) впечатляли меня тем, что, глядя на них, можно было прочесть (угадать) многое из жизни тех, кого они изображали. Одни лица «рассказывали» о себе больше, другие – меньше. Но, может быть, я просто плохо «слушаю», и когда-нибудь...

Вот почему, сидя перед печкой и перебирая пробу пера еще и еще раз, я размышляла над вопросом: правильно ли я поступлю сейчас, приговорив ее к сожжению? Пожалуй, начну-ка растапливать печь газетами.

Пока огонь в печи нерешительно разгорался, я извлекла из стопки прошлогодних рисунков портрет: женскую головку с рыжими волосами и рыжим воротником пальто. Кажется, ничего особенного (прошлогодний же рисунок). Овал лица выписан нечетко (тогда она этого еще не умела), лоб срезан верхним краем листа (взялась рисовать, не сделав ни разметки, ни даже визуальной прикидки). Пышные волосы, конечно, затушевывают этот недостаток, а кроме того... кроме того, у рисунка было одно несомненное достоинство: у женщины оказались совершенно осмысленные глаза. Художница раз-

местила зрачки ровно посередине глаз, и рыжеволосая женщина находила меня в любой точке бани, где бы я не находилась: напротив нее, или стоя у стола, или сидя на лавке. Мое кухонно-банное одиночество закончилось... И я собиралась подвергнуть этот портрет сожжению?! О, нет – я украшу им интерьер, прикрепив кнопкой на стену!

Печь дымила безбожно, и скоро я поняла, что обогревать помещение придется все той же электрической плиткой. И это даже хорошо – меньше будет возни: воткнул штепсель в розетку – и все дела.

Все остальное было плохо. И с каждым днем становилось еще хуже. Мне надоело мыть посуду в тазу, вода на плите закипала так долго, что обед надо было начинать готовить сразу после завтрака, а ужин – после обеда. Жизнь приобрела однообразную и скучную форму, из которой, казалось, уже не вырваться...

Тут-то я и начала разговаривать с женщиной на стене.

Глаза мои обращались к портрету, можно сказать, поневоле. Куда ни повернись в маленьком замкнутом пространстве – вот она, рыжеволосая. Со временем я обнаружила в ней кучу других достоинств. Например, такое: ее осмысленные глаза были наполнены совершенно определенным чувством, а именно – добротой. Она смотрела на меня с сочувствием – а это было то, в чем я на тот момент больше всего нуждалась.

Я решила дать женщине имя. Из сознания почему-то выплыло: Клавдия. Но, в самом деле, почему? Такое имя чаще всего давали простой женщине из народа. А у этой много чего... непростого... Взять хотя бы губки – они сложены с достоинством. И почему я решила, что на ее плечах рыжий, под цвет волос, воротник? Это не воротник, это тоже волосы, бегущие по плечам. Просто создали они перехвачены резинкой, нет – брошью, потому что резинкой это благородное создание пользоваться не могло! И как только я это открыла для себя, то сразу же и заметила, какая у Клавдии длинная и тонкая шея –

еще одно доказательство ее благородного происхождения. Да и такое ли это простое имя – Клавдия? Была же у Андрея Белого – из эстетов эстета – жена, которую он любовно звал «Клавдинькой». В отличие от других, то и дело предававших странного человека и поэта женщин, эта всегда была ему верна и бремя совместной жизни несла с достоинством, пониманием и любовью. Вот и моя Клавдия – женщина, способная все понять.

...Пойми меня, Клавдия: я уже устала от этого внезапно обрушившегося на меня ремонта и не знаю, как дожить до его конца! А тут еще внучка позвонила, вникла в ситуацию и рассказала о подрузке, уехавшей в прошлом году вместе с родителями в Канаду. «У них, бабушка, теперь никакого быта нет. В смысле, проблем с бытом: так все продумано и удобно для жизни. А нужен ремонт – придут люди, все, что надо, сделают, а потом все уберут после себя – до щепочки, до соринки...» – «Ну уж это из области фантазии», – не поверила я, с грустью разглядывая груды скопившегося к вечеру на полу раствора... Что я: муж – организатор и затейщик всего этого дела – тоже устал и вчера даже сорвался до бранного слова. А что будет дальше?

Дальше супруг выдвинул прогрессивную идею: поскольку стены в кухне действительно становятся на удивление ровными, есть смысл сделать ремонт во всем доме. Но это, конечно, не сейчас, это как-нибудь потом, а сейчас надо только заменить обычные окна на пластиковые. Погода пошла на потепление, значит, надо пользоваться моментом.

Разговор происходил на кухне (в смысле, в бане). Я посмотрела на Клавдию Аполлинариевну (да-да, такой женщине негоже быть без отчества, и пусть она будет Аполлинариевна, – решила я. – Пусть хотя бы отчество у нее будет откровенно благородного свойства...). Посмотрела – и получила примерно такой совет: видишь, муж на взводе, перечить ему в такой ситуации опасно. Да и идея-то

здвая: действительно, ремонт в доме надо начинать с окон, чтобы не клеить потом обои во второй раз.

– Ну, что же... ищи ребят. Договаривайся.

Ребята нашлись быстро. Их было трое. Вожак (и это не преувеличение: встретить такого в лесу – испугаешься, потому что внешний вид – словно вчера из лагеря, не из пионерского, конечно). Второй парень, слава Богу, вполне нормален: широкоплечий, широкозатый (вот и хорошо – почнет рамы покидывать, аки перышки). Да и имя у парня хорошее – Димой зовут. Третий молодец, напротив, телосложения хрупкого, зато вежлив и предупредителен невероятно: можно ли у вас попросить водички... спасибо, вы очень любезны...

Ребята сделали замеры и уехали делать рамы, обещав быть через три дня.

Прошли три дня. Прошла неделя. Я с тревогой поглядывала на небо: сейчас уже не только дождя, но и снега ждать можно...

На десятый день ребята, наконец, объявились. «Извините за задержку. Доканчивали работы на прежнем объекте. Не беспокойтесь – все будет сделано быстро и хорошо. Качество работ – европейское».

В самом деле: ребята шустро принялись выставлять, а точнее сказать, выбивать старые косяки и рамы. Уже к середине дня дом зиял провалами бывших окон. Тут же были привезены и пластиковые рамы: беленькие, чистенькие, оклеенные синими полосками бумаги – чтобы пыль или грязь ненароком не пристали. Воодушевленная темпами работ и видом европейских (тут уж я с ними была согласна) новых окон, я летала из дома в баню, то бишь на временную кухню, легкрылой птицей. Да я и ребят покормлю сейчас... чего им время на обед тратить... Пока в кастрюлях булькало, не выдержала, пошла в дом: а вдруг там хотя бы одно окно уже вставлено?

Войдя в комнату, где шла работа, я увидела странную картину: специалисты по евроремонту... резали стену. В прямом смысле. Каким-то могучим аппаратом...

– Ребята, это что?! Это зачем?!

Широкоплечий Дима, не обращая на хозяйку никакого внимания, продолжал резать стену, а вежливый Вадик принялся успокаивать:

– Вы только не волнуйтесь, все будет хорошо.

– Да, но почему...

– Понимаете, мы немного ошиблись в расчетах: новые окна оказались на пять сантиметров больше прежних. Но вы не волнуйтесь...

На ватных ногах я вышла на улицу. Вот вам и европейское качество... Это у них, в канадах... а у нас...

А тут и супруг объявился – приехал на обед.

– Ты... в курсе?

И бранного слова опять ожидала, и злости, и гнева, а в ответ раздалось спокойное:

– В курсе, в курсе.

– И – что теперь? Весь дом будут резать? Мы к новому году кончим это дело? И вообще – у нас теперь будет дом или Пулковская обсерватория? Установим телескоп и станем наблюдать звезды. Помех-то теперь почти и нету.

На юмор меняхватило, на выдержку – нет. Заревела, побежала в баню... то есть на кухню... Европейское качество... куда нам... А еще собиралась читать внучке мораль: как тебе не стыдно завидовать уехавшей подружке, если ты нарисовала такого мальчика... Ты всмотришься лучше в пейзаж на картине Нестерова – какая там Русь: задумчивые холмы и речка с бирюзовой водой, а листочки на березке – как свечечки, и два деревца между святым старцем и отроком: маленькая сосенка, беззащитная и трогательная, как ребенок, и другое, сломанное. Кем? И зачем?.. Столько красоты и смысла во всем – даже дух захватывает!

Но сейчас, в этот вот именно момент, от другого захватывает дух – от нашего неумения жить и работать по-человечески...

Клавдия Аполлинариевна смотрела на меня с укором. И взгляд ее говорил: ну-ну, не ожидала от тебя та-

кого... так близко принимать к сердцу... Вспомни хотя бы Карлсона, его «пустяки, дело житейское...»

И впервые я рассердилась на свою Клавдию: а я-то тебя считала умной, интеллигентной женщиной, способной понять и разделить чужое горе...

«Горе? – тут же сказали ее глаза, а губы вдруг стали ироничными. – Ты не преувеличиваешь?..»

Зашел супруг.

– Ну, что с ними делать теперь? Судиться? Тогда мы действительно к новому году в дом не войдем. К тому же свою промашку они понимают: обещали все сделать по самым низким расценкам.

Я опять посмотрела на Клавдию Аполлиналиевну. Она, кажется, едва заметно мне подмигнула: ну? Вы не Рокфеллеры? Нет. Вот и соглашайся. Если рассудить здраво, в больших окнах есть даже свое преимущество – в доме будет больше света.

Пока же было больше работы: раскошенный кирпич в комнатах дома летел на пол, пыль стояла столбом. Я с ужасом думала о белье и одежде в шкафах, о диванах и полках с книгами. Конечно, я приняла меры по их укрытию, но что они дают мало результата, точнее, дают результат совершенно ничтожный – уже поняла.

А тут еще... Отвлеченная окнами, я стала реже заходить на кухню (настоящую, не банную) и однажды обнаружила, что Митя уже заканчивает стену, на которой мы с мужем договаривались поставить дополнительную розетку. Сколько живем – столько пользуемся на кухне одной-единственной розеткой, на которой «висят» холодильник, светильник, приемник, аппарат для измерения давления. Договор был – пользуясь ремонтом, поставить еще одну розетку. Я предвкушала счастье маленького удобства: убрать, наконец, лежащий на полу удлинитель и все идущие к нему провода. И спокойно мыть пол, не путаясь тряпкой в проводах. И вот...

Конечно, виновата сама: проворонила время, когда он смотрел на ту же проблему первоначально, то есть намеревался поставить еще одну розетку. А теперь:

– Это твоя очередная блажь и каприз! Я устал исполнять все твои прихоти!

А я? Я не устала?! Я потому и упустила нужный момент, что устала думать обо всех этих окнах, розетках, мусоре, кастрюлях и тряпках... Это мучительно, в конце концов, постоянно думать о пустяках.

– Вот! – неожиданно услышала я. – Ты произнесла ключевое слово. Именно: пустяк – то, из-за чего ты сейчас страдаешь. Согласись с Карлсоном...

Я опустила на банную (кухонную) лавку и спросила себя, не поехала ли у меня крыша. Я уже слышу голоса несуществующих особ? Нет, надо как-то от всего этого отвлечься, так и вправду можно сойти с ума. Вот – пойду и сяду за компьютер, посмотрю, что мне ответила Лариса. Я не стала говорить внучке, что в Канаде у меня тоже есть «свои» люди, и не кто-нибудь, а подруга детства. Дети у нее выучились и, намучившись с поиском работы в родной стране, нашли ее за рубежом, а через какое-то время и родителей забрали к себе. И живет моя Лариса в Канаде уже не меньше десятка лет и, значит, составила о стране даже более четкое и полное представление, чем внучкина подружка.

Но сначала я позвоню самой внучке. Или даже лучше ее маме, которая решила вновь показать дочкины опусы (так она называет ее рисунки) все той же художнице.

Голос дочки был растерянным. «Ну, что, что?» – то-ропила я.

– Она сказала: «Бывает же такое... Поздравляю. У вас талантливая девочка».

Каким счастьем разлились эти слова в моей истерзанной ремонтными переживаниями груди! Талантливая девочка... Значит, надо этот талант развивать! Развивать, не растрачивая время и силы на преодоление разного рода житейских трудностей! У них, у детей, их

тоже немало. Господи, может, и вправду надо бежать из этой страны?!

Что там ответила Лариса? Скорее всего, она найдет эти соображения разумными. Потому что до сих пор ее рассказы о своем заграничном житье-бытье были восторженными: «Мы с мужем объехали всю Европу, побывали в Америке. Зарплата детей и наши с мужем пособия позволяют путешествовать по всему миру...»

Живут же люди... Ах, Лариса, целую жизнь ты просидела в библиотеке, и твоей зарплаты хватало только на то, чтобы навестить родителей. Зато теперь... Ну, что, что ты мне сейчас скажешь?!

Бывшая библиотекарьша отделалась стихами:

*Над Канадой небо синее,
Меж берез дожди косые,
Хоть похоже на Россию,
Только все же не Россия...*

И больше – ни строчки...

ДВЕ ЗАБЫТЫХ СТРОКИ

Рассказ

Она уже красила губы – наносила последний штрих перед уходом из дома, когда дочь вышла из своей комнаты и остановила ее вопросом:

– Ты куда?

– Как куда? На работу.

– А говорят... говорят, ты по посадкам с районным начальством шалашуешь.

Кира замерла, потом стала поворачиваться к дочери – медленно-медленно, в надежде, что та, пока она это делает, успеет сказать что-то другое. Но другого не прозвучало. И тогда она обрушила на нее свой гнев:

– Да как ты смеешь? Что ты можешь понимать в отношениях взрослых людей?

Дочь раздумывала недолго:

– Согласна: я многого не понимаю. Не понимаю, например, как ты могла предать отца, как не побоялась выставить на посмешище нас обоих.

Иркину речь прервала звонкая пощечина. Это она ударила дочь. Впервые в жизни. По лицу...

И впервые в жизни не шла, а тащилась на работу, в свой фельдшерско-акушерский пункт. А временами даже останавливалась, незряче глядя перед собой и задавая себе какой-нибудь нелепый, с заранее известным ответом, вопрос. Например: Ирка и вправду осмелилась т а к о е сказать? Или: откуда ей знать? Или: что теперь делать, как жить дальше? Вот на последний ответа пока не находилось. Осмелилась – понять можно: дочь всегда была независимой и прямой в суждениях (сама же ее этому и научила!). Откуда знать? Да в селе все у всех

на виду. У Ирки подружки, у подружек матери, не особо стесняющиеся в выражениях при своих уже не маленьких дочерях. Ох, уж эти местные нравы...

– Кира Андреевна, скорее!

Кричала уборщица, Клава.

– Что... случилось? – почти равнодушно поинтересовалась она.

– Звонят и звонят. Василию плохо.

Сделав над собой усилие, заставила себя сказать:

– Значит, я пошла к Зыряновым. Кто придет – пусть подождут.

Работа ее всегда выручала. Закрутишься в ее круговороте – и мысли приходят в порядок. Что неважное – отступает, отходит на второй план и уже не застит глаза. А на первом – сбить давление, сделать перевязку, укол. Да мало ли... Хорошо хоть роды принимать не приходится – на это районная больница есть. Но вот наблюдать тяжелых больных она обязана. Василий – из таких. Операцию ему даже не в районе – в области сделали, а на долечивание отправили домой. А долечивание идет плохо. Возраст... Жена сама не совсем здорова, то готовится поесть, то махнет рукой: не барин – вон молоко с хлебом. А ведь ему резекцию желудка сделали.

– Ну, а проветривать жилище кто будет? – это она даже прежде приветствия сказала, до того в доме было душно.

– Все тебе не так, Андреевна. Городскими привычками живешь. Никак ты к нашей жизни привыкнуть не можешь.

– Это не мои привычки, это элементарные санитарные требования. Тем более что в доме больной.

– А я не больная? – вскинулась Зойка. – Меня самое хоть в больницу вези. Чего его там-то не долечили? Не-е-т, выкинули домой. Спасайся, как можешь. А не можешь...

Кира – внутри себя – привычно возмутилась: вот и опять эти местные нравы – мужу сейчас хуже, чем ей, им надо заниматься всерьез, а жена...

Но, уже набрав обезболивающего в шприц, вдруг замерла: а она? Она сама?.. И тут же себе приказала: хватит нюнить! Она дело делает! Спасает человека!

– Василий Игнатич, повернись чуток... Вот так, сейчас будет легче. А вообще, Зоя Петровна, попросите кого-нибудь зарубить курицу, сварите мужу бульон. Еда для него сейчас – то же лекарство.

– Во-о-н чего... Ладно, сварганю. Мне-то лекарства получше не подберешь? То помогают, а то...

– У вас хорошие лекарства. Пейте регулярно, не пропускайте ни дня. До свидания, будьте здоровы.

– И тебе того же...

Зачем она оглянулась назад, на окошко Зыряновых? Но вот оглянулась, и показалось, что хозяйка дома смотрит ей вслед – насмешливо...

И опять она наедине со своими мыслями. Пожалуй, сегодня даже работе не навести в них порядок. Дочь все перевернула, перемешала, превратила в хаос. То, в чем она была уверена еще вчера... а в чем она была уверена вчера? Да в том, что все, что она делает – обсуждению, а тем более осуждению, не подлежит! Все и всегда она делала правильно. Даже тогда...

Окончив медучилище, большинство ее подруг всеми правдами и неправдами старались остаться в городе. А она сразу решила поехать в село. Возможно, конечно, ей польстило предложение директрисы: «Ир, звонили из Васильевки – самое большое пригородное село осталось без фельдшера. Ты же у нас была одна из лучших, можно даже сказать, самая лучшая. Как бы тебе там обрадовались! Может, рискнешь?» Можно было отказаться, но она решила: рискну!

Мама, сама медицинский работник, завздыхала: и что ты в этом селе будешь делать?

– То же, что и ты в городе, – работать. К тому же мне обещали жилье. В перспективе.

– Вот именно – в перспективе. И насколько она растянется?

«Да насколько бы не растянулась, – думала она про себя. – Пора уже самостоятельную жизнь начинать...»

Однако ждать новому фельдшеру пришлось недолго: в колхозе (тогда он уже назывался то ли ТОО, то ли другой какой-то аббревиатурой) сдали многоквартирный дом, и она, Кира, получила ключи от квартиры. Как потом оказалось – очень вовремя, потому что больше в хозяйстве уже ничего не строилось. А тогда... Тогда она, счастливая и гордая (получила, получила крышу над головой и даже раньше, чем думалось!), быстро вышла замуж. Словом, все складывалось хорошо. Если бы не одно «но». Мамино опасение «что ты там будешь делать» со временем вылилось в конкретное понимание: среда, в которой ей теперь предстоит жить и работать, ей, Кире, совсем не по душе. Да, свежий воздух, красоты природы, физический труд – если в меру, если не перенапрягаться – это хорошо. Но вот местный народец... Поначалу она даже не могла сформулировать своего отношения к нему, пока однажды стало ясно как день: люди, среди которых она теперь живет, не знают, что такое счастье! Не знают и, самое главное, не хотят знать. Их вполне устраивает давно установившийся порядок существования: день отдай полю или ферме, вечером иди на свой огород и обиходи скотину, за ужином поинтересуйся у детей: уроки-то сделали, оглоеды? А ночью... ночью они храпят, друг от дружки отвернувшись, а если и повернутся... все происходит просто, как у случающихся на улице собачонок...

Выручала Киру как раз работа: приходишь в дом, и они, местные, глядят на тебя как на спасительницу: помоги, вылечи здесь, не заставляй ездить в район – вон сколько у нас делов. «Не делов, а дел», – поправляла она поначалу. Потом махнула рукой: да говорите вы, как хотите. А она будет – как считает нужным.

Когда родилась дочка, стало легче. Верней, труднее – в смысле забот и хлопот. Зато некогда стало раздумывать на тему: правильно – неправильно, вернуться – не вернуться... А когда все-таки заикалась на эту тему, муж устало обрывал: Кир, у меня сейчас пахота... сев... уборка...

В селе у каждого, кроме имени, свое прозвище. Ее Валентина за глаза звали Вальком. Подростающая дочка однажды спросила: мам, а что это такое – валеk? Конечно, откуда ей знать, что когда-то, до эпохи стиральных машин, этим нехитрым изделием из дерева женщины выколачивали на речках белье – чтобы оно лучше отстиралось. Ни на что другое валеk не годился. Так что ее Валеk – и вправду валеk. Нет, он не ленивый, всякую работу пусть и не торопко, но делает. А вот по характеру, по темпераменту – точно валеk: где положила, там и найдешь. Разве сейчас время таких людей? Разве такие могут чего-то добиться в жизни? Когда эти мысли начинали мучить ее, она себя укрощала так: в конце концов, в городе она могла вляпаться в такого же валька. И ничего-то, ничегошеньки в своей жизни она менять не собиралась. Пока не случилось это...

На одном из районных совещаний – ни повестки дня, ни его задачи сейчас уже не вспомнить – она поймала на себе взгляд незнакомого симпатичного мужчины. Кажется, этот взгляд перехватила и фельшерица из соседнего села Валя Уварова. И поспешила шепнуть:

– Знаешь, кто это? Новый начальник РУСа. Старый на пенсию ушел, взамен прислали этого. Видишь, какой красавчик-молодчик...

Помолчав, еще и сочла необходимым добавить:

– А жена к нему, между прочим, пока не приехала.

Совещание шло своим чередом, и она, Кира, время от времени ловила на себе все те же взгляды. «Красавчик-молодчик» не просто смотрел – он словно бы еще и улыбался – все теми же глазами. А когда все закончилось, и народ заспешил к своим автобусам и маши-

нам, обладатель улыбчивых глаз неожиданно оказался рядом. И сказал ей, как давней знакомой:

– А давайте я вас подвезу? Вы из какого селения?

Так и сказал: не села, а селения. Словно шутя, словно давая ей возможность отнестись к его предложению так, как захочется: всерьез или не совсем. А она... она вдруг почувствовала себя ребенком, за которым не следят отлучившиеся из дома родители. И, значит, можно позволить себе любую вольность, любую шалость. И почему бы ей не принять приглашение этого ну очень симпатичного и, главное, уверенного в себе (не в пример другим!) мужчины с улыбчивыми глазами?

Свободой они воспользовались тогда на всю катушку... и пользовались еще не раз...

Чем она оправдывала себя? А вот теми, неожиданно всплывшими в памяти строчками:

*Любовь оправдывает все,
Как цель оправдывает средства...*

В том, что это была любовь, она не сомневалась. Почему так неожиданно нахлынула? А разве она, замужняя женщина, могла ее ждать? Почему так молниеносно ими овладела? Да потому, что налетела, как вихрь. Почему она нисколько ей не сопротивлялась? Да потому что надоело вот это: спать, отвернувшись друг от дружки. Ей выпало счастье познать нечто другое... Она уже сто лет не ощущала мужского прикосновения, от которого дрожит и блаженствует каждая клеточка тела. А у души вырастают крылья. Этими крыльями она готова обнять весь мир – обнять, согреть и защитить от всякой беды... Да способен ли кто-то из тех, среди кого она вынуждена теперь жить, испытать подобное чувство?!

Чувство это было таким огромным, что им хотелось даже поделиться. С кем? А что, если... с дочерью? – пришла ей однажды в голову сумасшедшая мысль. Девочка закончила восьмой класс – возраст, когда мы приме-

риваем на себя взрослые чувства. Вот она и скажет ей: доча, настоящая любовь – это – не обманись! – не только когда ликует тело, но когда ликует душа! Да, душа!

...И вот – поговорили.

Рабочий день подходил к концу. Сделаны перевязки и инъекции, розданы лекарства и рекомендации по их применению. Теперь предстоит вернуться домой...

Дочка, пока они были одни, молчала. И она молчала. А когда вернулся с работы отец, сделала вид – спасибо, умница! – что между ней и матерью ничего не произошло. Вместе поужинали, полили огород. А совсем перед сном сели на крылечке поболтать – это случалось, когда муж приходил домой пораньше. Кире сегодня не говорилось, зато оживленно щебетали отец с дочерью, обсуждая важную проблему: заводить или не заводить кроликов.

– Но ты же понимаешь, дочь, что они жрут почти постоянно. Значит, и еду им надо поставлять соответственно.

– Ну и что, я готова. Что у нас, травы мало?

– Травы-то достаточно, а вот как с трудовым энтузиазмом?

– Не сомневайся, папочка, я управлюсь.

Валек изредка поглядывал на жену, и Кира решила сказать свое веское слово:

– На меня не рассчитывайте, у меня своих забот....

– Никто и не рассчитывает, – спокойно, но с каким-то тайным подтекстом, вела свою линию Ирка, и отец, никакого подтекста, конечно, не уловив, решил подвести черту:

– Все, решено и подписано. В конце концов, свернуть это дело можно также легко, как и начать.

Вот именно... Ничего другого от валька она и не ожидала...

Пора было расходиться спать; Ирка обычно уходила первой, а тут чего-то медлила. Сидела, уставившись глазами в темноту. И вдруг...

*Любовь оправдывает все,
Как цель оправдывает средства...*

Кира напряглась: неужели это сказала дочь? Неужели случилось невероятное – она ее все-таки поняла?!

И тут оказалось, что радовалась она рано. Потому что потом из Иркиных уст прозвучало:

*...Но мне подсказывает сердце –
Не все оправдано, не все...*

Дочь поднялась со ступенек и непривычно устало для своего девчоночьего возраста произнесла:

– Ну, я пошла спать. Спокойной ночи, родители.

Какое уж там спокойной! Мучительней ночи в ее жизни, пожалуй, и не было.

Супруг, конечно, сразу же захрапел (или сделал вид, что захрапел?), но сегодня Кира была этому даже рада. Она лежала, боясь пошевелиться, словно малейшее ее движение могло разбудить, растревожить мужа, и – кто знает – на какой спровоцировать вопрос. Да и не хотелось двигаться. Она чувствовала себя как неожиданно попавший в капкан зверек: чем меньше шевелишься, тем меньше боли.

Это что же получается: то, что она хотела преподнести дочери как возвышенное чувство, как любовь, в ее, Иркиных, глазах выглядит как обыкновенная измена. Более того, как предательство. Как такое могло случиться?.. И что теперь все-таки делать – отрубить, отрезать, зачеркнуть все, что так неожиданно появилось в ее жизни? Но ведь это значит – отказаться от счастья!

От счастья? Но счастье должно приносить радость, а она чувствует себя – несчастней некуда. То, что ее не поймет село, да хоть и целый мир! – ее мало волнует. Но то, что не понимает дочь... Ведь это прозвучало как приговор:

*Но мне подсказывает сердце –
Не все оправдано, не все...*

Она и сама всегда знала, что за первыми строчками стихотворения следуют еще две, вот эти. Почему она вовремя не вспомнила их? Не вспомнила или – не захотела вспомнить? Решила, как это было всегда, что сама умнее всяких там строк. Что она не может заблуждаться и ошибаться. Что ей никогда ни в чем не придется себя за что-то корить и винить...

И отчего ей вспомнилось сейчас давнее, совсем не имеющее отношения к тому, чем она терзается в эту мучительную ночь, событие? Даже не событие, а – так, незначительный штрих, маленький эпизод из жизни. Она уже успела какое-то время поработать в селе, успела убедить людей, что дело свое знает и выполняет очень даже неплохо. В селе намечалась свадьба, а жених незадолго до этого радостного события сломал руку. Ей пришлось оказывать ему первую помощь, и все она сделала так грамотно, что пострадавший быстро пошел на поправку, в результате чего благодарные молодые пригласили ее на свое торжество, причем вместе с приехавшей погостить у нее матерью. Все было, как обычно на сельской свадьбе: гости ели, пили, пели и танцевали до упаду. Кира снисходительно поглядывала вокруг себя и немного скучала. Уловив это, мать невесты пригласила их с матерью в свой уголок, где сидели немолодые уже люди, ее подружки. Они тоже смотрели на молодежь и тоже, кажется, немного скучали. Одна из них даже вздохнула:

– И что за песни нынче поют? Ни уму ни сердцу. Ксюша, Ксюша, юбочка из плюша...

Кире стало еще скучнее: ну, завели... Она не смогла удержаться от замечания:

– Да что вы глупости говорите? У всякого времени свои песни. Вам нравились ваши, а нынешней молодежи – свои.

Мама дернула ее за руку: помолчи, мол. Но она сочла необходимым еще и добавить:

– Ваши песни нравились вам, потому что вы были тогда молоды – вот в чем причина.

Женщины переглянулись между собой, но возражать не стали. И она решила, что все с ней согласились. Она была уверена в этом до тех пор, пока однажды, собираясь на работу, не выхватила из телящика фразу: «Современная эстрада – это такое безвкусице, такой примитив...» «Вот еще один любитель старинных песен нашелся», – с досадой подумала она. И вдруг в недоумении застыла: фразу произнес очень популярный и, главное, уважаемый ею певец. Не любитель, как подумала она поначалу, но как раз-то знаток, профессионал, имеющий полное право судить о песенном искусстве. Что еще ее впечатлило – певец не побоялся высказать критику в адрес таких же, как он, исполнителей современной песни.

А потом случилась эта история с «Голосом». У телевизора Кира сидела редко. Эти вечные ток-шоу – треп на политические темы, иногда даже с мордобитием... это вечное копание в грязном белье так называемых звезд... Бр-р-р... «Голос» был редким исключением из правил. И вот в одной из таких передач совсем юная девушка запела вдруг «Белым снегом» – песню, которую, возможно, Кира слышала впервые даже не от мамы – от бабушки. Ее поразило, как трепетно выводила певица эти простые – проще некуда – слова, эту несложную – проще некуда – мелодию... Душа отзывалась на каждый ее звук... что-то вспоминала... о чем-то грезилась... на что-то надеялась... Как удавалось это юной певице, совсем девчонке? Да ведь как раз потому – поняла вдруг Кира – что ее собственная душа оказалась в плену старинной песни!

Значит, они были правы, женщины на той свадьбе? – спросила сейчас она себя. И ведь что удивительно – ни слова укора не сказали ей тогда в ответ! Вообще ниче-

го не сказали. Только опустили глаза. Словно им стало стыдно.

А ведь и стало... за нее! – обожгло ей щеки запоздалым прозрением...

Все, хватит! – осадила себя Кира. И сама себе приказала: спать! Ишь разнюнилась, распустила себя.

Очень кстати припомнилась ей в ту ночь еще одна, обнадеживающая поэтическая строчка: «Только ты не страдай в одиночку, пожалуйста...» Да – почему она страдает в одиночку? Не пора ли подключить к этому мучительному занятию еще одного человека?

Как замечательно, что цивилизация дотумкалась до мобильных телефонов! Звони, когда хочешь, откуда хочешь. Вот хоть с той улицы райцентра, на которой она оказалась сегодня, очень кстати вызванная в райздрав.

– Алло, Виталь, ты меня слышишь?

– Да.

И молчит. И не слышно привычного «дорогая...»

– Что случилось? Почему ты молчишь?

– Видишь ли... приехала жена.

– И – что?

– Ну, ты же умная женщина. И должна понять...

Машинально нажав кнопку отбоя, она какое-то время стояла ошеломленная. Словно ее обдали холодной водой. Или, напротив, кипятком... А потом пошла, сама не зная куда. Она – умная женщина – что-то должна понять. Самостоятельно. Без помощи того, на кого вдруг почему-то возложила надежды...

Непонятно как она оказалась в храме. В Васильевке церкви нет, а здесь, в райцентре – пожалуйста. Пришла, как сомнамбула, и остановилась в дверях. Старуха, стоявшая неподалеку, подошла ближе и прошипела: «Что без платка? Вон – косынки лежат, возьми и покрой голову».

Подчинившись повелительному голосу, Кира пошла вперед и сделала то, что велели. И застыла посреди

храма соляным столбом. Просто стояла и слушала церковный хор, ни о чем не думая, отделившись от целого мира. Через какое-то время заметила, что в левой стороне храма батюшка принимает исповедь. Пойти? Но – зачем? Разве она не знает, каким словом священник назовет то, что с ней произошло? Ей это слово давно и хорошо известно. Единственное – ей никогда не приходило в голову, что когда-нибудь его придется произнести в... собственный адрес. Как Божий день (вот именно – Божий, а какой же еще?!) стало ясно: улыбчивый Виталий ее предал. Но сначала он предал жену. А у нее, умной, все же не хватило ума сообразить, что если мужчина предал одну женщину, то почему следующей не может оказаться она? Она что – какая-то особенная, из тех, кого нельзя предавать? Да в этом-то все и дело: она решила, что имеет право. Право на такие отношения... Другие – не имеют, а она – имеет...

Тронула щеки – они были мокрыми. Такими мокрыми, что хоть выжимай. Скорее, скорей отсюда...

Старуха-Цербер в дверях опять успела ее достать:

– Чего реветь-то? Придешь домой – и реви. А здесь води себя, как положено.

Она покорно слушала, удивляясь себе: чего не осадит старушенцию? Почему позволяет читать ей нотации? А та вдруг смиростивилась, сказала едва ли не жалеючи:

– Думаешь, у других меньше горя, других меньше гложет? И к батюшке зря не пошла... Косынку-то, ко сынку оставь.

Кира вернулась, чтобы положить косынку на место. И опять застыла на месте, сухими уже глазами посмотрев вокруг себя, на тех, кто стоял в храме. Ее вдруг пронзило: а ведь я такая же, как они. Как все. Может быть, не хуже, но наверняка и не лучше.

И – странно – душа эту мысль приняла. Ей даже не стало от этого больней. Кажется, даже легче стало...

КОРАБЛИК ЗОЛОТОЙ

За окном идет дождь. Прямо среди зимы. Как не зимы, если она наряжает елку. Елку – это, конечно, громко сказано: вот уже не первый год муж привозит из леса еловую ветку, они ее ставят в вазу и украшают, – зачем большая елка, если дети давно выросли и уехали из дома?

Она отыскивала подходящую веточку для очередной игрушки – кораблика из картона, когда из памяти вдруг выплыли строки:

*Плывет, плывет кораблик,
Кораблик золотой,
Везет, везет подарки,
Подарки нам с тобой...*

Боже, сколько лет она их не произносила...

*На палубе матросы
Свистят, снуют, спешат.
На палубе матросы –
Четырнадцать мышат...*

Кораблик из картона действительно был золотым – более чем наполовину, а внизу, где, по идее, его должны омывать морские волны – почему-то розовый. Не синий и не бирюзовый. Это, наверное, потому, что елочная игрушка предназначена все-таки больше для детей, чем для взрослых. А у детей все по-своему, все по-другому. У них даже вода может быть розового цвета.

А потом неожиданно нашлась эта тетрадка – толстая общая тетрадь, которую она тоже не открывала мно-

го-много лет. Сначала было некогда – одолевали дела, которые казались более важными. Теперь же свободно-го времени (пенсия!) навалом, читай да читай. И она нырнула в тетрадку – как в ту розовую воду...

– Мам, я хочу подарить тебе цветочек. Это будет твой праздник. А это папин. А это мой.

Господи, неужели все это было?! Она до сих пор помнит, где и когда услышала эти слова: они с дочкой гуляли в парке; стояло лето, вдоль дорожки, среди травы, росли неприхотливые полевые цветы. Дочка сорвала один из них и протянула ей: «Я хочу подарить тебе цветочек. Это будет твой праздник». Потом ей захотелось одарить праздником и папу, и себя, и она сорвала еще два цветочка. Как просто, легко и щедро она дарила тогда счастье...

Братику такого подарка сделать она еще не могла – он появится на свет через месяц. И пока она, мама, записывала в тетрадь только дочкины перлы.

– А солнышко уже ложится спать? Мам, а у солнышка нет подушек, да? А у нас есть подушки.

Я и сейчас слышу этот голосок – в нем любопытство, радость и удовлетворение: как же это хорошо, когда у тебя есть подушка, на которую вечером ты можешь положить голову и спокойно уснуть. После того, как мама прочитает сказку...

А во время другой прогулки дочуру заинтересовали каменные олени:

– Мам, а олени как разговаривают?

– Хр-р-р...

– А как разговаривают муравьи?

– Никак, они не умеют говорить.

– А когда они научатся?

В самом деле: ей три года, и она уже все-все может сказать. А муравьи – когда научатся они?..

Новые записи появятся в тетради через очередные три года – появившийся на свет братик к этому времени тоже научится выражать свои мысли. И теперь она записывала уже за обоими.

Закрыла глаза и ясно увидела: вот они втроем идут по дорожке; дочь – в зелененьком пальтишке с капюшоном, четким, как у солдатики, шагом; сынуля, маленький увалень, едва поспевает за ней. Его внимание привлек котенок, про которого она только что сказала, что котенок, кажется, простыл и поэтому у него пропал голос.

– Да, я слышу – он маленьким голосом говорит. А большой где-то потерял...

А однажды они гуляли до позднего вечера, на небо уже выплыла луна. Сын смотрел-смотрел на нее, на темные пятна на ее поверхности, и вдруг спросил:

– Мам, а что – на луне детки тоже в песочек играют?

Наверное, конкретика детям по душе больше, чем всякие там гипотезы или даже рациональные объяснения. Может, так легче понять мир, в который они пришли? И который надо понять, чтобы знать, как в нем ориентироваться и жить.

Вот такая интересная запись в начале тетрадки (значит, это тоже из дочкиных перлов). Однажды в садик ее повел отец. Потом рассказывал:

– Нашел в кармане две монетки: одно- и двухкопеечную. Говорю: вот у меня в руке три копейки. Дочь посмотрела внимательно и говорит: «Да нет же – две». Пробую ей объяснить, что одна из монеток представляет собой сразу две копейки. Она слушала-слушала и вдруг говорит: «Как же в одной монетке могут быть две копейки? У нее что, детки есть, что ли? И они там живут все вместе?»

Вот... Тогда, когда делались все эти записи, у них так и было: они были все вместе. Папа, мама, двое детишек. И все – в одной «монетке». И как же они все любили друг друга! Все, потому что им, родителям, казалось, что и детки их любят также. И что любви этой хватит на целую жизнь...

Нет, все-таки дождь среди зимы – это неправильно, это нехорошо. Это так же неправильно, как наступив-

шая разлука с детьми. Ну, не совсем разлука – они регулярно обмениваются эсэмэсками, а то и разговаривают по телефону, но что это за общение! «Как ваши дела?» – «У нас все хорошо...» Однажды она не выдержала и сорвалась: «Что хорошо, что хорошо? Можно же рассказать подробнее...»

На подробнее времени у них не хватало. Взять хотя бы нынешнюю ее попытку пообщаться. Повод для этого, казалось ей, был серьезный. Случилось невероятное: в их маленький городок приезжала съемочная группа из центрального телевидения, чтобы снять сюжет о жизни провинциального поэта. Точнее, поэтессы, с которой она много лет общалась и даже, можно сказать, дружила. Глаголы приходится употреблять в прошедшем времени, потому что... потому что рано или поздно их приходится употреблять таким образом по отношению ко всем. Ей очень хотелось, чтобы этот телефильм дочь посмотрела тоже. Почему? Потому что если сын живет теперь в другом городе, то дочка – в другой стране. И разве не интересно ей посмотреть на то, среди чего она так долго жила и что, надо думать, искренно любила? А, кроме того, она знала и любила стихи, написанные героиней телевизионного сюжета. Разве ей забыть, как однажды она зашла в комнату дочери (дети еще жили дома), а старшеклассница дочка сидит и плачет. И на коленях у нее – маленький сборничек стихов. «Ты чего, дочь?» – «Мам, здесь такие стихи...» Это были как раз стихи героини телепередачи...

Да, детки удивляли ее еще тогда, в детстве: она прочитала им невероятное количество сказок и самых разных стихотворений; ну сказки – это понятно, их любят все малыши, а что касается стихов... Они безошибочно определяли и заучивали наизусть только лучшие! Она поняла это в какой-то момент, когда не только дочь – старшая, но и маленький еще сынок с удовольствием повторял вслед за сестрой:

*Ласточки пропали,
А вчера зарей
Все грачи летали
Да, как сеть, мелькали
Вон над той горой.*

*С вечера все спится,
На дворе темно.
Лист сухой валится,
Только ветер злится
Да стучит в окно...*

Она тогда подумала: Афанасий Фет... надо же... выбрали его... И ведь не просто выбрали, а повторяют и повторяют, и глазенки у них светятся, и в голосишках удовольствие и радость.

Про золотой кораблик – это тоже оттуда, из того золотого времени, когда детки были маленькие и все они жили в одной «монетке».

А теперь они взрослые. Только если у сына еще нет семьи, но у дочки есть и муж, и дети. И она наверняка читает им на ночь и сказки, и стихи. Может, того же Афанасия Фета. А наедине с собой, возможно, вспоминает строки из той самой маленькой книжки... Почему же сегодня, зная, о чьих стихах пойдет речь в телевизионном фильме, она так странно ответила ей:

– Напиши, на какой минуте тебя с твоими воспоминаниями будут показывать.

– А тебе разве неинтересно посмотреть весь фильм полностью? Ведь ты же...

– Мам, ты меня слышишь? Я сейчас очень занята. У меня, можно сказать, цейтнот: я готовлю своих танцоров к новогоднему празднику...

Да, там, в другой стране, тоже праздник. Там дети тоже любят танцевать, им тоже нужен учитель или учительница танцев. На новом месте жительства дочери не пришлось даже менять профессию...

Может быть, она и впрямь их не слышит? Не слышит и не прилагает усилий к тому, чтобы понять?

Будь погода нормальной, она бы сейчас собралась и пошла гулять. В ее возрасте прогулка – главное лекарство от многих болезней. Ну и просто удовольствие тоже. Потому что других поводов для радости как-то не очень много. Например, никто уже не подарит тебе праздника, сорвав придорожный цветок...

А что, если... Что, если позвонить сыну? Конечно, он, в отличие от сестры, не танцует и не учит этому других, его работа связана с предметами неодушевленными и далекими от творчества и искусства. Хотя как сказать. Однажды сын удивил ее словами: «Ты думаешь, мы предлагаем народу вещи? Барахла у людей давно уже достаточно и часто даже избыточно. Мы предлагаем обзавестись новыми эмоциями». Она не сразу поняла, о чем он, а когда поняла, порадовалась: если человек понимает, что вещь – это не только ее материальная часть, но и производимое ею впечатление... Словом, надо сделать попытку!

Она набрала номер. Спросила, как дела. Услышала, что «все хорошо». И сказала ему о передаче по ЦТ.

– А почему тебе так хочется, чтобы я ее посмотрел?

– Ну вы же с сестрой когда-то любили стихи. Про кораблик, например, помнишь? Или про ласточек...

– Я тебе завидую. У тебя есть время для воспоминаний. Может быть, надо сделать так, чтобы его было меньше? Найди себе какое-нибудь занятие. Придумай хобби.

Холодный голос. Холодные, как лед, слова... Ей захотелось во что бы то ни стало растопить их.

– Сынок, если совсем честно... Наверно, я просто соскучилась.

– Соскучилась? У вас там все в порядке, мам?

– Да, все хорошо.

– Тогда извини. Мне звонят, я должен ответить...

Она положила телефон на столик и опустилась в кресло – ноги как-то враз ослабли. Она разговаривала сейчас со своим сыном? Тем самым мальчиком, который... дело даже не только в стихах... Где ее толстая общая тетрадь? Вот, вот эти строки: «Когда я укладываю сына спать, он кладет свою ручку мне под голову и шепчет: «Голубушка моя». Ему еще и трех лет не было, когда она сделала эту запись. В маленьком человечке было столько нежности... столько любви... Куда все подевалось?

Тогда, в детстве, он вообще был более чувствительный, чем сестра. Вспомнить хотя бы тот же садик, куда дочка бежала с нетерпением (охота к перемене мест и впечатлений как раз и увела ее в другую страну), то сын... Господи, какая это была мука – расставаться с ним в садике! Она помнит, как долго и терпеливо готовила его к новому этапу жизни, понимая, что ему не просто будет привыкнуть к тому, что для сестры было сплошной радостью. Она приводила сына в садик сначала просто для того, чтобы он привыкнул к новому месту, новым стенам; она внушала ему: «Садик называется «Ласточка», правда, хорошо? Помнишь: «Ласточки пропали, а вчера, зарей...» В честь одной из таких ласточек и назвали садик. Тебе будет здесь хорошо. Тут много игрушек, друзей – таких же ребяташек, как ты...» Он слушал и доверчиво смотрел на нее, и от этого доверия у нее болело сердце: если сын называет тебя голубушкой – каково ему будет уходить в группу к чужой тете?.. Но ведь выхода нет: надо идти зарабатывать деньги, чтобы покупать еду, одежду и мало ли еще чего – для них же, деток.

Наступила минута, когда она привела его в садик уже не для знакомства с ним, а чтобы здесь оставить. Из всех сил заставив себя улыбаться, обняла, поцеловала и, понимая, что затягивать расставание нельзя (ради него же!), сказала, подтолкнув к стоящей в ожидании новенького воспитательнице:

– Ну иди.

И он пошел. Но через несколько шагов обернулся. Она едва сдержалась, чтобы не рвануться к нему. В глазах у сына стояли слезы, и сквозь эти слезы он, ее ненаглядный малыш, проговорил:

– Мама, иди домой.

Она махнула ему рукой, вышла из садика и здесь уже дала волю своим слезам. Господи, ведь она его доверчивость обманула! Не может ребенку быть хорошо там, где нет матери! А он-то, он поверил ей, дура! А он-то, он вел себя как настоящий мужчина: «Мама, иди домой...» Взял на себя решение проблемы... пожалел ее... отпустил...

Она и сейчас сидит, ревет и... не понимает: почему тот же самый ребенок так разговаривал с ней сегодня?!

Елка уже наряжена. Она даже электрогирлянду включила, и елочка засверкала совсем уж празднично.

Надо сказать себе: стоп. Надо привести себя в порядок. Это никуда не годится – так раскисать. Что там посоветовал ей взрослый сын? Найти себе занятие? Ее главное занятие сейчас – обрести душевное равновесие.

Да и дождь, кажется, приостановился. Возможно, морозцем даже сковало лужи. Значит, надо одеваться и – на улицу. На свежем воздухе легче будет достигнуть поставленной цели.

Дорога, конечно, превратилась в зеркало. Но если идти по кромке, по краешку, где снег еще не растаял... Контроля над собой, однако, и здесь терять нельзя; зазеваешься, и – бац... Тут уж не до душевного равновесия – телесное хотя бы сохранить. Не дай бог угодить с переломом в больницу накануне Нового года.

И все же надо попытаться что-нибудь сделать с собой, как-то собраться в кучу. Для начала хотя бы ответить самой себе на вопрос: ты бы хотела, чтобы сын остался без работы? Да не приведи Господи! Это сейчас-то, когда в стране все шатко и ненадежно, как в ее

собственной душе. Пусть, пусть работает. Муж правильно говорит: пусть работы будет слишком много, чем не будет совсем. Ведь и дочь ей говорила о том же: «Я сейчас очень занята! У меня цейтнот!»

Они перестали друг друга понимать. Они словно поменялись местами: тогда, в детстве, им казалось: мама может все, все счастье мира сосредоточено в маме – от нее защита, тепло и ласка.

Но вот они выросли и поняли, что мама может не все. Что на свете еще много других источников радости и счастья. И, значит, можно вполне обойтись без мамы.

Вот – вся беда в том, что детям невозможно без нас, только когда они маленькие. А нам, родителям, невозможно без них всегда. И что теперь делать нам, ими оставленными?!

От этого вопроса вполне можно сойти с ума. Неужели она настолько беспомощна, что не найдет на него ответа? Может быть, взрослый сын прав, когда советовал найти себе занятие, чтобы не оставалось времени на «соскучилась»?

Холодно. Так холодно на улице, и ветер пробивает до костей. Кажется, пора возвращаться домой.

Она без труда отыскала на книжной полке маленький сборничек стихов. Сколько раз открывала его, пока шла съемка фильма. Сколько замечательных строк прочитала для будущих зрителей! Но было одно стихотворение, про которое она не то что забыла, но решила, что оно очень личное, что сокровенный его смысл может быть понятен только им двоим – автору и ей, кому оно было посвящено и для кого написано. Вот эти строчки, вот...

*Гордыни огненный порыв
И страсти жаркие мгновения
Ты превратила дерзновенно
В две пары юных новых крыл.*

*И в одночасье два птенца
Исчезли в синеве бездонной...
Уснули ветры у крыльца,
Лишь холодит печаль ладони.*

Она умела заглянуть вперед, поэтесса-подруга, она знала, что ждет нас за очередным поворотом на дороге жизни. Конечно, уснули ветры у крыльца – их никто теперь не колыхнет, не встревожит. И так холодит ладони печаль – до озноба, до боли...

Может, виноваты во всем они сами, родители? Современные психологи утверждают: если вы хотите, чтобы у ваших деток все было хорошо, выстраивайте прежде хорошие отношения между собой. А им с мужем как-то не думалось о себе, они предпочитали думать прежде о них. Ну такая у них была дурацкая, с точки зрения современной психологии, потребность. У нее однажды даже сочинились такие строки:

*Всего дороже нам не мы с тобой,
А наши с тобой маленькие дети...*

Мало того, она учинила мужу проверку на этот счет, задав ему провокационный вопрос: «Ты меня любишь?» Это сейчас они предпочитают о любви не говорить, а тогда, в молодости... Муж, добросовестно подумав, раздумчиво ответил: «Люблю, конечно. Но едва ли не больше люблю наших детей». И она на такой ответ не только не обиделась – обрадовалась ему!

Что же теперь, на краю жизни – надо признавать свою ошибку? И перекраивать жизнь по-другому? Но как? Господи, да дочитай ты стихотворение до конца...

*Но надо сделать еще шаг,
И надо жить учиться снова,
Чтоб, одолев себя, душа
Живое выдохнула слово.*

Вот он, выход: надо научиться жить снова.

Снова учиться жить – ничего себе задачка! Но что делать, если иного выхода нет? И не надо, не надо тащить своих детей на золотой кораблик детства! Тот кораблик давно уплыл – далеко, безвозвратно. Надо учиться жить без них. Надо принять в себя мысль: они не стали жестокими – они просто выросли.

– Картина называлась...

Они с мужем уже сидели за столом, когда в прихожей раздался голос. Они недоуменно переглянулись: кто там может быть? Никого, кажется, не ждали...

Она вышла в прихожую и остолбенела: у порога стоял сын.

– Картина называлась «Не ждали». Угадал?

Она молчала, не умея прийти в себя. И – не могла сделать навстречу шага.

Шаг этот сделал сын. Подошел и... обнял. И она уткнулась ему в плечо. И как-то само вырвалось из души: люблю! Наверное, это и было то самое живое слово, но она не сказала его вслух: зачем, когда все и так понятно?..

И, может быть, случится когда-нибудь еще одно чудо: откроется однажды дверь... откроется еще раз...

БРАВО, РАХМАНИНОВ!

Рассказ

Такой осени у них давно не бывало. Небо, как летом, в самую лучшую его пору, ослепляло синевой, легкие белые облачка («Прелестные» – так ведь называл их Бунин?) – уточняла она у мужа) не закрывали солнца – уже не обжигающего и не изнуряющего, а ласкающего кожу нежным, сравнимым разве что с теплом материнской руки, теплом.

Утро у них начиналось, как и в Москве, с тарелки геркулесовой каши и чашечки кофе. Мужу с его гипертоническими наклонностями следовало бы от этой чашечки отказаться, но – как тут, опять же, не согласиться с классиком: привычка выше нас дана. А уж если эта привычка продиктована сумасшедшими ритмами столичной жизни...

– Что-то мы с утра поминаем классиков, – проворчал супруг, выходя из дома на утреннюю прогулку. Шли сначала берегом реки – их улица упиралась своим концом как раз в ее крутой берег, потом тропинка уводила их в лес, и они дышали чистейшим, прозрачайшим воздухом теплой благодатной осени.

– Ну как тут опять не вспомнить: «Весь день стоит как бы хрустальный...»

– Согласен. Такой осени у нас с тобой давно не бывало.

В общем, это «давно не бывало» превратилось у них в рефрен отпуска, и он, этот рефрен, радовал душу, успокаивал нервы, настраивал на ощущение редкостного, выпавшего вдруг на их долю счастья безмятежного отдыха. Прошедшая зима получилась тяжелой: подросткам требовалось то и это, и они старались родителям – сыну и дочери – помочь: Кир, вдобавок к занятиям в

музыкальной школе, набрал «домушников», она, в свою очередь, вспомнила свою профессию – учитель рисования – и тоже занялась репетиторством. После зимы решили поработать еще и летом (тем более что многие их ученики сдавали вступительные экзамены кто в музыкальные, кто в художественные училища и вузы), – словом, время для отдыха образовалось только в самом конце августа. И они сразу же поехали сюда, в свое загородное «имение» – маленький домик в маленьком городке Черноземного края. От возможности отдохнуть на море дружно отказались: зачем им море, где народу как комарья, где день и ночь сливается в уши отдыхающих звукозапись (этот термин – звукозапись – придумал Кир: профессиональный музыкант не хотел называть музыкой то, что настойчиво и назойливо исторгается сейчас из динамиков на всех пляжах страны и зарубежья). Теперь, на пенсии, Кир (Кирилл Владимирович) – преподаватель обычной музыкальной школы, а было время – играл в Государственном симфоническом оркестре. В этом качестве его можно увидеть, когда по телику показывают старые музыкальные передачи: симпатяга-скрипач вдохновенно выводит смычком сложнейшие музыкальные пируэты; ей хорошо известно, что при необходимости муж мог сесть и за фортепьяно, обнять контрабас... Она говорила ему: «Ты сам вполне мог бы руководить оркестром». На что Кир невозмутимо отвечал:

– А ты знаешь, сколько не относящихся к музыке проблем тогда пришлось бы решать? Выстраивание отношений с администрацией, со спонсорами... Бр-р-р...

И она, в конце концов, поняла: муж так любил музыку, что не хотел размениваться больше ни на что – ни на большие гонорары, ни на славу и почести – знаки иных состоявшихся музыкальных карьер (чаще всего, кстати, вполне заслуженных) – ему достаточно самой музыки. Музыка – его одна, но пламенная страсть...

– Сколько там шагов мы должны ежедневно проходить, согласно японцам?

– Десять тысяч, помнится.
– И никаких возрастных ограничений и поблажек?
– Ну, не знаю. Есть, наверное. Но к тебе-то это какое имеет отношение?

Она оценила его комплимент и улыбнулась глазами. А потом попросила остановиться, подошла и уткнулась ему в плечо. Всего на минутку. И дальше уже шла с этим недавно, вот в этих краях, возникшим чувством: все хорошо! Все так хорошо кругом! Может быть, с миром что-то произошло? Может, в нем произошел какой-то качественный скачок, который резко – всего за неделю – время, которое они здесь живут, – сдвинул его в сторону мира и гармонии?

Вернувшись домой, похлебали вчерашнего супа и нашли его очень вкусным. Потом, лежа на диване, почитали вслух Бунина с его прелестными белыми облаками; Лада сказала: «Но ведь он был верующий, причем православного вероисповедания. Почему же облака у него – прелестные? Прелестные – от слова «прелесть», а ведь тебе известно...» Довольно бесцеремонно, что случилось с ним крайне редко, Кирилл перебил жену: «Ладушка, не будь ханжой. Бунин был художником с необыкновенно развитой творческой интуицией, вот она-то, наверно, и подсказала ему: слово это не только красивое, но и многозначное, многомерное, и толковать его в одном-единственном смысле – кощунство и преступление. Ты будешь спорить с Буниным?» Она подумала и решила довериться классику русской литературы. Закончив свою короткую дискуссию, они без всяких снотворных таблеток (чего не случилось в Москве) мирно уснули на своем широком диване.

Им уже стало казаться, что так вот – легко и спокойно – им будет теперь всегда, весь их отпуск, как вдруг...

Что к соседнему дому подъехала машина, они почувствовали (услышали) еще ночью. А утром, когда вышли во двор, увидели над забором кудлатую мужскую голову:

– Здорово, соседи!

– Здравствуйте, коль не шутите, – приветливо откликнулись они.

– Какие шутки, если будем жить через забор. Вот – свою лошадку приехал подремонтировать. Что-то хромать начала.

– Вы имеете в виду машину? Может, вам помочь? – вызвался муж.

– Не, я сам.

Голова исчезла, а через некоторое время из-за забора неожиданно послышалась... звукозапись. Впрочем, почему неожиданно? Такого рода «музыка» звучит сейчас не только на море. Точнее сказать, она и на море-то звучит потому, что несется почти из каждой приезжающей туда машины.

Лада встревоженно посмотрела на мужа. Это однообразно и тупо повторяющееся «тых-тых, тых-тых» он не просто не переносил – от этих звуков у него, привыкшего к другой музыке, поднималось давление. И – что делать?

– А пойдем гулять? – решила она увести Кира на прогулку пораньше. Муж охотно согласился. На этот раз она взяла с собой даже тормозок: «Устроим сегодня пикник».

И опять – лес, облака, небо... Земля все еще оставалась такой теплой, что на ней можно было сидеть, не опасаясь простуды. Лада бросила на траву легкий плед, разложила на полотенце хлеб, огурцы, помидоры. Начали пировать. Говорилось на этот раз о Рахманинове. Любимых композиторов у Кира (а значит, и у нее) было много, но Сергей Васильевич был в этом ряду на особом счету. Почему так? Потому что «самый русский» – не они одни это признавали. Музыка Рахманинова – это музыка вот этих окрест раскинувшихся полей и лугов, реки, несущей свои воды медленно и плавно, но какая неукротимая мощь чувствуется в них! И, опять же, эти облака... И все же когда три года назад по совету друзей («Поверьте – не будете жалеть...») они покупали свой

домик, то и не подозревали, что в соседнем с городком селе, то есть как раз в самом сердце России, «самый русский композитор» провел три лета. Если по порядку, то было так.

В Красное они поехали, когда узнали, что там установлен памятный знак в честь Николая Николаевича Раевского-сына. От местных краеведов им стало известно также, что село это (а полтора века назад – слобода Красненькая) генерал-лейтенант Раевский-младший получил в приданое после того, как соединил узами брака свою судьбу с судьбой Анны Михайловны Бороздиной, фрейлины Двора Его Императорского Величества, владевшей, в числе многих других, имением в Воронежской губернии. Те же краеведы утверждали, что памятный знак установлен не просто на воронежской земле, но – на месте захоронения супруга Анны Михайловны, умершего гораздо раньше нее. Собственно, они и поехали в Красное затем, чтобы сделать снимки уникального места: ну-ка, в каждом ли российском селе имеется захоронение человека с таким богатым прошлым: участник войны с Наполеоном, друг Пушкина и декабристов, основатель города на Черноморском побережье...

Та поездка оказалась богатой на впечатления еще и благодаря неожиданной встрече: у памятного знака, разыскать который было нетрудно – он стоял в центре села, на возвышении – они обнаружили стоявшую в задумчивости немолодую, но очень симпатичную женщину с букетиком васильков в руках. Лада с ходу поинтересовалась:

– Простите (она кивнула на букетик), это вы ему принесли?

– Ему, одному из лучших сынов России.

Фраза была произнесена так естественно и просто, что не показалась им высокопарной. Завязался разговор, и вскоре они узнали, что женщина – местная учительница, к тому же еще и краевед. О Раевских она

рассказывала так, словно прожила с ними в слободе Красненькой всю свою жизнь. В какой-то момент в их беседе прозвучала и эта фамилия: Рахманинов. «Он тоже бывал здесь, в этом селе?» – не замедлила с вопросом Лада.

– Увы, всего три лета. Но сколько успел сделать!

Могли ли они после всего услышанного и, главным образом, еще не услышанного, отказаться от гостеприимного приглашения на чай?!

Хозяйка дома, в котором они оказались, и про Рахманинова рассказывала так, словно прожила с ним в Красненьком три незабываемых лета. «Приглашение погостить композитор получил от семьи бывшего управляющего имением Раевских Юлия Ивановича Крейцера. У него была дочь Елена, неплохо игравшая на фортепьяно. Только ей ведь хотелось играть еще лучше. Вот почему Крейцеры еще зимой попросили уже известного в Москве композитора позаниматься с их дочерью. Занятия начались зимой, а на лето Крейцеры, как всегда, поехали в Красненькое. И пригласили Рахманинова с собой».

Лада заикнулись про тамбовскую Ивановку, на что собеседница отреагировала бурно:

– Что там Ивановка! В Ивановку, в имение Сатиных, на лето съезжалось столько народа! Здесь же были тишина и покой – они в то время были ему особенно нужны. Вам же известно, что после неудачной премьеры Первого концерта Рахманинов буквально заболел. Так вот, здесь, в Красненьком, он начал не только обретать душевный покой, но и работать. На нашей земле создавался гениальный Второй фортепианный концерт.

– ...Кир, а помнишь, как она потом почти торжественно сказала:

– А вам известно, что этот концерт начинается со звона наших, краснянских, колоколов?

– Конечно, помню. Сначала мы обалдели, а вечером включили запись и поразились: как же сами не догада-

лись, что вот эти мощные раскатистые звуки, с которых начинается концерт, – это и есть колокольный звон?!

– Она говорила, что до революции в селе было три храма. Это какой же чудесный перезвон начинался здесь в православные праздники!

– Поэтому она и сказала: что же удивительного в том, что Рахманинов – человек с уникальным музыкальным слухом – УСЛЫШАЛ их и вплет в ткань своего музыкального концерта?

О Рахманинове, как и о покойной, увы, учительнице («Ты помнишь – ее звали Надежда Прокофьевна?») они могли бы говорить еще и еще, но их остановили сгущающиеся сумерки. Надо было возвращаться домой.

Дома Лада быстренько пожарила картошку, сели за стол.

Они еще делились своими «а помнишь, а помнишь», когда из-за забора опять послышалось: тих-тих, тих-тих... Кирилл с досадой положил вилку на стол:

– Ну, это уж слишком...

Вскоре его голова маячила над забором.

– Слушай, сосед... Музыка тебе не мешает?

Начал вполне миролюбиво, но потом не сдержался:

– Если, конечно, это можно назвать музыкой.

Сосед, высунув голову из-под машины, смотрел озадаченно. Казалось, он не понимает вопроса. Или действительно не понимал? Потому и спросил:

– А что же это, по-вашему, если не музыка?

На этот раз Кир не стал скрывать раздражения:

– Это просто неудачный набор примитивных звуков. Возможно, даже не случайный. Возможно, с их помощью зомбируют тех, кто...

Сосед, выбравшийся для такого непростого разговора из-под машины, не дал ему закончить фразы:

– Вам, может, и неудачный, а по мне так очень даже хороший. Без него среди этой, – он провел рукой вокруг себя, – беспросветной тишины ну очень скучно. Вы откуда приехали, из столицы? Ну тогда вам эта тишина в радость, а меня от нее уже тошнит.

Высказав свою точку зрения, сосед решил, что тема исчерпана, и опять нырнул под машину.

А до них, наконец, дошло, что понимания с соседом достигнуть не удастся. И остается одно: принять обстоятельства и суметь к ним приспособиться. Что они и стали пытаться сделать: уходили из дома пораньше, возвращались попозже. Там, на природе, было замечательно. Но стоило вернуться домой...

Лада с тревогой ждала: что будет дальше?

А дальше было так: забравшись однажды на лавочку, муж бросил на другую сторону забора:

– Нет, ты все-таки давай потише. Если совсем без этого безобразия нельзя.

Последней фразы произносить, наверное, не стоило. Сосед, конечно, еще не забыл недавнего разговора и поэтому сразу заговорил на высокой ноте:

– Че-го? Между прочим, я нахожусь на своей территории. А на своей территории я имею право делать все, что хочу! Какую громкость хочу, такую и врубаю!

Решив, что сказал не все, веско добавил:

– Мы хоть и не в столицах живем, а законы знаем. Закон на моей стороне! Тебе понятно?

Лада вклинилась в разговор и попыталась смягчить ситуацию:

– Послушайте, но ведь кроме бумажных законов есть еще законы человеческого общежития. Конечно, их создают не юристы, зато они пишутся... сердцем.

– Ой, ой... Вот только не надо меня воспитывать. Не нравится – валите в свою Москву!

В тот вечер в их доме царило тягостное молчание. Лада молча помыла посуду, полила цветы... что бы сделать еще? И вдруг...

– Эврика! Мы победим его с помощью Рахманинова!

Сначала она ничего не поняла:

– А разве он не умер в 1943 году? И не покоится очень далеко от этих мест, на другом даже континенте?

– Рахманинов будет жив, пока живет русский народ,
– назидательно ответствовал супруг. Но затем вполне миролюбиво (и она облегченно вздохнула) перешел на разговорную лексику:

– Слушай сюда. Завтра, как и тебе, и мне известно, проездом на юг у нас останутся дети...

Дети (вместе с внуками) оставались у них всего одну ночь. Они пробовали задержать их надольше, но куда там! «На море, на море!» – верещала малышня, а родители вторили им, сами как маленькие дети...

В общем, уже на следующий день, проводив гостей, они приступили к выполнению своего плана. Кир выставил на крыльцо дома колонки, привезенные сыном, и врубил на полную мощность Второй фортепианный концерт. В потоке обрушившихся на окрестность звуков «тых-тых» утонули бесследно...

Через какое-то время поверх забора возникла знакомая голова.

– Ешь твою в клеш... Вы что, очумели? – стараясь перекричать музыку (на этот раз действительно музыку), проорал он.

Супруг чуть уменьшил звук.

– А в чем дело? Разве мы не имеем право делать на своей территории все, что захотим?

Некоторое время сосед обалдело смотрел на них, не находясь с ответом. А потом растерянно (вот уж чего не ожидали...) промямлил:

– Да ладно бы хоть музыку слушали. А то... белиберда какая-то.

– Каждому свое, – невозмутимо парировал муж. – Ты уж извини, но сегодня мы будем слушать эту, как ты выразился, белиберду.

И опять врубил колонки на полную мощность.

В эту ночь, как и в Москве, они долго не могли уснуть.

– О чем ты думаешь? – заговорил, не выдержав тишины, супруг.

– О том, как странно устроены люди. Ведь на одной и той же земле: один сочинял музыку, которую с восхищением слушал и до сих пор слушает весь мир, и в этом полагал свое предназначение и счастье, а другим для счастья достаточно примитивного «тых-тых».

В какой-то момент им показалось, что в соседнем дворе заурчал мотор машины. Сосед... уезжает?

Лада подошла к окну, тихонько отодвинула занавеску. Так и есть... От дома, освещая дорогу фарами, покатила машина.

«Ура-а-а», – тихонько, словно там, на улице, ее могли услышать, проговорила она. Хотя можно было бы сказать и громко. Можно было даже прокричать, и – освобожденно вздохнуть, наконец. Но в темноте почему-то прозвучало:

– Кир, тебе не кажется, что мы его... изгнали?

Муж ответил после значительной паузы:

– Изгнали? По-моему, мы преподнесли ему хороший урок. И заметь: главным действующим лицом во всем этом были вовсе не мы.

Не мы, – молча согласилась Лада. И вообще – не хватит ли терзаться чувством несуществующей вины? Что, было бы лучше, если б у Кира, в конце концов, случился гипертонический криз?

Да она просто обязана завершить сегодняшний непростой день словами: браво, Рахманинов! Браво...

МАЛЕНЬКИЙ РОЗОВЫЙ РЮКЗАЧОК

Рассказ

Он подарил ей его в самом начале их семейной жизни – маленький розовый рюкзачок. Она, помнится, пошутила: зачем? Разве не уместнее обзавестись теперь большой хозяйственной сумкой? Он возразил: «Не все же из прозы будет состоять наша жизнь; вот увидишь – пригодится». Да если бы только это... Еще он сказал слова, которые свели бы с ума всякую женщину, а если она, женщина, едва перешагнула за тридцать – тут вообще крыша поехать может. Он сказал: «Я обещаю тебе счастье...»

Поначалу все так и было. Особенно когда они приезжали из города в деревню к маме. Колыхалась легонько от теплого летнего ветерка занавеска, мама тихонько, чтобы их не разбудить, погромыхивала на кухне посудой, готовя завтрак, а они лежали на мягкой, в себя утопившей их перине, такие свободные от всякого быта, от всяких «надо» и «необходимо», такие, и в самом деле, счастливые. Ее рука лежала на его руке, и от этой руки шло не только тепло, – казалось, сама жизнь перетекает, игнорируя все законы физиологии, без всяких там вен и артерий, из его тела – в ее. Она недоумевала: как же она жила-обходилась без этого раньше? Теперь-то ей яснее ясного: раньше была не жизнь! Вернее, жизнь, но не полная – полной ее сделала только вот эта необыкновенная энергия, перетекающая из него в нее. А что, если однажды этот канал... Нет, никаких «если»! Потому что тогда она просто не сможет жить!..

Но потом счастье стало куда-то уплывать. Как льдинки от берега весной: согретые разгорающимся солнцем,

они отлипаются от земной тверди и отдаются на волю речного течения, и никому, никому их уже не остановить...

Началось все с того, что он стал задерживаться на работе. Она не тревожилась: мало ли что может случиться на стройке, вдруг поставщики со стройматериалами запаздывают. Ее дневное время завучем и директором школы расписано по часам и минутам, а у мужа рабочий день ненормированный и потому чреват всяческими сюрпризами; к тому же человек он азартный, живущий по принципу «работать так работать», а другая часть поговорки отношения к нему, к счастью, не имеет. В общем, идеальный, можно сказать, мужчина. А посягать на мужскую свободу – последнее дело, это любовью психолог скажет. Да еще добавит: доверие – основа всякого союза, семейного в том числе. Ну вот она и доверяла. Пока однажды...

Ночь шла, а его все не было и не было. Она уже и тетрадки проверила, и сына спать уложила (сынулька у них родился еще в тот, счастливый, период жизни, сделав его еще более счастливым...). Стала считать часы – и считала их до утра. Дверь скрипнула на рассвете. Она поднялась с постели, встала в проеме дверей и смотрела на него, и по его лицу понимала, что на этот раз не работа была причиной задержки, но ни спрашивать, ни вообще говорить об этом не стоит – иначе лопнет та нитка, которая еще скрепляет их союз. А к разрыву она готова не была...

Вообще ни к чему не была готова. В душевной маяте размышляла: поехать к маме, выплакаться на ее плече? Но ведь понятно, что она скажет: доча, у тебя сын; пока он маленький и потому послушный, а подрастет – одна с ним не справишься. Да и не хочется маму расстраивать – наверняка, она греет душу мыслью, что у дочки все хорошо...

Отчего-то ей казалось, что к разрыву не готов и он. Иначе почему в конце недели, прошедшей в молчании,

проигнорировав все звонки с работы, он вдруг предложил:

– А давайте сходим в парк.

Даниил-Данилка прокричал «Ура», в парке с удовольствием съезжал с горок, гонял на самокате, а они смотрели на него и... опять молчали. Сынуля время от времени подбегал, спрашивал: «Вы чего?» Она придумала: «Простыли, горлышки болят. Видишь, погода испортилась, скоро, наверное, дождик пойдет...» Сама же внутри себя негодовала: ну чего он, действительно, молчит? Хоть бы оправдаться попытался. Она готова поверить любой ерунде...

Потом стала размышлять от противного: ладно, он виноват. Но ведь тому, что произошло, есть какая-то причина! Любой психолог, опять же, скажет: в том, что происходит в семье, виноваты, как правило, обе стороны. В чем же виновата она? Ну-ка, ну-ка, напрягись, голубушка...

Откуда-то из глубин еще дозамужней, девичьей памяти всплыли строки:

*Я всегда под рукой,
Примелькалась для глаз,
Как на кухне морковь
Или в спальне палас...*

Примелькалась... Примелькалась – значит, надоела... Что ж, это вполне могло случиться. Она не артистка, чтобы регулярно менять образы (артисты часто делают это не только на сцене, но и в жизни). И если ей этого не дано, что же все-таки делать?

Подсказка пришла с афиши: шла мимо Дома культуры, и вот, пожалуйста: веселенькое, красиво оформленное объявление предлагало: если вы желаете изменить жизнь к лучшему – займитесь аэробикой! Ну, насчет «к лучшему» энтузиасты культурного отдыха явно перебрали, – сразу же решила она, – а вот что касается дви-

жения... Учитель большую часть времени стоит перед классом. Или сидит за учительским столом. Движения – минимум. Разве она не чувствует, что начала превращаться в деревяшку? А деревяшкой жить нельзя – даже учительнице начальных классов. Может быть, прежде всего учительнице первоклашек: они, еще не умеющие скрывать своих чувств, тоже смотрят на нее, как сын Данилка, и только не решаются спросить: Катерина Борисовна, вы чего?.. В общем, пора заставить себя шевелиться, улыбаться, даже смеяться, причем в обязательном порядке и в самой ближайшей перспективе, пока до родителей не дошли слухи о странном поведении учительницы...

Вечером она сказала супругу:

– Посиди сегодня с Данилкой. Я должна уйти.

– Куда? – кажется, даже насторожился он.

– Да так, – рассеянно отвечала она, размышляя о том, куда положить чешки. Дамская сумочка мала, хозяйственная, наоборот, велика. Тут и вспомнился маленький розовый рюкзачок...

Первое занятие оказалось не из простых. Нет, поначалу она легко повторяла вслед за руководительницей кружка все предлагаемые ей движения, но через несколько минут почувствовала, что руки стали тяжелыми, а ноги отказываются успевать за музыкальным ритмом. Огляделась вокруг: молоденькие девчонки порхают легкими бабочками, те, кто постарше, норовят от них не отставать. А вот полноватой брюнетке с короткой стрижкой приходится, пожалуй, так же тяжело, как и ей.

По окончании занятия все двинулись в раздевалку; быстренько переодевшись, шли, а то и бежали на выход. Она же плюхнулась на скамейку – передохнуть, и вскоре обнаружила рядом с собой брюнетку – та тоже выравнивала дыхание. Какое-то время они сидели молча; потом соседка вытащила из сумки бутылку воды, отпила хороший глоток и спросила:

– Ты уже рожала?

– Да.

– Ого, а фигурка как у нерожавшей. А я вот после родов никак не обрету прежние формы... У тебя кто?

– Сынуля.

– А у меня дочка... И с кем оставила?

– С папой.

– Ого, у вас еще и папа есть. А я свою Альку к соседке отвела.

Стали собираться. Первой управилась брюнетка. Перед тем, как уйти, сказала одно-единственное слово. Но какое!

– Счастливая, – произнесла она, остановив на ней завистливый взгляд.

И вот идет она, счастливая, по городу, и чувствует себя несчастной-разнесчастной! В автобус не села – захотелось побыть в одиночестве и обдумать слово, произнесенное брюнеткой. Может, она все неправильно понимает? Может, она и вправду счастливая? Если хорошенько подумать.

Если хорошенько подумать, то получается вот что: у нее есть семья. Своего Даньку она оставила, действительно, не с кем-то чужим, а с родным отцом. Человеком, которого Данька любит. И который Даньку любит тоже. Какое наслаждение наблюдать за ними, когда они играют-возятся на ковре: один изображает из себя лошадку, второй – лихого наездника; наступает момент, когда лошадка вдруг подворачивает ногу и падает, а наездник с отчаянным – или все-таки ликующим? – воплем валится на землю. В какой-то момент ее мужчины, навозившись, обнимаются – и это самые счастливые минуты игры! Ради них она готова... на что готова? Все забыть? Все простить? Да в том-то и дело, что не готова! Уйти – нет, но и простить... тоже нет. Остается – учиться жить одной. Вдвоем, но – одной...

На следующем занятии они познакомились. Сели, как и в первый раз, отдохнуть, и брюнетка спросила:

– Тебя как зовут?

– Катя.

– Катерина, значит... А меня еще проще – Тома.

И следом пропела:

– Тома, Тома,
Сидела б дома...

Потом продолжила уже без нот:

– И сидела бы, но – надо восстанавливать фигуру. Тебе хорошо, тебе о фигуре заботиться не надо: муж есть, держи крепче – и все.

– А ваш папа...

– Наш папа – тю-тю! Задача состоит в том, чтобы найти нового папу. И тут без фигуры – никак.

Она решилась еще на один вопрос:

– А держать крепче – это как?

Исчерпывающего ответа у Тома, кажется, не было.

– Да кто его знает, – раздумчиво произнесла она. – Вот, кажется, и одеваться старалась по моде, и кормила как на убой, а толку... Его на стройненьких потянуло. Так что фигура для меня – вопрос актуальный.

Да и с фигурой тоже не всегда получается, – продолжая Томину мысль, размышляла она по дороге домой. Мало ему оказалось фигуры. И зачем тогда она на эту аэробику поперлась? Зачем вообще надо продолжать эту муку – их теперешние отношения? Из-за жалости к маме? Но рано или поздно она обо всем узнает. Может быть, вдвоем им даже легче будет пережить крах ее семейной жизни. Да, крах – хватит уже на что-то надеяться и обманывать саму себя. Сегодня ночью она провела эксперимент. Спят они сейчас хоть и вместе, но отвернувшись друг от друга; и вот, дождавшись, пока он уснет, она повернулась к нему и осторожно, чтобы

не разбудить, положила свою руку на его. Тепло от нее шло. А вот та странная и такая необходимая ей энергия... исчезла бесследно! Эта энергия, надо полагать, уже перетекает по другому руслу. Неужели было время, когда она думала, что этого никогда не случится? А если случится – она не сможет без этого жить. А вот – живет. Правда, по формуле: вдвоем – но одна.

А если совсем одна – может, к этому тоже можно привыкнуть? Привыкают же другие...

Сама не понимает, как она вдруг оказалась однажды в храме. Слишком уж припекало там, где сердце... Служба давно закончилась, батюшка, кажется, шел на выход, – он посмотрел на нее только потому, что она стояла под высокими сводами одна-одинешенька. Посмотрел – и остановился.

– Сдается мне, что вы о чем-то хотите спросить.

Она смешалась... Как все-таки случилось, что она оказалась лицом к лицу с человеком, которого до сей поры и в мыслях не держала? Ну разве где-то в подсознании, на уровне «где-нибудь, когда-нибудь». И вдруг... Но сколько можно сдерживать плотину, вот-вот готовую рухнуть под разрушающим напором эмоций?!

И она говорила и говорила, дрожащей рукой размазывая слезы по лицу, и закончила словоизвержение вопросом: «Батюшка, может, мне надо от него уйти?» Батюшка молчал. Потом спросил:

– А жалеть не будете? Уйти проще всего. Может, сначала все-таки попробовать простить?

Ненавязчиво так, просто сказал. Словно он и не батюшка вовсе, а хороший, близкий родственник. Она ожидала долгой нравоучительной беседы, а тут... Смешалась еще больше. Поблагодарила за совет. Но про себя подумала: не смогу ведь! Не смогу...

Но тут же в сознании мелькнуло: вот придет выходной, Данилка захочет затеять с папой игру в лошадки. А папы нет...

Споткнулась в своих размышлениях об это препятствие и почувствовала, что сердце готово остановиться...

Такой усталой домой она, кажется, еще не приходила. Бросать надо эту дурацкую аэробiku, морочат людям голову... Хорошо хоть, что в доме пахнет жареной картошкой.

– Кать, мой руки, и за стол.

Она машинально прошла сначала в ванную комнату, потом, так же машинально, к столу. Муж сидел на своем привычном месте – во главе стола, она опустилась на стул напротив. Хотела по привычке позвать к ужину сына, игравшего в соседней комнате, и тут услышала:

– Подожди. Сначала послушай.

Последовала долгая-долгая минута. А потом:

– Прости меня, стойкий оловянный солдатик...

Вот тут сознание, кажется, вернулось к ней. Словно очнувшись ото сна, она подняла на мужа глаза и недоуменно спросила:

– Прости? Ты произнес это слово?

Какое-то время муж опять молчал, и она затосковала: ишь, чего захотела – услышать ответ на невозможный вопрос...

– Я видел, как тебе трудно, – наконец, произнес он. – Но ты не била посуды, не устраивала истерик и допросов.

Он опять замолчал, но она почему-то уже не опасалась, что молчание затянется навечно.

– Ты сильная, Катерина! Ты очень сильная. Вот я и подумал: а я? Неужели не смогу произнести одно коротенькое слово? Мы, мужики, думаем, что попросить прощения – значит, показать свою слабость. Ну, не идиоты?! Слово-то действительно оказалось волшебным – мне стало легче. А... тебе?

Теперь молчала она. Все это так быстро... в голове полная кутерьма...

– Не знаю. Я так долго его ждала... Наверное, требуется время на реабилитацию.

Все это она сказала вслух. А про себя подумала: какая сила привела ее сегодня в храм? Что остановило у афиши с аэробикой? И ведь что интересно: в последнее время ей уже легче даются всякие там движения; мало того, временами даже кажется, что тело становится легким и невесомым, настолько невесомым, что оно готово взлететь не только над землей, – и над всеми-всеми горестями и обидами. Значит, надо продолжать?

Ты мне поможешь, маленький розовый рюкзачок?..

ПОРЯДОК ЧИСЕЛ

Рассказ

Нинка приснилась ему перед рассветом. Будто идут они по лугу, по узенькой тропинке между трав и цветов, и он говорит ей:

– Нинк, иди поперед меня.

А она, Нинка, отвечает:

– Не-е, мне так хорошо.

Проснулся: Господи, а ведь вся жизнь их уместилась в эти две фразы: иди поперед... не-е, мне так хорошо...

Вставать Палыч стал тяжело. Долго лежал в постели, не сказать, чтобы думал о чем-то – так, перебирал эпизоды жизни, какие на ум придут, а честнее сказать, ленился – какие заботы у него сейчас, когда один-одинешенек? Нинка потому ему и приснилась, что захотелось представить, что все – как прежде, когда были вдвоем. Лодырем Палыч себя не считал, нет, но утром поднималась раньше него все-таки она, Нинка. Он еще глаз не открыл – чувствует, блинами пахнет. Тут сам собой встанешь, умывать рожу пойдешь, да за стол, да за блины. Или оладушки – уж такие мягкие да душистые жена сварганить умела. Пузо набьешь плотненько – и на свою лесную работу. Работой своей Палыч гордил: кругом их небольшого городишка – леса, и Палыч их защитник. Это только со стороны кажется – какие такие заботы у лесничего? Ходи среди деревьев да дыши свежим воздухом, не работа – курорт! А как, к примеру, натолкнешься в этом раю на порубку? Сначала узнай, кто напакостил, кто произвел ее, а как узнаешь – о-о, тут такая история может закрутиться... и самого лесничего закрутить...

Однако пора все же вставать. Давай, Палыч, умывайся, садись за стол, режь зачерствевший хлеб, мажь магазинным маслом, а сверху, для сытости, накидывай кружок колбасы. Сытость какая-никакая, конечно, будет, а вот вкуса – никакого. Это тебе не Нинкины блины...

Нинка все делала скоро, что дома, что на огороде. Зарплатишку за свою ответственную работу Палыч получал небольшую, и потому держали они с Нинкой огород. Нет, не рядом с домом – дома на городской улице стояли друг к другу тесненько, едва ли не вплотную, и потому всем желающим нарезали земельные участки в поле, кому так прямо у реки. Палыч поступил по-другому, можно сказать, по-умному: отказавшись от бесплатной земли, выкупил участок под строительство дома на окраине города, в самом конце новостройщейся улицы. Никакого дома они с Нинкой строить не собирались, хотели только огородничать, и земли у них в самом деле оказалось вволю – сажай сколь хочешь картошки, огурцов-помидоров, капусты... Поначалу они только этим и занимались. А потом ударила Палычу в голову мысль: ну дом они с Нинкой не осилят, а ежели летнюю кухню? В жаркий день на их фазенде не то что работать – дышать тяжело. Вот и будет у них, где укрыться от солнца. Сказано – сделано. Домок Палыч замышлял хоть и небольшой, но делать плохо его не хотел. Выложить стены пригласил знакомого каменщика, и тот сложил, чтобы не было укоров, на совесть, как себе. Ну а за крышу Палыч взялся уже сам. И пока он канителился со стройкой, Нинка успевала и огурцы с помидорами прополоть, и свеклу, и морковку, да прицепом – пять соток картошки. И все на жаре, на жаре: ползает по огороду, как улитка, а за ней чистый – ни травинки – огород остается. Палыч глядел сверху и хвалил себя: нет, не ошибся он, когда жену выбирал. Другие парни на красоту западали, а он рассудил: с лица не воду пить. И хоть бы пожаловалась когда. Бывало, спросит ее: устала? «Да ведь и ты не без

дела сидел», – слышал в ответ. Правильная жена была Нинка. Только однажды и взбрыкнула...

Палыч заканчивал пить чай, когда в окно постучали. Откинул занавеску – внучка, Светка:

– Дедуль, я тебе супчику принесла!

Забегала, поставила на стол кастрюльку, закутанную в полотенце. И – на работу...

Вот кому их летняя кухонька пригодилась...

Вот также прибежала к ним внучка два года назад, поздней осенью, в хлябь и слякоть. Уселась на сундук у порога (Нинка не могла расстаться с родительским сундуком, сколько он не насмешничал над ней по этому поводу), уселась и, глядя серьезно и даже строго, сказала:

– Дедуль, дай мне ключи от своего домка.

Они с Нинкой (тогда еще оба вместе) удивились: за чем? В огороде все убрано, погода не для отдыха вроде.

– А я и не отдыхать, – прямоком заявила Светка. – Я – жить.

Чувствовалось, что объяснять ей ничего не хотелось, но тут уж Палыч уперся: как он может дать ключи неизвестно для чего? Жить – это как? Ну, воду в кухоньку он завел, ну, к электричеству они подключились. Так ведь осень, холодно уже, а там всего-то печка-временка – от нее тепло, пока горит. Светка опять прямоком:

– Не могу больше с мамкой жить. Устала.

Они с Нинкой переглянулись; характер родной дочери был им хорошо известен: «Как я сказала, то и правда, и никакой другой правды быть не может». Не потому ли и муж, Светкин отец, ушел из семьи, от этой «правды» устав? Словом, решение внучки не показалось им таким уж непонятным. Но... чего у них-то не жить? Дом просторный, приходи да живи.

– Хочу сама. Не маленькая, справлюсь.

Не маленькая – это да. Школу окончила, потом колледж юридический. Теперь, слава Богу, в Пенсионном фонде работает, в сухости и тепле. Но все же зачем так уж жизнь усложнять? Домок их на улице крайний,

мало ли какой лихой человек, зная, что девчонка живет одна...

Упросила! Да так настойчива была, что они только рукой махнули: живи до зимы, потом сама убежишь – холод выгонит.

Так ведь не выгнал! «Вечером печку докрасна топлю, а утром волосенки от кровати отдираю – примерзли», – рассказывала внучка и... смеялась! Кровать та – таких уж ни у кого нету – старенькая, металлическая, но Нинка и с ней расстаться не могла, держала в сарае и так уж обрадовалась, когда ей место на летней кухне нашлось. «Вот и пригодилась», – сказала, как в оправдание себе. А чего тут оправдываться? Ее экономности и бережливости был он только рад. У него, как у мужа, никаких претензий к Нинке не было. Ну, разве что один раз, когда...

– Палыч, открой!

Кого там еще принесло? У него что сегодня – день визитов?

Дуня – явилась не запылилась... Решил с ней не церемониться: чего лясы точить, если все уже давно выяснили. Так нет ведь, уселась на сундук основательно, значит, надолго. Они с Нинкой, бывало, смеялись: нам и кресел не надо – сундук всему замена.

– Ты подумать обещал, Палыч. Я за ответом пришла.

– Я и подумал. И надумал, что ты сама догадаешься, каков тот ответ будет.

– Ну и дурак! Да ты не спеши точку-то ставить. Прикинь: мы с тобой оба старые, а помирать все одно неохота. Нинка тоже, поди, не по доброй воле туда пошла. Врачи про какой-то тромб толковали, а я думаю – тут уж как сверху распорядятся...

Дуня вздохнула соболезнующе, но свою линию продолжила:

– А чтобы дольше пожить, Палыч, надо об себе заботиться. Перво-наперво, хорошо питаться. Признайся: на сухомятке сидишь?

– А вон – суп на столе!

– Внучка принесла? Ну так она все одно не наносится. У нее теперь своя семья.

И замолчала, словно давая ему время еще раз все хорошо обдумать. Обдумывала и сама: не он дурак, а она сама дура. Звал ведь, звал в свое время замуж, нет, она на богатого польстилась. У того богатого дом уже был, а Палыч строиться только собирался. Теперь тот богатый там же, где его Нинка... Ну и чего бы им хоть на старости лет не пожить вместе, друг об дружке заботясь? Ведь не забывал он ее, нет...

Давно, конечно, дело было. У них ребятишки – у нее сын, у него дочка – только-только в школу пошли, а ее богатый уехал по делам в область, да не на один день. Ночью слышит – стук в окошко. Откинула занавеску – вот он, отвергнутый. А она что – святая? Открыла. Впустила.

Открыла. Впустила... Домой он тогда пришел, делая вид, что ничего такого особенного не случилось: пришел ведь! Другие, случается, не приходят. Но Нинку это не устроило. Вот тогда она и взбрыкнула. Кинула его подушку ему под ноги:

– Иди, откуда пришел! На дух больше не нужен!

Вот это «на дух больше не нужен» его больше всего и задело. Ишь, барыня: жила-жила, всем была довольна, а тут взъелась, взъерепенилась. Сравнила бы лучше себя да Дуню. Это сейчас он рад, что не на красоту польстился, а было время, Дунины карие глазки насквозь прожигали... Не чувствуя себя виноватым (все не без греха!), обматерил супругу – чего раньше никогда с ним не случалось (ну дак и она его так не доводила!), и взялся учить уму-разуму: «Забыла, такая-сякая, каков порядок чисел? Кто первый в семье, а кто второй?» В критические моменты жизни Палыч любил и умел выражаться умственно – поднабрался таких выражений от командированных, приезжающих в район для контроля

и разного рода проверок. Устав от дел, руководящие товарищи искали отдохновения и находили его на лесной полянке, к которой сопровождал их он, Палыч. Сидел чуть в сторонке от всех, слушал да набирался уму-разуму, приобщаясь к новому, не районного уровня масштабу и глубине мышления...

Вот и тогда – думал, поучил бабу, объяснил, кто в доме хозяин, пожалуй, даже зареветь пора, а она повела себя непредвиденно странно: неторопко подняла вдруг кинутую ему под ноги подушку, села на кровать, обняв ее, и раздумчиво произнесла:

– А и правда – чего на тебя злиться-то? Тебя жалеть надо: любил одну, женился на другой. Выходит – всю жизнь промаялся...

И хоть бы раз напомнила, упрекнула потом! Даже тогда, когда, кажется, это вполне заслужил.

...В девяностые, которые теперь лихими называют, дело было. Рухнула держава, рухнули прежние правила жизни. В их небольшом лесничестве – и то порядку не стало. Ранее своей территорией дорожили, кого зря на нее не пускали, а тут новость: можно отдавать часть лесного фонда в аренду. Хоть маленькую, хоть большую. В зависимости от кошелька арендатора. Он, Палыч, пошел к директору: это как? Эдак все государственное добро растратить можно. Кирилл Прокофьевич только руками развел:

– Сам пока ничего не понимаю.

Да, кто-то не понимал, а кто-то быстро сориентировался. Не к директору – к нему, лесничему, как к самому близкому к лесу человеку, подошел однажды местный новый русский (а попросту говоря – хозяин продуктового магазина):

– Подскажи-ка, где тут у вас самый хороший участок?

Он, Палыч, сначала взмыкнул: не по адресу, мол, обращаешься. На это директор есть.

– Лучше тебя ваши угоды никто не знает. Так что к директору я пойду после. А чтобы тебе лучше думалось сейчас...

И вынимает из нагрудного кармана конвертик. Палыч и в самом деле стал думать: директор сам в растерянности... все кругом в растерянности... Проверяющих, которые бы разъяснили, что к чему – и тех не стало. А он что – умнее всех? Всех честнее? Как раз вчера приходила к ним бабенка с уличного комитета: нет, говорит, сейчас денег у государства, предложено гражданам свои проблемы решать самим, самостоятельно. Другими словами, если свет в свой домик проводить будешь – доставай денежку из своего кармана. Он еще пошутил: а если карман дырявый? И услышал совет: а ты подумай, как его залатать. Так, может...

Словом, не устоял он, тот конвертик взял. Поинтересовался, правда: зачем, мол, лес-то тебе, или на колбасе и селедке далеко не уедешь? «Не твое дело», – получил ответ. И больше спрашивать ничего не стал. И вроде никаких свидетелей того разговора не было, ан кому-то все же стало известно, кто-то сходил и донес, куда следует... И дальше все шло, как положено: дознание, суд, полгода хоть и нестрогого, но и не домашнего режима.

Нинка регулярно носила ему передачи: пирожки, котлеты, колбаску. Нинка писала неровным почерком в записках, запиханных в батон: ты держися, а мое дело – ждать...

А он вернулся – и в тот же день, празднуя свободу, нажрался до чертиков. Нет, чтобы дома сидеть – по дворам пошел, в каждые ворота зачем-то стучал. Особенно сильно – в Дунины. На другой день по улице молва: да он к Нинке ли вернулся? Не к Дуне ли?

Домой попал только под утро. Нинка натопила титан, посадила его в ванну, терла то мягонькой, то жесткой мочалкой. Он сидел покорно, малым дитем. И в какой-то момент, сам того от себя не ожидая, ухватил ее за мокрую руку и... поцеловал.

– Иди домой, Дуня. Что было, то было. Да... прошло.

Гостя долго и пристально на него смотрела. Не дождавшись больше ни слова, поднялась с сундука и тихо, тоже ни слова не говоря, вышла.

А внучка, похоже, пошла в бабку! Еще при Нинке, у самой Нинки, научилась сажать огород, а когда он, Палыч, приехал на лесхозовской лошадке вспахать землю и сказал ей: «Пока я пашу, так ведь я не вечный. Да и газ в домик проводить надо и теперь не за государствен- ный, за свой счет, – одной-то твоей зарплаты хватит?» – рассудительно ответила:

– Не переживай, дедуль, я над этим вопросом работаю.

И скоро появился на ее огороде помощник. А еще через год – сынок. А когда муженек стал прикладываться к рюмке и она заявила бабке: уйду, та ей ответила побаской:

– Я от бабушки ушел, и от дедушки ушел, и от мамки ушел, а от тебя, муженек, и подавно уйду... Так, что ли? Не-е-т, Светуль, так не пойдет. Он у тебя парень работа- щий – вон, как дед. И как дед перебесится, перемелется – и мука будет.

Палыч эту их беседу ненароком подслушал. Мысленно Нинку одобрил: молодец, сумела внучку на правиль- ный путь направить. Успела порядок чисел объяснить.

А теперь вот мучается: только сама ведь тот поря- док и нарушила! Зачем опередила меня, зачем так рано ушла? Зачем?!

МЫ РАССТАЕМСЯ?..

Рассказ

Сонька заинтриговала ее сообщением:
– Я тебе ролик сбросила на мобильный, посмотри вечером.

Соньке хорошо говорить: замуж не спешит, а друзей – по всему миру, благо, возможностей для общения с ними теперь немало. Но она-то, Виктория, женщина замужняя...

– Скажешь – вечером... А кто супруга с дочерью будет кормить? А прежде тот ужин надо еще приготовить.

– Ну от ночи кусочек отломи. Не всю же ночь вам миловаться...

– Ой, он в последнее время так устает. Тут уж не...

– Ну, решай сама. Только сдается мне, что начнешь слушать – не оторвешься.

Интересно: от чего же она может не оторваться? Что нового откроет ей тот ролик? Ну тебя, Сонька, чуть про хлеб не забыла. Хлеб она всегда покупает сама: муж действительно устает на работе, а у дочери голова учебой забита. Получается, что она самый свободный человек в семье.

И размороженная курица ждет именно ее рук. Курица – быстрее всего: посыпал специями, завернул в фольгу – и в духовку. Пока жарится-парится, варим макароны. Салатик из свежих огурцов – всего-то нарезать...

Мишка, едва раздевшись, тут же нырнул в душ, а она стала накрывать на стол. Накрывала с мыслью: сейчас поест, расслабится и начнет отмякать душой и телом. Может, даже стопарик предложить? И вот вышел – в чистой майке, благоухающий запахом лаванды (специально мыло с успокаивающим эффектом купила), уселся и...

– А где Ксюха?

Ну это она должна признать безоговорочно: у отца с дочкой особые отношения. Кажется, она прилагает немало стараний, чтобы наладить с дочкой душевный контакт, а у него без всяких усилий это получается. Глянут друг на друга – и все поймут. Все, что им надо...

– Ксюш, иди ужинать! – крикнула через дверь в комнату дочери. А в ответ – тишина. Потом вялое:

– Начинайте без меня, я чуть позже.

Ну без нее – так без нее. В конце концов, взрослая дочь, студентка второго курса института имеет право на самостоятельное решение? Имеет. Это она, ее мать, не имела в ее годы такого права. Жила, как родители велели. Слава богу, что это – всю порочность этой установки – она поняла своевременно. Да, хватит того, что ее прессовали все детство, всю юность – она не позволит себе (и даже мужу!) делать то же самое с их дочерью. Та пока не догадывается, кому обязана своей свободой, ну да это не важно. Важно, что они живут по другим правилам, нежели были заведены когда-то в ее родной семье.

– А что, если мы еще и по стопочке?

Ну какой муж откажется от такого заманчивого, да еще поступившего от жены, предложения? Мишка – не исключение:

– А давай! Пока там Ксюха грызет гранит науки...

Курочка удалась на славу. И салатик из огурчиков среди зимы очень симпатично смотрелся... и хлеб сегодня испекли вкусный... Она ела и думала хорошие мысли: ну все же, все нормально в ее нынешней жизни – у нее работа, которая нравится, замечательные отношения с коллегами и начальством. А главное – в семье все хорошо. Все-таки не удалось родной матушке скроить ее личную жизнь по своему лекалу; она, когда выходила замуж, твердо решила: до сей поры подчинялась родительской воле – теперь буду все делать по-своему. Мужу – полное доверие, дочери – полная свобода...

Ксения вышла к столу, когда она уже начала мыть посуду. Отец от телевизора поинтересовался:

– Что, курсовую писала?

Ксюха молчала, словно вопрос поставил ее в тупик. Потом задумчиво произнесла:

– Ага. Очень трудная тема.

– Справилась?

– Кажется.

– Ну и молодец.

– Ты же у нас умница, – добавила Виктория своей материнской ласки. Хотя какая-то неясная тревожинка из сердца не ушла: обычно дочь отвечала отцу без промедления, да еще и щедро одаривая улыбкой...

Но в душу к девчонке решила не лезть. Не прессовать – так не прессовать. Ребенок взрослый. Захочет – скажет сама.

Постель, постиранная порошком с новой отдушкой, благоухала все той же лавандой. Муж читал книжку. Чему она всегда удивлялась – библиотекарь она, а лавину книг проглатывает муж. Поначалу она относилась к этому настороженно: глотает-то глотает, а что в голове остается? Со временем убедилась: остается очень даже немало. И смыслы читатель усваивает, и подтексты способен уловить. И это, конечно, здорово: что была бы за жизнь, выйди она замуж за недоумка? Для нее самой чтение было так же необходимо, как, например, умыться по утрам: не умоешься – сама себе противна. И вообще, есть вещи, необходимые так же, как дышать. Похоже, у супруга такое же отношение к книгам. Если вспомнить, она присматриваться к нему стала только после того, как во время очередного провожания Михаил, до сей поры не знавший, как привлечь к себе ее внимание, прочитал от отчаяния строки:

*Внимание! Следует знать,
Что одинокое сердце
Сердцем нельзя назвать...*

«Ого! – удивилась она. – Антонио Мачадо...» Она и сама вряд ли бы знала этого стихотворца – в библиотечном техникуме поощрялось внимание к поэтам отечественным, но преподаватель литературы неожиданно согласилась: да пиши свою курсовую про этого испанца, расширь кругозор, тем более что испанец этот искренне любил Россию...

В общем, Мачадо сыграл в ее выборе значительную роль. А ее мама, конечно, радовалась другому: сегодня твой Михаил – мастер цеха, а завтра, глядишь, его начальником назначат, а там и... Ее эти рассуждения злили: мастер, начальник... А о чем мы с ним говорить будем – это тебя не волнует?..

– Ты не будешь возражать, если я на кухне немного посижу? Сонька там какой-то ролик сбросила.

– Да смотри здесь.

– Нет, не буду тебе мешать. Там со звуком.

– Ну вали. Потом отчитаешься.

Перед тем, как уединиться на кухне, заглянула к дочери.

– Ксюш, у тебя все в порядке? Может, с Женькой поссорились?

Дочь ответила не сразу, как и после вопроса отца. Но потом привычно улыбнулась:

– Не, мамуль. Как раз здесь все в полном порядке.

Виктория чмокнула дочь в щечку (ее в детстве никто так не чмокал!) и уже спокойно пошла на кухню.

Где тут Сонькина «бомба»? А там, наверное, действительно бомба, если в ответ на ее сомнение: «Не представляю, что новенького я там могу услышать» Сонька ее решительно осадила:

– Милка моя, ты хоть представляешь, о чем пойдет речь? Это область знаний, где наша с тобой начитанность ничего не стоит. Тут нужен специалист.

– И в чем же он специалист?

– В психологии. Ты же не будешь утверждать, что мы с тобой и тут доки?

– Ну, допустим. А тема?

– Токсичные родители.

– Какие-какие?

– Ну вот, а говоришь – мы во всех областях и сами хорошо шарим. Токсичные родители – в современной психологии самая актуальная на сегодняшний день тема. Ну, может, одна из самых актуальных.

– И как понимать этот странный термин – токсичные родители?

– А что, твою твою жизнь совсем не отравляли?

Подруга оказалась права... Она стала слушать ролик и тотчас поняла: да, это именно то, что ей давно было нужно. В чем она хотела и просто должна окончательно разобраться. Потому что одно дело – собственные домогательские соображения, и совсем другое – мнение человека компетентного, в области психологии сведущего. И вот чем больше слушала она приятный женский голос (психолог оказалась женщиной), тем больше убеждалась: да здесь же ответы на все ее вопросы! Человек формируется в детстве – это она и сама, слава богу, знала. Это вообще известно, наверное, каждому. Но каждый ли решится додумать эту мысль до конца? Каждый ли отважится сделать вывод: в детстве, в прямом и переносном смысле слова, нас ведут за руку родители; но вот наступает время, когда ребенок осознает, что он вырос, что дальше может идти самостоятельно. Вот тут-то все и начинается...

С самых-самых ранних лет она помнит: делай то – не делай этого; сначала уроки – потом всякие глупости (даже тетрадка со стихами попала в этот разряд!); такая короткая юбка – ты что, от людей стыдно. И чтобы с дискотеки – в половине двенадцатого!

А она уже примеривалась носить туфли на каблук, и поскольку дискотека заканчивалась в одиннадцать, ей приходилось спешить, а спешить на каблуках – так ведь и ноги сломать можно! Но попробуй послушайся – упреков и нотаций не избежать! Гиперопека – какое

верное слово произнесла женщина-психолог! Каждое слово, каждый шаг, каждое желание – под постоянным родительским контролем. Точнее даже, материнским, потому что отец был как-то лояльнее, как-то терпимее, что ли. За что, между прочим, влетало от матери и ему...

Эта гиперопека не кончается и сейчас. Да вспомнить хотя бы последний разговор с родительницей. «Доченька, как ты живешь?» Как злила ее эта показная забота, цель которой – выслушать ответ и тут же дать категоричный совет-приказ. «Ты разрешаешь внучке возвращаться домой, когда она захочет? Это в наше-то неспокойное время, ты не с ума сошла?..»

Господи, как хорошо, что наконец-то нашелся человек, который не побоялся произнести эти гениальные слова: токсичные родители. Теперь ей можно не сомневаться в принятом в свое время решении: когда у нее будет дочь – она даст ей полную свободу. Вот что хочет – то пусть и делает, как хочет – так и поступает. И, кажется, слово свое она держит.

Думала, муж уже спит, ан нет.

– Ты чего? Устал ведь. Кстати, почему у вас нагрузка-то увеличилась?

– Ну... Ты, может быть, заметила, что наша страна находится в состоянии войны?

Вот так всегда: с иронией, с подковыркой... Она решила не обижаться. Собственно, это решение она тоже приняла тогда, в самом начале их семейной жизни, когда ей стало ясно как день: объединение их одиноких (до той поры!) сердец вовсе не значило, что супруг во всем будет соглашаться с ней и всячески ей потакать. О, этот характерец она раскусила сразу...

– А ты-то тут при чем? Вроде не на позициях, – решила проявить свой характер и она.

– На позициях другие. А противник имеет наглость регулярно выводить у них из строя технику.

– Так вы же не военное предприятие... У вас же...

– Ты опять не заметила: наше предприятие уже давненько несколько перепрофилировали. Но тебе, как библиотечкарю, знать об этом даже не обязательно. У нас – железки, у вас – человеческие души... Скажи лучше, какие такие новости обрушила на тебя Сонька? Какую лапшу вам с ней на уши вешали?

На этот раз юмора она не приняла и обиделась всерьез:

– Почему лапшу? Мне кажется, тебе и самому все это не мешало бы послушать.

– Ну, на этот раз я доверюсь тебе. Давай, излагай.

Задушить обиду на корню было нелегко, но она сделала это ради дочери и потому принялась передавать содержание прослушанного ролика. И вот тут эмоций уже не сдерживала: «Ну разве она не права, эта психологиня? Разве не так воспитывали нас наши родители – отслеживая каждый наш шаг, читая нотации по любому поводу? Токсичные, еще какие токсичные...»

– Ваша лекторша не сказала, кто придумал нашим родителям такую кликуху?

Она вспыхнула опять:

– Не хочу с тобой говорить! Ты настроен сегодня агрессивно.

– А я все-таки позволю себе сказать: эта ваша психологиня такая же дура, как и вы с Сонькой, только американского происхождения. Точнее, каркас-то у нее русский, а вот начинка заморская. Я могу назвать тебе даже имя ее изобретателя...

– Да откуда тебе это известно?

– Викусь, ты в каком отделе работаешь?

– Ты прекрасно знаешь – отделе художественной литературы.

– О, да... Шепот, робкое дыханье, трели соловья... Но надо же иногда и в другие отсеки заглядывать.

– Зачем, если они мне совсем не интересны?

– Да затем, что у нас взрослая дочь. Ты не боишься, что она со временем захочет зачислить нас в этот же разряд – токсичных родителей?

- Ну, знаешь... мы не даем к этому повода.
- А ты думаешь, здесь нужен повод?
- Ты, кажется, тоже вознамерился лекцию прочитать. Но мне на сегодня, пожалуй, достаточно.
- Все, молчу. Мне тоже пора баиньки. Спокойной ночи.

Она тоже пожелала мужу спокойной ночи и отвернулась к стене. Отвернуться легко, тяжелей успокоиться. Нет, вы подумайте... Возомнил себя спецом во всех областях, лучше бы про свои железки больше думал...

Да, но он назвал имя психологини, придумавшей это суперверное определение – токсичные родители. Значит, ее систему взглядов изучал всерьез. Он и еще что-то хотел сказать, да она не захотела слушать... Она, конечно, отдает должное его эрудиции, но никогда не согласится с тем, что психолог, которого она прослушала – дура. Она как раз-то умница, сумевшая разобраться в отношениях родителей и выросших детей. Как правильно она говорила про гиперопеку! И даже выход подсказала: отъединиться! Родители должны проявлять заботу о детях только до восемнадцати лет, а потом надо отпускать их на свободу, – вот он, выход. Правда, лектор употребила какое-то странное слово... кажется, отсепарироваться. Да, не отъединиться, не разъехаться, не разбежаться, а – отсепарироваться. Сепарация – это, собственно, процесс отделения молока от сливок. Но... в каком-то смысле это слово – аллегория, образное выражение, означающее разделение детей и родителей. Все это, конечно, немного странно звучит для русского уха, но ведь по сути верно. Уф-ф-ф... Пожалуй, на сегодня хватит. Пожалуй, действительно пора спать...

Утром Виктория встала неотдохнувшая, с мешками под глазами. Но яичницу с колбасой пожарила, на работу супруга проводила. И даже чмокнула в щечку: «Пока, мой умный. До вечера». Он ответил тем же, а сказал следующее:

– Ты поговори с дочерью. Что-то она мне подозрительной вчера показалась.

– Ну как же тебе было этого не почувствовать! У вас же особые отношения. И взаимопонимание соответственно. Так что, как скажешь.

Муж уходил на работу первый. Она второй. Ксюха – в зависимости от того, какая лекция с утра. Скучную она иногда пропускала. Вот и сегодня – вышла на кухню, потягиваясь: нет, Архипыча слушать не хочу.

– Так же, как не захотела вчера ужинать со своими родителями, – удачно подключилась Валерия. – Я, конечно, не настаиваю, но все-таки хотелось бы знать...

– Мам, не лги: на самом деле тебе очень хотелось бы знать! А мне, между прочим, очень хочется рассказать. Пока папки нет дома.

Виктория удивленно приподняла брови:

– Вот уж не думала, что такие слова прозвучат в адрес отца. По-твоему, он что – не способен понять?

– Очень даже способен. Но сначала все-таки хотелось бы обсудить с тобой.

Ангел над ними пролетел – такое у Виктории возникло чувство, так дорога была ей эта фраза. Она означала доверие. Она означала – отношения с дочерью выбраны правильные. Она улыбнулась:

– Ну давай. Выкладывай свою тайну.

Дочь смотрела на нее испытующе. Потом уткнулась лицом в локти:

– Ой, не знаю. Как бы не пожалеть.

– Ну если уж заикнулась... Давай от печки. Ты говоришь, с Женей у тебя все в порядке? И никаких проблем?

– Вот никаких! И все... проблема.

– Ты меня пугаешь. Может, попытаешься что-то объяснить?

Молчала Ксения долго. Так долго, что Виктория уже начала сомневаться относительно пролетевшего ангела, как вдруг услышала:

– Все просто, мам. Он предлагает мне выйти за него замуж.

Виктория перевела дух:

– Ну, в вашем-то возрасте... какая же это проблема?

Ксения, словно не слыша ее, продолжила дальше:

– Выйти замуж, а потом уехать.

– Куда?

– Не куда, а откуда. Из этой страны – так, кажется, сейчас говорят.

Всего, чего угодно ожидала Виктория, только не этого. Думала: может, про беременность скажет, может, что хвостов нахватала, а тут...

– Ну, а повод-то какой? Причина?

– Мам, ты что, не знаешь, почему сейчас многие из молодых и не только, бегут за границу?

Они сидели друг напротив друга в полной неподвижности и полном недоумении. Мать от того, что пребывала от услышанного в шоке, дочь от того, что – неужели решилась сказать? Наконец, Ксения принялась размешивать в чашке давно растаявший сахар, а она, мать, молча смотрела на нее, парализованная странным чувством: ей казалось, что главное в эти вот минуты – не шевелиться, не делать никаких движений, чтобы не спугнуть дочь, как будто та могла прямо сейчас встать и уйти – не на занятия, не к подруге, не на свидание с Женей, а – навсегда. Из их общей до этой минуты жизни.

Что бы на ее месте сделала сейчас ее мать? Стала бы сотрясать воздух. Произнесла бы свою коронную фразу: «Вот если бы вы жили, как вам говорю я...» Она же, Виктория, на эту фразу не имеет права – правила, по которым она решила жить и к которым привыкла и она сама, и дочь, не позволяют ей сделать этого. Поэтому единственное, что она может сейчас себе разрешить, это вопрос:

– А... что же ты?

– Я, мам, пока не знаю. Я думаю.

Уф-ф-ф... Скопившийся внутри нее страх Виктория на этот раз выдохнула откровенно и не таясь:

– Слушай, а давай все-таки посоветуемся с отцом.

– Нет, мам, пока ничего ему не говори. Тебе я сказала потому, что ты как-то... мягче, что ли (и опять пролетел ангел!), а папка... рубанет сплеча...

В первый раз она не обрадовалась дочкиному доверию. Потому что наконец-то не просто поняла – всей шкурой почувствовала, что есть вещи, есть тяжести, которые одним только женским плечам не под силу. Не зря же, наверное, в Писании сказано: нехорошо человеку быть одному. И даже если там имелся в виду мужчина, если даже там подразумевались интимные отношения – женщине быть одной нехорошо тем более. Потому как раз, что – плечи слабее...

Да, надо было взять время на передых.

– Ты вообще-то на занятия сегодня пойдешь?

– Угу. Сейчас буду собираться.

– Ну, а я пошла...

Сонька сидела за компом, но смотрела поверх монитора. Виктория прошла на свое рабочее место – стол у окна, с твердым намерением ничем не выдавать ни своего смятения, ни растерянности, охвативших ее после разговора с дочерью. Видимо, ей это неплохо удалось, если Сонька тут же оторвалась от мерцающего экрана и накинулась на нее с вопросом:

– Ну, что? Тебя впечатлило?

– Ты о чем?

– Ну ты даешь. Я про ролик.

– Ах, да...

Она опять сделала над собой усилие, чтобы удовлетворить Сонькино любопытство, и добросовестно сочинила несколько фраз, хотя уже поняла, что про ночной просмотр ролика она бы просто-напросто и не вспомнила, настолько незначительным казалось ей теперь то, что еще вчера представлялось сверхважным. Но отделаться от Соньки было не так-то просто.

– Про суперопеку, про то, что от родителей жизненно необходимо вовремя отсепарироваться – ну разве не в точку? Разве это не про наше поколение, которое было просто зомбировано нашими предками?

Отсепарироваться – да, именно это слово вчера резануло ей слух. А сегодня она готова согласиться с Мишкой, что не русский человек его изобрел. Можно же сказать проще и внятней – отделиться.

Виктория услышала тихий смех – свой собственный! Сонька посмотрела на нее озабоченно:

– Что с тобой происходит? Ты сегодня какая-то странная. То мрачнее тучи (все-таки усекла!), то ржешь, как... извини, конечно.

– Сонь, я вчера с мужем на эту тему беседовала. Ты знаешь, он у меня парень начитанный. Так вот, он сказал, что твоя психологиня излагает идеи одной американской дамы.

– Ну, знаешь... Да пусть хоть кого. Главное – там все правда. Про нас и наших дорогих родителей.

Сонька помолчала. Потом произнесла раздумчиво:

– Я понимаю, конечно, что мы им многим обязаны. Они нас растили, кормили-поили, одевали – как могли. Выучили – тоже как могли. На институты денег не хватило, так хоть библиотечный техникум.

– Вот-вот... Так, может, это была не суперопека, а... суперзабота?

Сонька смотрела на нее озадаченно и недоуменно: я, мол, хотела тебе глаза открыть, а получается... получается, что обе они неожиданно сделали вывод, которого совсем не собирались делать...

Пришла заведующая, пошли посетители, в общем, день закрутился. Виктория даже обрадовалась тому, что наконец-то возникла необходимость отодвинуть в сторону свои проблемы и заняться делом. Хотя, если честно, мозги вершили свою работу параллельно служебным обязанностям. Вот Женька, – рассуждали они.

– В принципе, хороший парень. Высок ростом, красив – этого не отнимешь. Но рабочий-то инструмент у хорошего парня... голос! Всего лишь голос. Она слышала его песни – молодец, обладая таким голосом и слухом, – грех не петь. Но.. как хотелось бы, чтобы у будущего зятя была пусть более прозаическая, но зато надежная профессия. Голос – он нынче есть, а завтра...

Боже... Она, кажется, рассуждает сейчас точно так, как ее мать... Может быть, в жизни детей и родителей наступает момент, когда траектории их существования где-то начинают пересекаться? И совпадать? И не такие уж они антиподы? Да, в ее детстве не было всяких там муси-пуси, поцелуев в щечку, но, тем не менее, каким-то необъяснимым образом она чувствовала, что мать ее любит! Да, любит, только молчаливой, не высказываемой любовью. Почему? А ты вспомни, какой усталой она приходила с работы – до нежностей ли тут? А надо еще приготовить ужин, надо постирать, а стиральных машинок-автоматов тогда еще не было, надо проверить, сделала ли дочь уроки...о, много чего надо было успеть за вечер...

Однако она только что думала о чем-то другом, что представлялось ей более важным. Да, вот: голос. Женькин голос. Но бог с ним, даже и с голосом... Где у молодого человека мозги? Как он додумался до этого: бежать из страны? Боится призыва? Но его возраст позволяет ему, по крайней мере, пока не опасаться этого. Да, он старше Ксении, но Виктория всегда считала это скорее достоинством, чем недостатком. Старше – значит, перебесился всеми искушениями молодости, значит, способен принимать взвешенные решения. Тем более непонятно, почему...

Вот вечером она и спросит Ксению, почему. Поинтересуется, кстати, еще и тем, а не стыдно ли ему в его-то годы именовать себя на концертных афишах Жемой. Впрочем, не у него одного сейчас такое не столько имя-псевдоним, сколько прозвище, едва ли не кличка –

нынешние служители сцены, кажется, задались целью перещеголять друг друга в пошлости и безвкусицы. Хотя сами они, конечно, считают по-другому...

Курица была вчера, сегодня будет минтай. Замечательная, между прочим, рыбка. Недорогая, приятная на вкус, а главное – очень полезная. Фосфор – их мозгам сейчас очень нужен этот обязательный для нормальной работы мозгов микроэлемент...

Мишка уже был дома!

– Ты чего так рано? Боевые действия закончились?

– Ты знаешь, было бы совсем неплохо. Но причина, увы, довольно прозаическая и даже неприятная – несвоевременная доставка запчастей.

– Ой... ну и хорошо. То есть совсем нехорошо, но именно сейчас... лично для нас... для нашей семьи...

Она хлопотала у плиты, а муж листал газету. Оттуда, из-за газеты, и прозвучал вопрос:

– И почему именно сейчас, именно для нас? Кстати, с дочерью ты разговаривала?

– Угу...

– И... что?

Виктория, отложив сковородку в сторону, плюхнулась на стул напротив.

– Плохо, Миш.

Муж тотчас отложил газету. Но бросаться в панику – это не про Мишку. Про Мишку вот это спокойное:

– Давай, выкладывай.

– А может, лучше дождаться ее?

– Почему же лучше? С ней мы тоже поговорим. Чувствую даже, не один раз.

– Ой-ой... Ты только не превращайся в диктатора. Помнишь, мы договаривались?

– Еще как помню. И о вчерашней «суперопеке» помню. И о том, что мы живем в толерантном обществе, – тоже.

«С чего же начать? – гадала Виктория. – А может, тут и гадать нечего?» И – как в воду нырнула:

– Миш, Жека... Женька то есть, зовет ее замуж. И... за границу.

Вот, главное сказала... На первую часть сообщения муж отреагировал так же, как и она:

– Ну, замуж – это понятно. И естественно. Не первый год девку обхаживает... А за границу – это как? Он там что – богатое наследство получил?

Два чувства владели Викторией. Первое: слава богу, сказала, свалила половину ноши на того, с кем и положено такой ношей делиться. Второе: почему же не стало легче?

– Миш, но ведь это же кошмар... ужас...

Мишка молчал, и Виктория была этому рада: молчит – значит, думает. Всерьез думает. И чего зря не скажет. Но говорить не пришлось.

Раздался звонок, и на пороге возникли они – так сказать, влюбленные. Впрочем, почему «так сказать»? Муж прав – звезда местного музыкального небосклона Евгений Ерохин, он же Жека, ухаживал за их дочерью давно, но пока безрезультатно: в ответ на предложение руки и сердца та ссылалась на загруженность учебной программой...

Что сегодня? Что будет сказано им, родителям, сегодня?

– Ой, ребята, проходите... Минтай – рыба молниеносного приготовления...

Но рыба, кажется, интересовала пришедших меньше всего.

– Мам, пап, давайте просто посидим. Побеседуем.

Вид у Ксении был не то чтобы озабоченный, а скорее отсутствующий, словно она думала о чем-то важном, но никого в свои раздумья пускать пока не собиралась. Тогда чего сидеть? О чем беседовать?

Молодой человек сделал попытку направить ситуацию в нужное русло:

– Нет, чайку все-таки можно. Свежий и крепкий чаек – это просто отлично. Под него и беседовать легче.

Виктория кинулась заваривать чай, и, пока он настаивался, носила на стол конфеты, печенье, порезала сыр. Возникшую безоблачную, почти семейную атмосферу разрушил Михаил:

– А может, сразу о главном?

Евгений возражать не стал.

– О главном, так о главном. Михаил Павлович, Виктория Алексеевна, вам известно, как я отношусь к вашей дочери. Сегодня в очередной раз сделал ей предложение, но она... в очередной раз сослалась на загруженность учебной. Не спорю, высшее образование – вещь важная и необходимая, но не понимаю, почему она должна стать препятствием к созданию семьи. Может, вы знаете, как это препятствие преодолеть? Словом, очень надеюсь и рассчитываю на Вашу помощь. Вот...

Виктория видела, как нелегко Ксюхиному ухажеру далась его речь: аж испариной покрылся. А эта, пигалица, сидит, как ни в чем не бывало. Словно и не о ней идет речь... Она уже готова была ринуться на помощь будущему зятю, как Михаил опередил ее вопросом:

– И как же вы представляете себе вашу совместную жизнь? Элементарно: на какой жилплощади, например, собираетесь ее строить?

Гость прекрасно понял, о чем его спрашивают, и не стал наводить тень на плетень:

– Своей жилплощадью мы планируем обзавестись не в пределах нашего государства.

– А где же, позвольте поинтересоваться? Мне кажется, я, как отец невесты, имею право на этот вопрос.

Вот тут Евгений замялся. К такого рода конкретным вопросам он, видимо, готов не был. Но голос его, когда заговорил, был твердым и даже вызывающим:

– Это не так уж важно, я думаю. В свободном мире эти вопросы и решаются свободно.

– Ах, вот как... В свободном мире.... не в пределах нашего государства... Теперь все более-менее понятно. Все, кроме одного: вы, молодой человек, отдаете себе

отчет в том, на что решается? И не один, а еще и вовлекая в эту авантюру нашу дочь?

– Вы произнесли слово «авантюра», а, на мой взгляд, это нечто другое. И я рассчитывал, что вы это поймете. Что вы не настолько совки.

И вдруг сорвался на повышенный тон:

– Говоря вашим совковским слогом, вы что же – одобряете политику нашего государства?

– Ты о какой политике говоришь: внешней или внутренней?

– А какая разница?

– А такая, что, если вспомнить Радищева – «глянул окрест, и душа уязвлена стала...» Очень, очень многое из того, что окрест, мне не только не нравится, но вызывает чувство, близкое к отвращению. Только, сдается мне, сейчас не время говорить об этом. Сейчас есть задача поважнее.

Михаил замолчал, словно и не собираясь говорить больше ничего. Но через паузу вдруг выдал:

– Евгений, ты как мужик должен понимать, с кем мы сейчас воюем. Не с Украиной же, в самом деле. И уступи мы сейчас – нас до Владивостока топтать будут. Нас просто проглотят!

– И я в этом виноват? Лично я?

– Лично ты – нет. Но если так будут рассуждать все...

– Надоело! Вечно одна и та же песня: потерпите, завтра будет лучше. Сколько времени мы ее уже слушаем? Надоело! Вам нравится, вы верите – ждите, надеетесь! А нас с Ксенией отпустите на волю.

В комнате повисло молчание. И в этой напряженной, неприятной тишине вдруг прозвучало:

– Вот Ксения пусть и решает. Как решит – так и будет.

Женя-Жека, казалось, успокоился. По крайней мере, таким был его голос, когда он попросил:

– Но сегодня-то мы можем с ней погулять?

– Отчего же нет.

Ксения, до сих пор сидевшая молча, тихо проговорила:

– Мам, пап, я ненадолго...

И они остались одни. Виктория сидела в полной растерянности и прострации, а Мишка, как ни в чем не бывало, проговорил:

– Ты вчера, помнится, предлагала мне стопарик? А что, если нам и сегодня повторить?

– Ты... так думаешь?

– А почему бы нет? Посидим, поговорим. Нам ведь есть что обсудить, правда?

– Ну, тогда я, может быть, все-таки добыю минтая?

– Валяй.

Виктория занялась готовкой, и движение пошло ей на пользу. Во всяком случае, она почувствовала себя способной говорить. Делиться мыслями.

– Мне страшно. Неужели пришла пора этой самой... сепарации?

– А, чувствуешь, какое неприятное слово, – тут же отозвался супруг. – Неестественное какое-то. А все потому, что неудачный перевод. Вот тебе еще одно доказательство того, что оригинал текста беседы, которой ты вчера была очарована, создавался на другом языке. Между прочим, и это словосочетание – токсичные родители – поначалу тоже было переведено как «вредные родители». Но потом сочинители поняли: грубо, у русских это не пройдет.

– Миш, а зачем? Зачем все это делается?

– Ну, милая моя... От тебя, бойца идеологического фронта, даже странно это слышать. Впрочем, что же тут странного: не только ты, все мы вот уже сколько десятилетий подряд жили, убаюканные этим убеждением: все люди – братья.

– Но ведь так хотелось в это верить! И на самом-то деле так ведь и нужно жить!

– Вот-вот, доверчивей нашего народа нет, наверное, в целом свете. Нас обувают, а мы все верим и верим.

– Ты о чем?

– Помнишь такую фамилию – Даллес? Так вот, этот господин, на то время – директор ЦРУ, сразу после Великой Отечественной разработал планчик, в котором признал, что – да, увы – победить русских на поле боя не удалось. Но это не значит, что мы проиграли, а если и проиграли, то временно. И мы непременно выиграем, если сейчас же, не медля, бросим все силы, всю мощь нашей идеологической машины на оболванивание и одурачивание этих так называемых победителей.

– И... каким же образом?

– А очень простым. Мы, говорил этот стратег, потихоньку и незаметно подменим их ценности на фальшивые. Мы сделаем так, что их литература, кино, театр, да хоть та же эстрада будут изображать и пропагандировать самые низменные человеческие чувства. Любовь? – нет любви, есть секс! Добро? – не смешите, миром правит сила! Честность, порядочность, забота о тех, кто слабее – увольте от этих пережитков устаревшей морали. И что, разве не этим смрадом несет сейчас из наших телевизоров? А твоя литература – вы что, заполняете сейчас книжные полки произведениями отечественных классиков? Или вменяемых современных литераторов? Увы, эти полки забиты детективами и примитивами, которые называются любовными романами. А уж что извергается из уст нашей голозадой попсы... Нет, он совсем не дурак был, создатель теории оглупления целой нации. Он тонко и четко все просчитал. Обидно, что мы на все это повелись.

– Слушай, ты говоришь страшные вещи...

– А ты предпочитаешь их не знать? Но у тебя сегодня увели дочь...

Виктория так и застыла посреди кухни.

– Какие мы были дураки! И ты, ты тоже! Надо было сказать: не смей никуда ходить! Сиди дома! Пусть он едет один, этот Женя-Жека!

– Ого! А кто еще утром говорил, что на ребенка нельзя давить, что пусть он сам решает, как ему поступать! Твоя заокеанская дура именно к этому и призывает вас,

продвинутых мамаш! Вспомни ее прогрессивные речи: ребенок ваш только до восемнадцати лет, а потом его – коленкой под зад! Пусть живет, как считает нужным. А ребенку еще и считать-то нечего – у него ни зарплат, ни профессии, чтобы ее заработать, ни своей крыши над головой. Но вы его – коленкой под зад!

Виктория, забыв о минтае, бессильно опустила на стул.

– Миш, все это я и сама, кажется, начала понимать. И даже Сонька... Скажи лучше, что нам делать – сегодня, сейчас.

У Виктории уже дрожали и голос, и руки, но Мишка, словно не понимая напряженности ситуации, не спеша взял в руки бутылку, не спеша разлил вино:

– Я же говорил, что нам есть что обсудить и над чем подумать. Вот и давай – думать.

Виктория машинально взяла свою рюмку, отпила несколько глотков. Муж выпил все и в задумчивости произнес:

– Нет, как умно они все придумали: мы создадим в их стране хаос и неразбериху. Расколем эту страну изнутри. И для начала – разобьем их семьи. Посеем вражду между детьми и родителями. Вычислили самое слабое, самое хрупкое звено!.. Слушай, нареж-ка колбаски, что ли. Бог с ним, с минтаем.

Виктория метнулась к холодильнику, а Мишка продолжал:

– У твоей Сьюзан Форвард был, между прочим, предшественник, тоже называющий себя психотерапевтом. По примеру Фрейда он убеждал своих клиентов в том, что телесной и душевной близости между родителями и детьми должно быть как можно меньше. Термин «сепарация» придумали позже, но суть... Кстати, знаешь, чем все закончилось в жизни этого господина – последователя Фрейда и предшественника Сьюзан? Один его сын покончил с собой, другой вырос бездельником, лоботрясом и преждевременно умер, а дочь стала алкоголичкой... Ты бы пошла на консультацию к такому психотерапевту?

– Миш, откуда ты все это знаешь?

– Так это никакие не тайны. Этим надо только интересоваться. А источников информации сейчас...

Виктория уже и слушала, и не слушала своего продвинутого супруга. Потому что именно сейчас ей стало по-настоящему страшно. А вдруг он действительно увел их дочь, этот долгоиграющий жених? В ее памяти отчетливо возникла одна ужасная ночь, когда она вот также ждала Ксюху. Стояла суровая зима, но люди встречали Новый год, и потому морозы никого не напрягали: в каждом доме стояли столы, заставленные тарелками с оливье, селедкой под шубой, мандаринами и шампанским. Она тоже накрыла стол, и они сидели, как сейчас, с Мишкой вдвоем, потому что Ксения отпросилась встречать Новый год с одноклассниками. Она училась тогда в десятом классе, и значит, считала себя уже взрослой, и разрешение родителей для нее было скорее соблюдением формальных условностей. Они ее и отпустили, а как иначе? Настаивать: сиди с нами? А с нами ей уже скучно. Они и сами в свое время удирали от родителей к ровесникам. Даже она удирала – это при тотальном-то материнском контроле. Может, он действительно был не таким уж и тотальным?..

И вот куранты пробили полночь. А потом часы стали отсчитывать... часы. В два она уже пила валерьянку, а в три сказала мужу: все, я пойду ее искать. Куда? Не знаю. Но я не могу просто так сидеть и ждать.

Вышла на улицу. Освещенное яркой луной небо было высоким, а воздух таким холодным, что у нее замерзли ресницы и, кажется, даже глаза. Она шла и думала самые мрачные, самые страшные мысли, и ругала себя за свою теорию воспитания. И вот когда она исчерпала в себе все запасы ожидания, когда надежды на встречу с дочерью уже не осталось – на пустынной улице показалась она, ее Ксюша. «Мам, это ты?» Вместо ответа она тоже спросила: «Ты почему так долго?» – «Мам, но ведь Новый год... Засиделись... И ведь ничего страшного не произошло...»

Ничего – кроме того, что у нее замерзли не только нос, глаза и ресницы, но, кажется, даже душа. Только сказать этого – по ею самой установленным правилам – было нельзя. Сказала она другое: «Пойдем, там папка заждался...»

Успокоенный ее молчанием супруг блуждал в дебрях смартфона.

– О, послушай-ка. Старая-старая песня из такого же старого фильма...

Он увеличил громкость, и в комнате зазвучала спокойная, с чуть заметной грустинкой мелодия, и окрашенный той же грустинкой женский голос пропел:

*Слышишь, тревожные дуют ветра,
Нам расставаться настала пора...*

«Боже, какое хорошее русское слово – расставаться», – обрадовалась она. Это тебе не притянутое за уши, бездушное и уродливое «сепарироваться». Мелодия и негромкий мягкий голос артистки успокаивали, даже, кажется, врачевали душу – от нынешних песен этого не дождешься.

*Снегом слегка обжигает висок,
Кружится, кружится старый вальсок...*

И вдруг ее резануло: но ведь расставаться – это... это навсегда!

Но песня была милосердна, песня оставляла надежду:

*Мы расстаемся, чтоб встретиться вновь,
Ведь остается навеки любовь...*

А у них с дочерью – остается? Зачем они сегодня расстались – чтобы встретиться когда-нибудь потом, или...

На этот вопрос могла ответить только Ксюша. Если... если вернется домой.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Концерт для ветерана (<i>Повесть-воспоминание</i>)	4
Берега вечности (<i>Повесть</i>)	64
Королева в своем королевстве (<i>Рассказ</i>)	132
Дни золотых одуванчиков (<i>Рассказ</i>)	140
Любовь на другом континенте (<i>Рассказ</i>)	148
Ариан из созвездия Ориона (<i>Рассказ</i>)	159
Лиля-Лилечка (<i>Рассказ</i>)	167
Евроремонт по-русски (<i>Рассказ</i>)	178
Две забытых строки (<i>Рассказ</i>)	189
Кораблик золотой (<i>Рассказ</i>)	201
Браво, Рахманинов! (<i>Рассказ</i>)	212
Маленький розовый ркзачок (<i>Рассказ</i>)	222
Порядок чисел (<i>Рассказ</i>)	231
Мы расстаемся?.. (<i>Рассказ</i>)	239

Литературно-художественное издание

Наталья Николаевна Моловцева

*Дни золотых
одуванчиков*

Верстка О.И. Сотникова
Корректор Н.А. Белявцева

Подписано в печать 30.05.2025 г.
Формат набора 84х108¹/₃₂. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,96.
Заказ № 474. Тираж 300 экз.

Изготовлено по заказу ООО «Пресса ИПФ»
394006, г. Воронеж, ул. Челюскинцев, д. 143
Отпечатано в АО «Воронежская областная типография»
394071, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 73а.
www.oblprint.ru
тел.: 8(473)20-20-900